

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

10. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов
Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бекултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
29.10.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ

- Муса БУХАДИЕВ. *Паччахь, во! да, доттаг!.*
Стихотворени.....2
Султан МАРГОШВИЛИ. *Ца оьшу.* Стихаш.....14
Магомед АБДУЛАЕВ. *Ночь зверино-рыжими зрчками
так многооко в душу смотрит мне...* Стихи.....21
Асламбек ЯКУБОВ. *О старом Грозном...* Стихи.....25
Лейла КУСАЕВА. *Наше завтра.* Стихи.....53
Малика ГАЙСУЛТАНОВА. *Горькая чаша.* Стихи.....55

ДЕНЬ ГОРОДА

- Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *С днем рождения,
мой молодой, любимый город!*.....3

ПРОЗА

- Ахмет АСХАБОВ. *Коки.* Рассказ.....5
Адиз КУСАЕВ. *Конец Волкодава.* Рассказ.....15
Гарби УСМАНОВ. *Къу-берзан буйса.* Дийцар.....28
Аминат ТАПАЛАЕВА. *Женская доля. Кольцо от зятя.*
Рассказы.....57

ДЕБЮТ

- Хасан БАЙБЕТИРОВ. *Все это было, кажется, вчера...*
Стихи.....68

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Анна КОСАРЕВСКАЯ. *Сказки Белого Ворона.*
Главы из повести.....40

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тауз ИСС. *К истокам*.....71

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Муса АХМАДОВ. *О философии и эстетике
Магомета Мамакаева*.....73

КРУГЛЫЙ СТОЛ

- Литературная критика: современное состояние и
перспективы развития.* Подготовил
Саламбек АЛИЕВ.....77

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

- М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
Михаил ЛЕРМОНТОВ. *Валерик.* Стихотворение.....37
Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Драматургия М.Ю. Лермонтова
в русской критике*.....89
Шамсуддин МАКАЛОВ. *М.Ю. Лермонтов и восприятие
его стихотворения «Пророк»*.....92

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Аза ГАЗИЕВА. *М.Ю. Лермонтов. Избранное*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- «Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ»*....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Бухадиев Муса**Паччахь, во1, да, доттаг1**

*Кадыров Рамзанна,
винчу денна лерина*

Тайпа, тукхум нохчийн долуш,
Ворх1ий да хьайн нохчо волуш,
Нохчийчоь хьайн Даймохк болуш,
Ненан мотт синкхача болуш,

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Нохчийн кьоман нохчийн паччахь,
Винчу денца, массо хенахь
Дала виэ хьо декьал, сийлахь!

Хьабжийн-ц1а хьайн кьилба долуш,
Бакь Пайхамар бакьвеш волуш,
Иман, 1илма, Калам долуш,
Вайн устазаш лобруш волуш,

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Орамера нохчийн кьонах,
Тешаме гуо болуш гуонах,
Хьо ларвойла массо вуонах!

Г1иллакх-г1уллакх хьайгахь долуш,
Цу хьайн дешан да а волуш,
Эхь-бехк сица, ц1ийца долуш,
Нохчалла хьайн бахам болуш,

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Нохчийн кьоман майра паччахь,
Ахь беш болчу ц1енчу новкъахь,
Хьо вазвойла Дала даргехь!

Комаьршалла хьайгахь йолуш,
Г1ийлачунна накьост волуш,
Собар, тешам хьайца болуш,
Сов кьинхетаме а волуш,

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Жимчу кьоман турпал кьонах,
Турпал кьам ду хьуна гуонах,
Вай лардойла Дала вуонах!

Во1, да, ваша, доттаг1 волуш,
Делан дуьхьа деш дерг долуш,
Адам, 1алам лардеш волуш,
Деллачунна хастам болуш,

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Орамера нохчийн паччахь,
Г1енахь, самах, буса, дийнахь,
Дала виэ хьо декьал, сийлахь!

Маьрша сица, ц1енчу ц1ийца,
Эвлаян мотт берг бийца,
Дала толаве хьо вийца,
Аллах1 воцург вац хьо хийца!

Даллий бен хьайн сужуд доцу,
Оьзда, майра, турпал кьонах!
Турпал кьам ду хьуна гонах,
Делан совг1ат ду хьо, кьонах!

Эдильбек Хасмагоматов

С днем рожденья, мой молодой, любимый город!

На 5 октября в нашей республике выпадает сразу несколько памятных дат, важнейшими из которых являются День города Грозного и День молодежи. Такое совпадение, с учетом наших реалий, кажется символическим.

Во-первых, Грозный, если сравнивать со старейшими городами страны и мира, еще очень молод. Даже если за точку отсчета взять лето 1818 года, когда была заложена крепость Грозная, ему еще нет и двухсот лет. Во-вторых, ощущение молодости самого Грозного усиливается обилием молодежи на улицах. Поверьте на слово автору этих строк, а если нет – вспомните собственные впечатления от посещения других городов. Во всех других городах, где мне довелось побывать, в обычный рабочий день на улицах преобладают люди среднего (как теперь говорят – «трудоспособного») возраста. В Грозном же среди случайных прохожих – больше половины всегда молодежь.

Объяснить это легко. У чеченцев на протяжении многих десятилетий наблюдается один из самых высоких по стране уровень рождаемости, а поскольку население Чеченской Республики теперь на 90 процентов состоит из чеченцев, то и результат, как говорится, налицо – население республики резко помолодело. Добавим к этому, что в трех грозненских вузах учатся десятки тысяч студентов, значительная часть которых постоянно проживает за пределами Грозного. Кстати, только у нас я видел автобусы с трафаретами «Студенты», специально выделенные для того, чтобы доставлять в город учащуюся молодежь из районов республики.

Наконец, в Грозном наибольшее количество рабочих мест. Так что молодежь едет в столицу со всех концов республики в поисках работы.

Давно избитая истина гласит: город – это не здания и предприятия, это люди, живущие в нем. Вот и получается, что к исходу второго столетия своего существования Грозный значительно помолодел. Причем помолодел даже внешне. Любой житель города старше тридцати лет помнит его совсем другим. Дома одноэтажной застройки вплотную подступали к центру города, застроенному многоквартирными домами, в которых жили, преимущественно, партийные и советские работники, служащие разных рангов, интеллигенция. Словом, «средний класс» советской эпохи. Зато в одноэтажных кварталах жили по большей части рабочие с многочисленных предприятий.

Кстати, и заводы тогда располагались не только по окраинам. Например, «Красный молот» занимал территорию нынешнего торгового комплекса «Беркат», а завод «Металлист» соседствовал со старым корпусом Государственного университета.

В Грозном было больше населения, чем теперь – официально до 400 тысяч человек против нынешних 250 тысяч. И было это население не только многонациональным, но и интернациональным по духу в подавляющем своем большинстве.

Зато молодежи было намного меньше.

И город выглядел другим, не таким, как сегодня. Он выглядел несколько патриархальным не только потому, что состоял преимущественно из кварталов частных домов весьма скромной архитектуры, где часто встречались элементы внешнего декора, которые сегодня однозначно будут восприниматься как архаика. Например, ставни на окнах, которые закрывались не только на ночь, но и днем в летнюю жару. Или вот крыши из красной черепицы, которую теперь, как говорится, днем с огнем не сыщешь.

Да и в быту было немало такого, что сегодня уже не встретишь. Например, люди, собравшиеся на свадьбу или вечеринку, и хором поющие народные песни.

Типичный грозненец тех лет был внешне всегда опрятен, доброжелателен, обладал чувством собственного достоинства, гостеприимен. И была в нем еще некая степенность. Наверное, еще и потому, что «взрослое» население численно преобладало над молодежью. И сам город выглядел достаточно опрятным, но в городской архитектуре почти не встречались черты модернизма, а потому не просматривалась в нем устремленность в будущее, тем самым напоминая человека, довольного тем, что имеет и не стремящегося вносить в свою жизнь что-то новое.

Сегодня Грозный выглядит совсем по-другому. Исторический центр города с небоскребами «Грозный-сити» имеет не просто современный вид, но и бросающуюся в глаза устремленность в будущее и, если хотите, – амбициозность. Существенно модернизировалась городская инфраструктура, в частности, дорожная сеть; появились новые скверы и т.д.

Остались, конечно, кварталы частной застройки, но дома теперь выглядят совсем иначе. И дело не в том, что большинство домов свидетельствуют о достаточно высоком уровне жизни владельцев. Совсем другая архитектура, современные стройматериалы и, главное, налицо стремление улучшить все, что возможно, а что невозможно – убрать и заменить новым.

Грозный сегодня всем своим видом говорит: «Я буду расти, я буду улучшаться, я буду еще красивее, еще комфортнее и лучше меня не будет города!»

Грозный сегодня – отнюдь не степенен. Он как молодой человек, впервые почувствовавший свои возможности и которого переполняют грандиозные планы на будущее. Но это и есть исключительное свойство молодости – мечтать и верить, вопреки всем обстоятельствам.

И еще одно важное обстоятельство. Грозненцы всегда отличались искренней любовью и привязанностью к своему городу. И выражалось это, как правило, в конкретных делах. Возьмем, например, раннюю историю Грозного. Например, первые газовые фонари на улицах появились на средства, добровольно собранные горожанами. Так же как и первая мостовая, идущая от железнодорожного вокзала к центру города. Городские власти в прошлом не раз успешно реализовывали облигации городского займа, другие ценные бумаги и т.д., что позволяло существенно пополнять городскую казну, откуда средства шли на благоустройство и развитие городского хозяйства.

Когда после гражданской войны Грозный лежал в руинах, первые восстановительные работы проходили в форме субботников. Причем, горожане тогда добровольно выходили трудиться не по уборке улиц, а по восстановлению промышленных предприятий и городской инфраструктуры.

То же самое повторилось в годы Великой Отечественной войны.

Это уже потом, в относительно благополучные 60-е – 80-е годы городские субботники проходили под знаком уборки улиц.

Думаю, никто не забыл, сколько труда вложили грозненцы в восстановление своих домов, своих улиц после окончания последней войны. И сколько людей бесплатно приняло участие в общественных работах, которые у нас лишь по советской традиции называются субботниками.

Уверен, что грозненцы и сегодня охотно отдавали бы часть своих свободных средств на нужды города, но только с одним неперенным условием – абсолютная прозрачность расходования аккумулированных таким образом средств. Понятно, что никто добровольно денег не даст, если не сможет проследить их судьбу.

Думаю, что, несмотря на все трудности нашей жизни, у Грозного хорошее, светлое будущее. Как и у Чеченской Республики. Город молод, потому что молоды его жители. Он устремлен в будущее, потому что его жители хотят жить лучше, красивее и полноценнее. А залог того, что так и будет – любовь грозненцев к своему городу, который они из поколения в поколение считают лучшим местом на земле.

Ахмет Асхабов**Коки**

Рассказ

В осенней роще, разделившей находящийся за городом дачный поселок на две неравные части, под высоким деревом с раскидистой кроной, через редкую листву которой пробиваются мягкие лучи уже нежаркого солнца, повесив голову и опустив плечи, стоит убитая горем пожилая женщина, а чуть в стороне от нее, опираясь на лопату и задумавшись о чем-то своем, неподвижно застыл смуглый молодой человек лет двадцати шести-двадцати семи. Перед женщиной, у самых ее ног – небольшой холмик свеженасыпанной сырой земли с воткнутым в изголовье низеньким столбиком с прибитым к нему куском фанеры с надписью: «Коки 1992 – 2010». Вот и все: был Коки, и нет его! Нет больше всеобщего любимца семьи – веселого, умного, чуткого, подвижного, как ртуть, Коки. Единственным напоминанием о нем отныне останется этот маленький холмик. С тяжелым сердцем, как близкого человека, предали его земле мать с сыном, исполняя последний человеческий долг перед ним. Давно уже пора им уйти, но они стоят у могилки Коки, словно забывшись, каждый в плену своих воспоминаний.

Наконец, очнувшись от своих туманных тяжелых мыслей, Халимат подняла голову и, собираясь уйти, еще отрешенным, печальным взглядом посмотрела на сына Султана. Догадавшись о ее намерении, Султан подошел к матери, взял ее под руку, чтобы отвести домой. Но взгляд Халимат снова вернулся к могильному холмику, и по ее бледным, холодным, еще мокрым щекам вновь потекли обильные слезы из покрасневших, опухших добрых глаз. Снова непослушно задрожали губы, затряслись плечи, и она бессильно опустила на землю.

Помимо боли утраты, ее угнетало ложное сознание собственной вины в смерти Коки. В который раз уже за сегодняшний день она твердила сквозь плач трясущимися губами: «Это я, это я виновата в его смерти! Никогда не прошу себе этого! Я же знала, что он не вынесет этого, знала, что он привязан ко мне, как ребенок, что умрет он от тоски! Почему, почему я послушалась вас, почему не настояла на своем? Ведь я так хотела забрать его! Это я, я его убила прежде времени! Коки, Коки, это я ускорила твою смерть, нет мне прощения за это!»

Султан стоял, наклонившись над матерью, гладил ее похолодевшие, натруженные руки, голову, дрожащие от рыданий плечи. Стараясь утешить ее, он в который раз говорил ей одни и те же слова: «Мама, ну нельзя же так сильно переживать, так убиваться по нему! Нам тоже его жалко, мы о нем тоже тужим. А ты вконец извела себя, у тебя же и так сердце большое! Если ты не справишься собой, боюсь, как бы не стало хуже!»

Халимат сквозь плач отвечала сыну полным отчаяния и боли голосом: «Как же мне не плакать, если я виновата в его смерти, если из-за меня он умер! Ах, если бы мы забрали его с собой, он был бы жив, и я б сегодня не плакала. Не дали, не дали мне забрать его! Вы тоже виноваты в его смерти, вы и ваш отец! Но вы мужчины, вам не тяжело, а я – женщина, я слабая: что я с собой могу поделать?!»

Султан снова попытался успокоить мать: «Мама, ну не терзай же себя зря, ведь ничем уже случившееся не исправишь! Он бы и так долго не протянул, ведь ему было уже восемнадцать лет: старый, глухой, почти ослепший. Потому и не дали тебе забрать его, что боялись: как бы он не попал под колеса машины по своей глухоте и слепоте. И мог просто уйти куда-нибудь и потеряться, или собаки могли загрызть, да все что угодно могло с ним тут случиться. Мы же не смогли бы за ним уследить, ведь он вырос на зимовке: вся степь его двор, нигде ему запретов не было. Как трудно он к поселку привыкал, когда мы переехали. А тут и вовсе не прижился бы, это же город! Ведь мы же скоро уедем на Родину, а его куда бы мы дели? Кому он нужен, кроме нас – старый, больной? И так полно кругом брошенных одичавших

собак. А забрать мы его не смогли бы. Потому мы и были против: думали, на старом месте ему лучше будет. Ведь новые хозяева к нему хорошо относились! Думали, привыкнет к ним, потоскует немного и смирится! Кто же знал, что так трагично все кончится? Нет, мама, ни ты, ни мы здесь не виновны! Видать, такая судьба, так ему на роду написано было. Хорошо еще, что на наших глазах скончался, хоть немного пожил с нами перед смертью, успокоился. Не изводи себя зря, пойдем домой, мама».

Еле успокоив мать, он, бережно подняв с земли, повел ее к видневшемуся в отдалении маленькому дачному домику, который они снимали, готовясь к отъезду в Чечню. Приведя ее домой, Султан вместе с младшим братом Салманом осторожно уложил в постель и, хорошо укутав, напоил горячим чаем, чтобы сбить лихорадочную дрожь.

В комнате стояла гнетущая тишина, говорить никому не хотелось. Хамзат сидел на молитвенном коврике с четками в руках. Медленно перебирая горошины четок, он задумчиво смотрел на жену. Он сочувствовал ей, но слова не принесут ей облегчения. Поэтому он молчит. Надо, чтобы прошло время. Только оно поможет ей справиться с этим потрясением. Всем тяжело, всех угнетает случившееся, а ее особенно. И все это понимают. Ведь она еще малюсеньким щенком, почти с ее кулак, нянчила его. Два раза в неделю купала с шампунью. Да и вообще, она очень любит животных: сама голодной останется, но их обязательно накормит. Иногда Хамзат даже упрекал ее в сердцах: ты, мол, животных жалеешь больше людей! И она этого никогда не отрицала, говорила, что животное не может за себя постоять, попросить что хочет, сказать, что болит: как же их не жалеть больше людей? И людей она жалеет не меньше, но к животным – особая жалость.

Пять дней назад Хамзат, продав, наконец, свое небольшое хозяйство в поселке, переехал в город, чтобы там подготовиться к отъезду на Родину. Хотя зима была уже на носу, ждать весны никто из семьи не желал. А Хамзат и вовсе истосковался по дому. Сколько лет уже прошло, как он уехал из своего села Элистанжи! Не хватит пальцев рук и ног, чтобы сосчитать! А сколько лет стремился уехать домой! Тоже не хватит пальцев, чтобы сосчитать! Эх, Элистанжи, Элистанжи! Уезжал – думал года через три вернуться домой, но не вернулся и через тридцать. Истинно, неисповедимы пути Аллаха!

Так вот, пятый день сегодня, как они переехали сюда, в Актюбинск. А в тот день, когда они готовились выехать, Коки, все время повизгивая и жалобно глядя в глаза, путался под ногами Халимат. Старался лизнуть ее руку, обратить внимание на себя. Кажется, он чувствовал, что скоро ему придется разлучиться с хозяйкой. Халимат несколько раз отводила его к конуре, приказывая лежать на месте, но сегодня, всегда послушный, он не подчинился, не упустил ее из виду ни на минуту. Видно, боялся, что она уедет, оставив его.

Видя, что творится с Коки, сердце Халимат сжималось от жалости к нему. Хотя между ней и мужем уже происходил до этого раза два разговор на высоких тонах насчет Коки, она, не выдержав, снова подошла к Хамзату, чтобы упротить его забрать с собой собаку. Но Хамзат был неумолим, даже когда она назвала его бессердечным. Ею двигала слепая жалость, а им – рассудок: домик, который они сняли, стоял возле проезжей дороги. Участок не был огорожен, и уследить за глухим, подслеповатым Коки, привыкшим к вольной жизни, не знавшим привязи, было невозможно. А если с ним что-нибудь случится, Халимат сама себя изведет. Он-то ее знает! Пусть уж то, что должно с ним случиться, случится тут! Новые хозяева, видя как переживает за собачку Халимат, старались успокоить ее, обещая хорошо присматривать за Коки. Люди они были пожилые и добрые, достойные доверия, и Халимат, надеясь на них, немного успокоилась и больше не тревожила Хамзата.

Но Коки не спускал с нее настороженного, умоляющего взгляда. А когда они, собравшись наконец, сели в машину, Коки окончательно понял, что его оставляют с чужими людьми, и начал с визгливым лаем кидаться на машину. Потом забежал вперед и стал перед машиной, как вкопанный, не обращая внимания на крики и сигналы. Он плакал по-собачьи, с подвыванием, глядя в салон машины. Не выдержав его душераздирающий плач, затряслась от рыданий и Халимат. Новый хозяин, видя,

какой оборот принимает дело, насильно убрал Коки с дороги, и машина с семьей Хамзата быстро выехала со двора.

Приехав в город, Халимат постоянно справлялась по телефону у новых хозяев о Коки. Те, не желая расстраивать Халимат, каждый раз отвечали, что собачка привыкает к ним, хорошо кушает, чувствует себя нормально. Слыша такие ответы, Халимат тоже постепенно успокоилась. Но к вечеру четвертого дня новая хозяйка Коки сама позвонила Халимат и рассказала, что Коки в плохом состоянии: «Здравствуй Халимат! Извини, что беспокою тебя, но Коки в таком тяжелом состоянии, что дальше скрывать я это не могу. С того дня, как вы уехали, он не проглотил и маковой росинки. Пытались насильно накормить – ни вкакую. Залез в конуру и лежит там, ни на что не реагируя. Я не хотела тебя беспокоить, надеялась, что он постепенно привыкнет к нам, но ему с каждым днем только хуже. На ноги уже не встает, а протянешь ему еду – отворачивает голову и закрывает глаза. Боюсь, что умрет он без тебя! Может, придешь завтра, посмотришь его?!»

«Нет-нет, – заговорила Халимат, – я выеду сейчас, он может не дотянуть до завтра! Быстро соберусь и приеду, ждите!» Несмотря на то, что ехать далеко, упросив Хамзата отпустить ее с сыном, уехала в поселок. К полуночи они вернулись обратно вместе с Коки. За эти четыре дня он сильно ослабел, не мог стоять на ногах. Привезли его в картонной коробке. Увидев всю семью в сборе, Коки немного повеселел: дружелюбно шевелил хвостом, и даже старался осклабиться в улыбке. Халимат сумела даже упротить его попить немного молочка. Коки ласково лизал ее руку и так преданно смотрел на нее, что Халимат, не выдержав, заплакала: «Как хорошо, что я съездила за тобой, не дожидаясь утра! Кто знает, дожил бы ты до этого времени, бедняга?»

Она рассказала Хамзату: «Не знаю, как он узнал, что я приехала, ведь он не мог на таком расстоянии слышать мой голос, но как только я открыла калитку, ведущую во двор, он, у всех на глазах, выполз из конуры и, встав на ноги, шатаясь, пошел мне навстречу. Видеть и слышать он меня не мог, а как узнал, что я приехала, не пойму».

Долго просидела Халимат с Салманом и Султаном возле Коки, лаская его. Не выдержав, подходил и Хамзат, ласково гладил его по голове. И Коки отзывался на каждую ласку, старался показать, как он рад тому, что снова с ними вместе. Спать легли совсем поздно, а когда проснулись утром, увидели, что Коки самостоятельно, хоть и шатаясь, ходит по комнате, обрадовались. И аппетит вроде начал появляться. «Ну, слава Аллаху, – подумала Халимат, радуясь за него, – теперь дело пойдет на поправку!»

Но после обеда Коки вдруг стало плохо: не мог уже вставать, дышал учащенно, открыв пасть. Но чем она могла ему помочь? Наверное, это был последний всплеск жизни. Полученный стресс оказался губительным для старого организма. Ближе к вечеру Коки не стало. И снова пришлось Халимат лить по нему слезы. Похоронить решили в роще за домом. И с того дня каждое утро, просыпаясь, Хамзат не заставал дома жену. Свой новый день она начинала с посещения могилки Коки. И каждый раз, не дождавшись ее возвращения, кто-нибудь из сыновей приводил ее домой.

Так продолжалось почти месяц, пока они не переехали на другое место. Но и там она старалась навещать его как можно чаще. Хамзат понимал глубину ее переживаний: не упрекал, не успокаивал, а полагался на то, что время ее утешит. Нет непреходящего горя. Так созданы мы, люди, что всякое горе в нас со временем, теряя остроту, переходит в грусть и далее в далекое, но дорогое воспоминание. Он и сам переживал эту утрату, помнил, как сегодня, тот день, когда Коки появился в их доме. Дети его, две дочери и два сына, тогда еще были маленькие. Учились в младших классах в маленьком селенье, расположенном в километрах двух от зимовки. Зимой их отвозили и привозили на санях, а в иное время ходили сами, пешком.

Однажды, в начале учебного года, возвращаясь из школы, дети принести с собой в кармане пальто малюсенького щенка с острой мордочкой и топорщащимися во все стороны, как иглы, редкими волосами, похожего больше на ежонка, чем на щенка. Отвечая на расспросы родителей, дети пояснили, что это комнатная собачка, а дали ее им их близкие друзья. Хамзат категорично заявил, что собак у них и так хватает, а комнатным собачкам здесь и вовсе не место: мол, нельзя по нашим обычаям и вере держать в доме собак, наказав завтра же вернуть его тем, кто дал. Но, не тут-то было!

Впервые в жизни семья устроила ему такой «бойкот», что он даже растерялся. Дети начали плакать, просить мать о заступничестве. Халимат взяла сторону детей и тоже, чуть ли не со слезами на глазах, стала умолять его: «Посмотри на своих детей: тебе не жалко их? Что они видят на этой зимовке, кроме учебы да работы, какое у них есть развлечение? Люди пожалели их, дали им щенка, а ты хочешь отнять у них эту радость! Что случится, если в нашем доме будет жить этот кутенок, кому он помешает? Прошу тебя, не огорчай детей, оставь им щенка!»

– «Дело не в том, помешает или нет, а в том, что обычай наш не позволяет этого!»

– «Да что ты схватился за этот обычай? Кто за него держится сейчас, как ты? Чего ты боишься?»

Хамзат не переносил слово «боишься», как бы оно ни было сказано, словно оно вонзалось в его сердце занозой. Он так посмотрел на Халимат, что она тут же осеклась, и сказал: «Боюсь я или нет – не тебе судить! Если хотите держать щенка – найдите другое место, но дома держать не дам». И Коки – еще безымянного – поместили в летней кухне. Но всем было ясно, что это не выход, что в таком случае его придется вернуть хозяевам. Хамзат, хоть и был против того, чтобы оставить щенка дома, спал в эту ночь плохо, и утром, проснувшись первым в семье, пошел проверить щенка.

Щенок был слабый, редковолосый, и хотя был укутан, продрог крепко. Кухня явно ему не подходила. Если даже в это время простыл, сопит, чего ждать после? Осень уже, конец сентября! Невольно сжалившись над щенком, Хамзат сам занес его в дом и, замотав в чистое тряпье, положил в свою постель, накрыв одеялом. Глядя на щенка в сонной тишине дома, Хамзат мысленно рассуждал сам с собой: «Что-то слова и поступки не сходятся твои, брат! Вчера говоришь одно, а сегодня делаешь другое: как бы это правилом для тебя не стало! Слово должно вес иметь, хотя увидеть, ощупать его и нельзя! Если сам не ценишь свое слово, другие тем более не будут. И прежде всего оно должно цениться в своей семье!»

Но тут же другой голос начал в нем возражать: «Причем тут слово? Ты ж не изменил своего решения! Просто из жалости занес щенка в дом. Разве имеющий сердце в груди оставит пропадать такую крошку, ссылаясь на обычай? Ни один обычай не велит быть бессердечным! А если велит обычай, то не велит Аллах! Он превыше всего!»

Пока Хамзат взвешивал свои дела и поступки, домочадцы его проснулись, оделись, умылись и, позавтракав, стали готовиться к школе. Хамзат слышал шепот из соседней столовой и догадывался, о чем там идет разговор. Скоро открылась дверь в его комнату, и Халимат с детьми вошла к нему. Хамзат понял, что не избежать нового разговора, и приготовился к отпору. Робеющая, не зная как приступить к разговору, Халимат заметила шевеление под одеялом и вопросительно посмотрела на мужа. Хамзат, подняв край одеяла, показал ей щенка.

Ободренная, Халимат уже без колебаний приступила к разговору. Чего только она не пообещала Хамзату, лишь бы он оставил щенка! «Я все сделаю, чтобы он не доставлял тебе неприятностей. Причу его, как ребенка, все понимать и слушаться, не будет где попало гадить, буду выводить его на улицу. Буду купать его два раза в неделю, стричь: ни один волос его не упадет в комнате. Буду прятать его в своей комнате от людей, чтобы ты не чувствовал неудобство».

– «От людей-то ты спрячешь его в своей комнате, а от Аллаха где собираешься прятать?»

– «Аллах не осудит нас. Мы же не из прихоти это делаем, а ради детей стараемся!»

– «Ну да, ради прихоти детей! А это не одно и то же? Ладно, уже уговорила, что с вами поделаться?!»

Надо было видеть лица детей и матери после этих слов. Недолго думая, по всеобщему согласию дали щенку короткую, звучную кличку – Коки. Самостоятельно питаться он еще не мог, Халимат стала кормить его из бутылочки, насильно вталкивая соску в его маленький ротик. То ли из-за ухода, то ли еще из-за чего, но рос Коки на удивление быстро. Из некрасивого, невзрачного «ежонка» превратился в веселого, сообразительного, послушного и красивого щенка с бело-оранжевой длинной

шелковистой шерстью. К весне он вырос в лопоухую собачку. Была ли она комнатной собачкой по породе? Хамзат не уверен: габариты явно не соответствовали.

Но вот что стала она комнатной, он мог сказать твердо. Теперь ее невозможно было выдворить из дому. Да и нужды не было: дети не были так послушны, как она. Скажешь лежать, будет лежать, пока не получит разрешения встать. В общем, чем больше взрослел Коки, тем больше становился сообразительным. Сам старался открыть и закрыть за собой дверь при нужде. Чтобы облегчить ему это, Халимат привязала к дверным ручкам ленточки, за которые Коки тянул на себя дверь. Голос подавал только когда ему нужна была помощь. К чужим людям Коки проявлял недружелюбие, а со своими был ласков. Но спать ложился только в комнате Халимат, в углу на коврике.

Даже если Халимат поедет в город с ночевкой, его невозможно было из этой комнаты переманить. Целый день, пока она не приедет домой, Коки не находил себе места: терял аппетит, то и дело поскуливая, бегал туда-сюда по дороге, ведущей от дома. А если к вечеру она не приезжала, Коки, отказавшись от еды, замыкался в себе, свернувшись в клубок на своем коврике.

Но зато когда она приезжала, Коки не знал, куда девать себя от радости. Стоило Халимат выйти из машины, как он сразу запрыгивал ей на руки и, лизнув лицо, спрыгивал на землю и носился вокруг нее, бурно проявляя свои эмоции.

Дома он вел себя смиренно: знал, что можно, а что нельзя. Привыкший к двухразовому купанию в неделю, он был невероятным чистюлей. Заходя с улицы домой в сырую погоду, старался вытереть ноги о влажную половую тряпку, лежащую в коридоре. Если тряпки не оказывалось на месте, стоял, повизгивая, пока кто-нибудь не обратит на него внимание. Но случалось и наследить, забывшись иногда. Тогда Халимат указывала ему на следы: «Смотри, что ты наделал, грязнуля!» И тогда Коки старался стереть следы носом, а если замечал где-нибудь тряпку, хватал ее в зубы и таскал по своим следам, стараясь заслужить похвалу хозяйки.

Если же Халимат делала вид, что плачет, закрыв руками лицо, он старался мордой раздвинуть руки и лизнуть ее лицо, успокоить. А когда это не помогало, садился напротив и тоже начинал плакать по-своему.

Иногда хозяйка говорила ему: «Давай, Коки, споем песню». И что удивительно, он начинал следом ей подтягивать. Он мог отличить грустную песню от веселой и вел себя соответственно песне. Кажется, все он понимал. Обмануть его было трудно. Если, к примеру, скажет Халимат при Коки: «Отвлеките или придержите его, мне надо ехать», – Коки тут же, опережая всех, выскакивал на улицу, и его приходилось насильно удерживать, чтобы не увязался за ней.

Когда ему давали пищу в то время, когда он не был голоден, он прикрывал свою в миску, не давая наполнять ее, а если все же наполняли – кидал туда тряпку или что-нибудь другое, что попадет в зубы. Если же ему давали кушать в посуде других собак, брезгливо морщил нос, поворачивался задом к посуде и задними ногами забрасывал посуду землей или мусором. Держался он с другими собаками высокомерно, хотя любая из них могла его разодрать в клочья. Но, видать, и они понимали, что у Коки привилегированное положение, терпеливо сносили его придирки.

Хамзат давно уже усмирил свое нежелание видеть Коки в доме, более того, он уже души не чаял в нем. Он был его будильником, его оповещателем в случае какой-нибудь угрозы. К тому же был отменным «котом», перевел на зимовке всех мышей и крыс, от которых прежде не могли избавиться, хотя в доме жили коты. Где бы Коки ни был, стоило крикнуть ему: «Коки, дахка, дахка! (мышка, мышка!)» – как он тут же прибежал и начинал свою охоту. Не успокаивался до тех пор, пока не задушит и не зароет где-нибудь в стороне. Как-то в один день в заброшенной землянке он уничтожил целый крысиный выводок вместе с родителями – аж восемнадцать душ!

Сообразительностью и чутьем Коки обладал невероятным: дома, среди шума, мог услышать то, что не слышали находящиеся на улице собаки, и с лаем пулей вылетал из дома. Но ночью, если в доме спали, не смел подавать голос. И главное – никого не будил, кроме Хамзата. Кажется невероятным, что собака может быть

столь сообразительной, но секрет заключался в том, что раньше всякий раз его будила Халимат, обладающая более чутким сном, чем Хамзат. А Коки это наблюдал и, видать, постепенно понял, что в случае чего надо будить именно Хамзата. Отворив мордой или передними лапами дверь в его комнату, Коки перед ним лапами цеплялся за край нары и, дотянувшись до Хамзата, лизал в лицо и будил. Если же он не просыпался, стаскивал с него одеяло, а когда и это не помогало, дергал за штанину или не больно кусал большой палец ноги. Но до этого редко доходило. Обычно Хамзат просыпался с первой же попытки. Коки тут же кидался в коридор, давая понять Хамзату, что его что-то тревожит. И не было случая, чтобы он разбудил хозяина зря. Всегда, если не сразу, так через время, причина тревоги обнаруживалась. И только тогда уличные собаки поднимали запоздалый лай.

Халимат давно уже перестала прятать Коки от людей. Теперь он был «равноправным» членом семьи. О его проказах, сообразительности и чуткости знали все знакомые и даже незнакомые. Нечистыми на руку людьми делались даже тайные попытки отравить его. Но Коки словно чувствовал, что можно ожидать от людей, никогда не брал еду с чужих рук. Зная о чуткости и неподкупности Коки, воры невзлюбили его больше самого Хамзата вместе с остальными собаками. Если их бдительность можно было еще как-то усыпить, то бдительность и недоверчивость Коки были неизменны.

Как-то в одну из темных ночей, когда были перебои с электричеством, в доме все рано легли спать. Вдруг Коки, тоже спавший на своем коврик в комнате Халимат, подняв голову, чуть прислушался, тихо зарычал и побежал в комнату Хамзата. Проснувшись, Халимат тоже начала прислушиваться. Тем временем Хамзат, разбуженный Коки, быстро вышел из дому вместе с ним.

Видя, что он задерживается, Халимат, одевшись, вошла в комнату мужа, посмотрела, взял ли он с собой ружье. Оно стояло в углу за дверью. Осуждающе вздохнув, она взяла ружье: «Сколько раз я просила его, чтобы, выходя ночью из дому, брал с собой ружье? Не берет, хоть ты тресни! Мы же в степи одни живем, а не в поселке. Времена сейчас беспокойные, лихие люди рыскают по степи. Только и слышишь: там избили пастуха, тут убили чабана и угнали весь скот. Одни страхи кругом! Вон, у нас дома война идет, а на нас косо смотрят! Иные даже общаться с нами перестали. Это вместо сочувствие нам! А в чем мы виноваты? Можно подумать, не на нашей земле творится зверство, а мы разрушаем российские или казахские города и села!»

Зарядив ружье и сунув несколько патронов в карман, она вошла в коридор и, чуть приоткрыв дверь, стала прислушиваться: из летней кухни доносился разговор. Оказывается, когда Хамзат вышел из дому, он, никого не видя в темноте, услышал приближающийся стук копыт. Заставив замолчать тихо рычащего Коки, Хамзат шепотом позвал остальных собак. Но их не оказалось дома. Тогда, спрятавшись за углом летней кухни, он стал следить, куда направится всадник: проедет ли мимо «точки» в поселок или направится к стоящему на отшибе загону, куда он на ночь загонял скот? Верховой, проехав загон, направился прямо к дому.

«Значит, – решил Хамзат, – он или сбился с пути в темноте, или что-то ищет». Когда всадник, подъехав, слез с коня и начал привязывать уздечку к электрическому столбу, стоящему вблизи кухни, Хамзат, выйдя из-за угла, потихоньку подошел к нему сзади и положил руку на плечо. Незнакомец аж подпрыгнул от неожиданности, издав нечленораздельный вопль. Придя в себя, он рассказал Хамзату, что с утра ищет лошадей: кто-то, мол, сказал, что видел их в этой стороне. Приняв эту легенду за правду, Хамзат ответил: «Я тоже видел днем в степи, но по приметам выходит – не твои». –

«А что это за зимовка, куда я попал? Ничего не разобрать в темноте. Устал крепко и проголодался – целый день в седле».

– «Заходи, раз такое дело, а зимовка называется Чайда-базай»

– «А, значит, ты Хамзат? Слышал я, что ты гостей хорошо принимаешь. Да и кроме этого, много чего про тебя слышал, известный ты человек в степи, – польстил он Хамзату с некоторой загадочностью, которую Хамзат пропустил мимо ушей. – Тут рядом поселок вроде есть, там служак мой живет. Чуть передохну и поеду к

нему: переночую, а завтра продолжу поиски. Воды можно у тебя напиться?»

– «Отчего ж нельзя? Заходи, заходи. Будет тебе и вода, и чаек горячий в термосе».

Когда гость вслед за Хамзатом направился на кухню, Коки, сдерживаемый хозяином, захлебываясь от ярости, неожиданно напал сзади на гостя, но причинить вреда ему не успел: выручили кирзовые сапоги. Отогнав Коки, Хамзат пропустил гостя за стол, налил ему чаю. При неверном колеблющемся свете свечи Хамзат старался взглянуть в лицо собеседника: знакомо ли ему это лицо, встречал ли где-нибудь? Крупное, темное лицо с далеко расставленными раскосыми глазами и большим губастым ртом было незнакомо. Напившись чаю, гость закурил сигарету.

В это время Коки, лежащий у порога, недовольно ворча на гостя, внезапно вскочил с лаем и побежал в сторону загона. Сказав гостю: «Ты посиди пока один, а я пойду проверю, что там стряслось, и приду», – Хамзат, выйдя из кухни, побежал к загону, но не успел: кажется, вору услышали топот его ног. Он успел пробежать только полпути, когда раздался резкий хлопок кнута, визг Коки и быстро удаляющийся стук нескольких пар копыт, сопровождаемый яростным лаем Коки.

Добежав до загона, Хамзат увидел настежь открытые ворота. Проверить, успели они или нет что-нибудь угнать, до рассвета не было возможности. И гнаться за ними в этой темени наугад не имело смысла: пока он оседлает коня, они ускачут неизвестно куда. Испугались, наверное, думая, что Хамзат вооружен.

Закрыв ворота и позвав Коки, Хамзат пошел обратно. И тут в сердце его закрылось подозрение насчет гостя: не отвлек ли гость его специально? Что-то он сильно не понравился Коки! Хамзат прибавил шагу, гадая, застанет он «гостя» или нет? Если он из той компании – вряд ли будет ожидать возвращения Хамзата. Почти уверенный, что он сбежал, Хамзат, увидев вдруг, что лошадь стоит на месте, подумал: «Зря я подозревал человека в причастности к ворам». Но подойдя к кухне, наткнулся на стоящую у порога с ружьем в руках Халимат и перепуганного «гостя», сидящего у противоположной стены. Коки, проскользнув между ног пораженного увиденным Хамзата, захлебываясь от ярости, кинулся к нему, словно стремясь сорвать на нем свою злость за полученный удар кнута. Хамзат, вернув Коки назад, повернулся к жене, еще не понимая, почему она оказалась здесь.

«В чем дело, зачем стоишь здесь с ружьем? Гостя дорогого охраняешь, что ли?» – попытался он замаять грубость шуткой.

«Не охраняю, а задержала вора, – не приняла шутку Халимат, – Хотел сбежать, воспользовавшись твоим отсутствием. Ведь он специально отвлекал тебя, чтобы ты не мог помешать его дружкам». И она подробно рассказала ему: «Когда ты задержался на улице, я взяла ружье и, выйдя в коридор, стала прислушиваться. Услышав, что вы спокойно разговариваете на кухне, хотела уже зайти, как вдруг Коки резко залаял и вы побежали к загону. Я вышла, хотела побежать за тобой, но тут выбежал из кухни наш «гость» и принялся отвязывать коня. Я поняла, кто он на самом деле, и, пригрозив ружьем, загнала обратно на кухню».

Хамзат повернулся к незнакомцу, порывавшемуся возразить ей: «Ну, говори! Будем слушать теперь тебя!»

– «Хамзат, это ошибка, я не причастен к ним! Это случайное совпадение!»

– «Ну а зачем старался сбежать? На воре шапка горит?» – «Я не сбежал. Я боялся, что попаду под горячую руку, ты можешь меня обвинить, и потому хотел поехать к слугаку, а утром вместе с ним приехать снова к тебе, чтобы объясниться».

– «Короче, ты хочешь сказать: «Не пойман – не вор!» Да, я тебя не поймал на деле, но все же до утра не отпущу тебя. Утром вместе посчитаем скот, и если не будет недостачи, возможно – отпущу, но больше в ночное время не попадайся мне. Дай сюда ружье и иди отдыхать!» – повернулся Хамзат к жене.

Утром, убедившись, что недостачи нет, Хамзат отпустил своего «гостя». Так, благодаря чуткости Коки, была предотвращена кража скота. И это всего лишь один случай из многих происшествий подобного рода, связанных с памятью о Коки.

Впоследствии Хамзат узнал, что это было очень хитрые и опытные вору, у которых на счету было немало крупных краж. Угоняли они и скот, и табуны коней даже с приграничных районов России. Было их четверо в тот раз, и у каждого была

своя роль в общей игре. Один, проехав вместе с собакой женской особи в некотором отдалении от зимовки Хамзата, отвлек его псов, которые, не подав голоса, увязались за собакой вора. Второй отвлек самого Хамзата, и если бы не Коки, «операция» прошла бы без сучка и задоринки.

Человеку, не знающему Коки, который был маленького роста и на вид совсем не страшный, а скорее забавный, он не представлялся опасным и не больно привлекал внимания. Хочется рассказать еще об одном случае, в котором Коки спас Хамзата от возможной смерти или от перспективы стать инвалидом на всю жизнь. В одну из темных морозных ноябрьских ночей Коки с трудом разбудил сильно уставшего за день Хамзата. Спросонья, взяв ружье, которое все же Халимат навязала ему, но забыв патроны, он, выйдя вместе с Коки из дому, стал прислушиваться к морозной тишине. Коки, не смея громко залаять и повизгивая, звал его с собой. Но бежать за ним он не стал. Надо было сперва разобраться в обстановке. Не услышав и не заметив ничего подозрительного, он, все же соблюдая осторожность, пошел за Коки. Вскоре послышался приглушенный говор и скрип снега, а затем он заметил очертания транспорта в метрах полуста от загона. Хамзат решил не идти прямо на них, а подойти скрытно, свернув за базу и загон. Очень важно внезапно, врасплох застать врагов.

Подойдя ближе, он различил две фигуры возле грузовой машины, стоявшей на старой заброшенной дороге, ведущей в соседний поселок. Похоже, она забуксовала в маленькой балке, через которую проходила дорога. Пока он подходил, машина с пробуксовкой выехала из балки и остановилась. Заметили его лишь тогда, когда он подал голос. Не понятно было, то ли это воры, то ли случайные проезжие. Поэтому Хамзат, поздоровавшись, вполне миролюбиво начал разговор.

Но подвыпившим мужикам не понравилось любопытство Хамзата: они явно напрашивались на скандал, не замечая висящего вниз дулом на его плече ружья. Один из них грубо прервал Хамзата: «Ты что, мент что ли, чтобы нам допросы устраивать? Не твое дело: почему стоим, куда едем, откуда едем! В твою базу, загон не лезем? Ну и проваливай отсюда!» Хамзат, и так не выносящий пьяных людей, еле сдерживая себя, постарался не ввязываться в ссору: «Да нет, я не допрашиваю вас! Просто спросил из любопытства, не думая обидеть вас! Вы же находитесь на территории зимовки, а я как хозяин имею право поинтересоваться!»

Но миролюбивый тон его вызвал обратную реакцию. Посчитав, что Хамзат струсил, грубиян, не обращая внимания на злобно рычащего Коки, заговорил еще агрессивнее: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! Я тебе сказал, скользи отсюда, не то мы тебя зароем тут! Нашелся мне, хозяин»

Стерпеть такую грубость Хамзат уже не мог. Но с двумя крепкими молодыми мужчинами голыми руками ему не справиться, и он сорвал с плеча ружье, моментально сбившее пьяную спесь с мужика. Взмахнув руками, он в панике устремился к машине. Но Хамзат криком: «Стой, а не то пристрелю на месте!» – пригвоздил его к земле. Тут же в голову его ударила мысль: «А чем? Патроны-то не взял!» Только сейчас он вспомнил о них, но нельзя было допустить, чтобы они догадались. В это время за спиной его раздался громкий вопль и стук упавшего предмета. Вздрыгнув от неожиданности, он, отскочив в сторону, быстро повернул ружье в ту сторону.

За спиной Хамзата, держа одной рукой другую, весь скривившись от боли, стоял третий товарищ его противников, которого он как-то упустил из виду. Перед ним на снегу валялась выпавшая из рук штыковая лопата, а возле нее – готовый для нового нападения Коки. Похоже, что он собирался ударить сзади по голове Хамзата, но Коки, прыгнув на него и прокусив руку, заставил бросить занесенную для удара лопату. Хамзат приказал ему отойти от лопаты и стать рядом с товарищами. Потом, ткнув стволом в грудь того, кто так грубо с ним разговаривал, сказал: «Ты, шура, слушай внимательно! Я мог бы привести в исполнение твою же угрозу – зарыть вас самих или сдать в милицию. Но я не сделаю этого. У вас, наверное, есть дети, как и у меня, ради них и отпускаю вас!»

Поняв, что опасность миновала, у них развязались языки – начали извиняться: мол, водка сбила с панталыку.

«Пить надо для себя! – отрезал Хамзат. – Если бы не эта собачка, я бы сейчас трупом лежал, и вы бы точно меня зарыли. Давайте, езжайте отсюда! Чтоб через минуту духа вашего здесь не было!»

Словно боясь, что Хамзат передумает, они бросились к машине и, быстро запустив двигатель, уехали, бросив на прощанье из машины: «Мы еще встретимся с тобой в другом месте!» Хамзат, еще не избавившийся от нервного напряжения, не торопясь побрел домой, взяв Коки на руки и поглаживая его. Возле базы встретил жену, с патронташем и фонариком в руках идущую на его поиски.

Не дождавшись Хамзата, она решила идти за ним. Выйдя из дома, увидела свет машины, отъезжающей от загона, и забеспокоилась за мужа: взял ли он с собой ружье? Быстро заскочив в его комнату, проверила: ружья не было, но патронташ лежал нетронутый. «Значит, он ушел без патронов?» – схватив патронташ, она быстро вышла из дома. Увидев Хамзата невредимым, успокоено спросила: «Что это за машина, вору, что ли, были?»

– «Не знаю, – сказал Хамзат, отпуская Коки на землю. – Трое пьяных, забуксовали в балке. Ссору со мною затеяли, еле разошлись миром».

– «Почему патроны не взял? Как же ты с ними?»

– «Забыл. Понтом взял на испуг». – Вот поэтому я и прошу тебя, чтобы ты брал с собой ружье! Что ты без него делал бы против троих?»

– «Неизвестно, что я делал бы, если бы не Коки!»

И он рассказал ей, как спас его Коки. После этого случая, Халимат еще больше привязалась к Коки, да и все остальные тоже. И конечно, Коки платил тем же своим хозяевам. Его собачье сердце и разум удивляли не собачьими способностями к угадыванию атмосферы в семье и проявлением чувств: болезнь или долгое отсутствие любого члена семьи, и особенно Халимат, оказывала на Коки угнетающее действие.

Когда семья Хамзата переезжала с зимовки в поселок, в надежде, что там удастся скорее распродать свое имущество и живность и уехать на родину, Хамзат не хотел брать с собой Коки, боясь, что, выросший в степи, он не сможет привыкнуть к поселку, к шуму. Хамзат хотел оставить его своему земляку, переехавшему вместо него на зимовку. Но Халимат убедила его, что без нее Коки не останется на зимовке, не привыкнет к чужим людям: «Для тебя он земляк, друг, но для Коки никто! Он не признают его, зачахнет без нас! Если не привыкнет к поселку, или когда уезжать будем, привезем обратно». На том и решили.

...К поселку Коки привык, но тяжело. Проживший двенадцать лет в доме, он с первого же дня, как переехали в поселок, наотрез отказался зайти в незнакомый дом. Сколько ни старалась Халимат принудить его, боясь, что он, привыкший к теплу, не вынесет холод – ни вкакую! Больше месяца, каждый день по нескольку раз, Коки выходил на дорогу, по которой они приехали с зимовки, и, скуля, звал хозяев ехать обратно.

За все шесть лет, что они прожили в поселке, не имея возможности уехать на Родину, Коки так ни одного дня не провел под крышей нового дома, как будто не хотел, чтобы среди новых людей Хамзат чувствовал неловкость из-за него. Стойко переносил в своей утепленной конуре и жару, и мороз за тридцать градусов. Теряя зрение и слух, дожил до восемнадцати лет, стараясь хоть чем-то быть полезным хозяевам. В последние годы ему поручали инкубаторских цыплят, и он лучше наседки охранял их от коршунов и кобчиков. Почувствовав опасность, сразу подавал голос, и цыплята тут же сбегались к нему, принимая Коки за мать. Добрую память о себе оставил Коки в семье Хамзата.

В белых чулках твои ноги
Быстро мелькают в траве,
С лаем веселым и звонким
Мчишься ты прытко ко мне.

Часто ты в снах прибегаешь,
Коки, не только ко мне,
Значит, и там ты скучаешь,
Как раньше, по нашей семье.

Маргошвили Султан

Ца оьшу

Къолам а ца оьшу цхъа а,
Хъарамчу новкъа и балахъ.
Сан халкъан г'айг'ла, къа-бала
Сан дагах буцуш цо бацахъ.

Ойланийн къуьда а эшац,
Дахаран серло луш бацахъ.
Со – нохчо. Со цхъаннах теша:
Нохчалла шен ц'ийца яцахъ,–

Стаг вац и, лара вай нохчи,
Даг чуьра д'акъахко вогу.
Ас лору и луьра доvxо,
Цул а сов – мостаг'л и лору.

Къен хетар дара сайн дахар,
Ненан мотг сайн бацахъара.
Ас дестех хийцахъ сайн нана,
Со цкъа а нохчо ма лара.

...Ца оьшу дош суна, къолам,
Нохчаллин хъу цуьнца яцахъ.
Сан даго боккхур бац толам,
Нохчашна дог догудацахъ.

Де кхолуш луьйренан
малх хъала г'аьтти,
Жил'алам дашочу з'аьнаршлахъ лийчо.
Шира шо, керланиг сан кет'ахъ лаьтта:
Со – да а, сан к'ант а –
шиь цхъаьна кхийти.
Шерийн мохъ базбелла
та'лна сан белшаш,
Ткъа к'ентан б'аьргаш
чохъ ц'е йогу сийна.
Цо ницкъ луш,
сайн кханех со ч'ог'ла тешош,
Дахаран некъ ас бо, кхолламо зийна.
Дика а, вон а сайн оьмарехъ лайна,
Амма ас ца лору суо миска пекъар.
Сайн шераш сайн к'ентан
юьхъ т'ехъ а дайна,
Баккъала хили-кха тахна со декъал.

Ваьккхина хиларна гена,
Кхин метта вогулуш вац со.
Хъоь ала ца х'луттуш лела –
Ца веза бахъна-м цаго.

Дог-мерза вай цхъаьна даьхна,
Г'алам-сий ма дара сан.
Ткъа х'инца... Дерриг чекхдаьлла,
Къинхетам эшац кхин хъан.

Ас хъайна олучу илlex,
Кхин йоккхаеййр яц хъо.
Амма цхъаь дайма лиьна:
Коша т'е йог'ийла хъо.

Цул т'лаьхъа х'луттур дац 'индаг'л,
Г'енах а хъо йолчу дан.
Вайн кхоллам сов къиза хилла,–
Диц ца ло куц-аматхъан...

*Доттаг'чунна
Шайхиев Галвадина*

Хъайниг санна,
сан б'аьргийн нур идда,
Лаьмнийн баххъаш,
бердаш талла, ган.
Ас ойланехъ церан мукъам тидда,–
Амма ала дош ца тоььна сан.

Дагахъ дара дайша баьхна илли –
Ломахъ кхерста ойла – буора дин.
Хийла мукъам даг чохъ сан а 'илли,
Хъоьга санна бека цалуш и.

Маса к'ант г'оьрти,
хъо санна, цкъа г'атта,
Доруш, тоьгуш илlex лаьмнийн хас.
Тур хили хъох, балехъ дисча латта,
Дарба ду хъо, дагна хилча вас.

Адиз Кусаев**Конец Волкодава**

Рассказ

1

– Вы, чечены – волки, а я – Волкодав. Это моя фамилия, чтобы вы знали, – любил повторять, обращаясь к очередным задержанным при проверке паспортного режима чеченцам, начальник одного из районных отделений милиции Астрахани Владимир со зловещей улыбкой садиста на лице. – Я давил и буду давить вас всегда и всюду, где бы и когда бы вы ни попали под мою руку. В отместку за брата, убитого вами. Когда попадете в мои руки, я не стану разбираться, кто прав, кто виноват. Для меня все чечены виноваты уже тем, что родились на свет... Причину придрать к вам я найду всегда. Помните, как в басне Крылова «Волк и овца» дикий разбойник находит мудрую причину: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»? Так и у меня. Уж слишком много вас понаехало в мой город – пастухов, студентов, шабашников и просто прожигателей жизни.

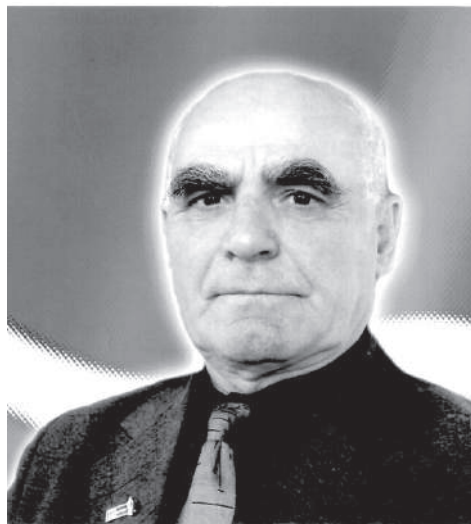
Владимир Волкодав родился и вырос в пригороде Астрахани. Закончил школу. Отслужил в армии. Отучился в школе милиции, получил офицерское звание и работал в одном из райотделов родного города. Получил звание майора и должность начальника районного отделения. Шли девяностые годы двадцатого столетия. Гласность. Перестройка. Развал великой державы. Хаос суверенитетов. Всплеск межнациональной вражды и нетерпимости.

У Владимира было два брата. Старший из них, Петр, рос бездельником. Учиться не хотел, в школу ходил только для того, чтобы похулиганить, почему и был исключен из нее. Любил выпить, повеселиться, покуражиться. Был задирой и забякой. Связался со скинхедами. Стал лидером группы. Затевал драки по поводу и без. Особенно с кавказцами. Чаще всего с чеченцами, которых почему-то люто ненавидел.

Очередную драку, изрядно приняв на грудь, Петр затеял на танцплощадке своего микрорайона. Слепленный ненавистью, он смертельно ранил парня-чеченца финкой и ответным ударом был убит сам. Зная, что виновными окажутся они, хотя вины их в произошедшем и не было, чеченцы, забрав тело товарища, быстро покинули место трагедии. Пока не успели перекрыть дороги, они в ту же ночь выехали в родные края.

С тех пор Владимир маниакально, всеми фибрами души возненавидел чеченцев и мстил им всегда и везде. С таким настроением он и приехал в Чечню воевать контрактником, когда началась вторая чеченская война, названная издательски «Контртеррористическая операция». И здесь открылись ему неограниченные, никем не контролируемые и никак не наказуемые возможности для мести. Он был командиром батальона. Не просыхал от водки. Отличался особой жестокостью. Часто вечерами в минуты затишья после очередной операции любил откровенничать в пьяном угаре: «Если за день не убью хотя бы одного чеченца, мне не спится ночью». И скрежетал зубами, будто разгрызал кости чеченца.

Правда, надо сказать, что он и со своими солдатами и подчиненными офицерами бывал не менее жесток, когда ему казалось, что они не точно

выполняют его приказы; что проявляют милость к мирным жителям, которых он приказывал задерживать, считая боевиками; что не с такой охотой и не так усердно избивают, пытаются и расстреливают задержанных при зачистках, как это делает он. За это Владимир лишал их «боевых выплат», присваивая их себе, наказывал гауптвахтой, манипулировал зарплатами. Часто кричал на подчиненных, изрыгая матерщину, унижал и оскорблял их. Обвинял в предательстве и трусости. Доходило и до рукоприкладства. Этим он настроил против себя весь батальон. В подчиненных росло тихое недовольство. Они стали ненавидеть командира-садиста не меньше, чем чеченцы.

Возмущение действиями Владимира достигло критической точки, опасной взрывом. И все ждали только подходящего случая, который и наступил неожиданно...

2

– «Мы сильны, как волкодавы наших сибирских охотников!» – хвастаетесь вы во хмелю, – говорил пьяным хулиганам и драчунам спортивного склада, доставленным после очередной потасовки с чужаками в одно из отделений милиции города Омска, как они называли всех кавказцев, его начальник капитан Сергей. – А я Укротителей. Это не кличка, а фамилия моя. Она досталось нам от прадеда, работавшего укротителем диких зверей в цирке еще в конце девятнадцатого века. Он передал дело всей своей жизни моему деду, а тот, в свою очередь, моему отцу. Нашу династию уважительно называли – укротителивы. И это слово стало, в конце концов, нашей фамилией. И запомните – я укрощал и буду укрощать вас, волкодавов, и подобных вам, бесящихся от безделья.

– Да ведь мы же не с русскими цапаемся, а с кавказцами, особенно с чеченцами, которые заполонили наш город, – оправдывались задержанные.

– Мне все равно, с кем вы цапаетесь. Для меня вы – хулиганы, действующие на грани преступления. И причем здесь чеченцы? Они что, задирают вас? Нет, не трогают никого, а живут тихо, спокойно, работают от зари до зари. Не пьют, как вы, не хулиганят, не томятся бездельем. Вы не умеете жить, как они, и поэтому, завидуя им, кипите от ненависти. А за что их гнать? Они такие же россияне, как вы, а может быть, даже больше вас. Да и язык общения у нас один – русский, и страна у нас одна – Россия. А ненавидите вы их потому, что во многом они лучше вас, поэтому завидуете им. Я же буду защищать справедливость. Я понятно говорю? Я – Укротителей!

– Куда понятнее...

Сергей родился и вырос в одном из микрорайонов Омска, стоящего на слиянии рек Иртыш и Омь. В нем было особенно много чеченцев. Они служили в армии, учились в вузах, ежегодно приезжали шабашничать – строили, трудились на лесозаготовках. Некоторые из них оседали навсегда: демобилизовавшись, оставались работать, отучившись – на отработку, строители – на новых объектах. Спрос на них большой. Их уважали и ценили за трудолюбие, дисциплину, рассудительность и ответственность. Чеченцы покупали дома или строились сами. Женились иногда на местных девушках, обзаводились семьями и хозяйством. Растили детей и уже не мыслили себя вне Омска, в другом месте. Многие приезжали теперь в Чечню только на побывку к родственникам, или в отпуск, или на зиму к семьям, ради которых они и работали вдалеке от дома.

Сергей вырос среди чеченских детей и в общении с ними. Ходил в одну школу, учился в одном классе, гонял мяч на школьном стадионе, купался в Иртыше, а чаще – в Оми, затевал различные игры. Дружили. Ссорились. Все было. Главное – жили дружно. Никому никакого дела не было до того, кто ты, откуда, чей. Никому и в кошмарном сне не снилось, что когда-нибудь между ними пробежит черная кошка, и в России, как и во всем мире, все встанет с ног на голову. Все белое станет черным, все черное – серым. Было: человек человеку – друг, товарищ, брат. Стало: человек человеку – волк.

Сергей после школы, отслужил в армии, пришел работать в милицию. Окончил школу милиции, стал офицером. В середине девяностых был уже капитаном, начальником отделения милиции в родном микрорайоне Омска. В страшные времена межнациональной розни и нетерпимости к инородцам, в годы, когда под шовинистическим лозунгом «Россия для русских» в его городе стали раздаваться крики «Чеченцев – в их леса!», Сергей не изменил своим принципам – защищал справедливость, не давая в обиду людей, у которых научился всему хорошему, что в нем было. И, как мог, гасил ненависть к ним, к людям, главным оружием которых была лопата, мастерок, пила. Хотя некоторые знакомые и даже сослуживцы и друзья стали косо поглядывать на него, обвиняя в предательстве, он не изменил себе.

Кто бы мог подумать, что жизненные пути двух этих людей, совершенно противоположных друг другу по характеру, воспитанию и настрою, когда-нибудь пересекутся? Кто бы мог подумать, что судьбы этих людей, живших далеко друг от друга, когда-нибудь встретятся в одном месте? Кто бы мог подумать, что дороги сведут когда-нибудь этих двух ни сном ни духом не ведавших о существовании друг друга людей в одном малюсеньком уголке земли – в Чечне? Но зигзаги судьбы не предсказуемы, как неисповедимы пути Господни. Поэтому это случилось. Волкодав, приехавший в Чечню во вторую чеченскую кампанию, для участия в так называемой контртеррористической операции по контракту, был назначен командиром батальона, а Укротителей, командированный сюда по ротации внутренних войск, – командиром роты того же подразделения. Закончилась это встреча трагедией для одного и очищением от скверны для второго.

3

...Взрыв на верхней окраине села, раскинувшегося на склоне невысокой горы, на дороге, бегущей по хребту, раздался неожиданно. Прогремел он поздним вечером короткого дня, в «последних числах ноября, презренной прозой говоря», как писал великий русский поэт Пушкин. Взрыв удивил и растревожил всех сельчан, потому что в селе давно не было боевиков, да и мирных жителей осталось немного. И хотя дыхание войны обходило до этого его стороной, многие люди покинули свои дома, стали беженцами или переехали в равнинные города и села к родственникам, считая, что на миру и смерть красна. Да и выживать в тяжелых условиях революционного перестроечного хаоса и войны стало трудно: местный колхоз растащили хваткие люди и сельчане жили домашним хозяйством, с трудом сводя концы с концами.

На mine, установленной неизвестно кем, подорвался, как выяснилось позже, патрульный бронетранспортер федеральных войск с солдатами на борту. Мина была, по-видимому, маломощной, взрыв – не очень сильным. Бронетранспортер едва встряхнуло, осколком ранило одного солдата. Последствия этого взрыва стали трагическими. В крошечной тьме федеральная бронетехника и солдаты окружили изрезанное глубокими оврагами и разбросанное по склону село. Рассредоточение подразделения закончилось в пять часов утра, и начался беспорядочный обстрел села. Разбуженные канонадой и грохотом люди вскакивали с постелей, спросонок ничего не понимая и, хватая на руки детей, выбегали на улицы. Уже горели некоторые, к счастью, пустые дома. Слышался женский плач. Видимо, кого-то ранило. Но все же женщины и дети плакали больше от страха.

Обстрел продолжался долго и прекратился только около восьми часов утра, когда наконец-то рассвело. Все это время жители села стояли на улице и во дворах своих домов, на холоде, озябшие, в тревожном ожидании. Закрыв едва возшедшее солнце, небо быстро покрылось хмурыми темно-серыми тучами. Вот-вот польется холодный осенний дождь, или пойдет снег. С деревьев, шурша, опадали последние листья. Дороги после недавних дождей так и не просохли от грязи: прошло время, когда даже после сильного ливня они быстро

превращались в пыль. Сказано же очень мудро: «Летом из лужи – капля, осенью из капли – лужа».

Все это еще более усиливало беспокойство людей от неизвестности. Однако вскоре все прояснилось – началась так называемая «зачистка». В село со всех сторон двинулись солдаты, вооруженные до зубов, в сопровождении бронетехники. Они тщательно обыскивали каждый дом и сгоняли всех людей к единственно ровной площадке в центре села, на которой стояло небольшое строение, бывшего некогда сельского клуба с библиотекой. На ней же была разбита единственная в селе волейбольная площадка для учеников школы, стоящей рядом, чуть выше по склону.

Согнанных на площадку сельчан окружили хмурые, заляпанные грязью, чумазные и злые солдаты с автоматами и пулеметами. Но вины сельчан не было в том, что солдатам не дали поспать ночью, что они не мытые, усталые, голодные. Они, видимо, и понимали это, но все же им не терпелось сорвать на ком-нибудь зло.

Вскоре к площадке подъехал бронетранспортер и остановился за спинами солдат. На него взобрался плотного телосложения человек в камуфляже, с погонами без знаков отличия. «Видимо, офицер, командир», – решили сельчане. «Точно, как 23 февраля 1944 года, – тихо сказал один из стариков. – И тогда была точно такая же погода. Тогда тоже шла война, но была она далеко. Сейчас же война в нашем доме. Вот и вся разница».

– Хотя я не обязан вам ничего объяснять, но все же скажу, почему мы обстреляли ваше село и проводим «зачистку» в нем. Вчера поздно ночью на окраине подорван наш патрульный бронетранспортер, – с ненавистью глядя на толпу, зло, сквозь зубы проговорил офицер. – На ваше счастье, никто при этом не погиб, а не то мы стерли бы с лица земли все село, как бандитское гнездо. Вас же всех уничтожили бы, как боевиков или пособников их, по законам военного времени. Руководством министерства обороны нам разрешено за каждого убитого солдата, который умирает за Россию, как говорит наш министр, «с улыбкой на губах», расстреливать по десять тысяч человек, за раненого – по пять тысяч.

– Но и во всей Чечне не хватит боевиков, чтобы даже за одного убитого расстрелять. Да и жителей хватит не на много. А в нашем селе, как видите, даже считая грудных младенцев, нет и десятой части людей, необходимых вам для расстрела за одно раненого, – подал неуверенный голос старейшина села Шуни, имам мечети, бывший учитель русского языка и литературы местной школы. – К тому же в нашем селе нет боевиков, и в этом взрыве наши сельчане невиновны...

– Вы лжете! – угрожающе повысив голос, крикнул офицер.

– Не те у меня годы, чтобы врать, – ответил старейшина. – Мне, старому человеку, не подобает врать, вызывая лишний раз гнев Аллаха. А вам не подобает оскорбительно говорить со старым человеком...

– Так кто же тогда устроил взрыв на окраине вашего села?

– Не знаю. Но что это не дело рук наших сельчан, знаю точно. За каждого из них я ручаюсь, потому что знаю всех с детства. Никто из них не мог...

– Хватит болтовни! – грубо прервал старейшину офицер. – Все вы никогда ни в чем не бываете виноваты. Мы сейчас проверим, «мог – не мог». А мину заложить – много ума не нужно. Это может сделать и волчонок десяти лет и волчара семидесяти годов. Всем молодым людям раздеться до пояса! Быстро! У меня нет времени болтать с вами, – резко приказал он.

– Это зачем еще? Да и замерзли мы... – начал было старейшина.

– Прекратить разговоры! Делайте, что говорят! – прикрикнул офицер. – Мы с вами не играть пришли в этой грязище. Сейчас мы будем выявлять боевиков, затаившихся среди вас, потому что вы умело маскируетесь: днем все вы – мирные люди, а ночью – боевики. Будем проверять плечи, предплечья и указательные пальцы правой руки. Если плечо покраснело – это след от ремня автомата. Значит, долго носил его человек, а может и сейчас носит по ночам,

днем пряча где-нибудь в укромном месте. Если предплечье почернело – это от отдачи автомата. Значит, много стрелял человек. Если на указательном пальце мозоль – значит, много нажимал на курок. Если хотя бы одну из этих примет найдем на ком-нибудь, того задержим и отвезем в комендатуру, что в соседнем селе Сесна. И там они станут завидовать мертвым. Или я застрелю на месте при попытке к бегству по законам военного времени. С другими же проведем разъяснительные беседы в назидание всем в палатке нашего батальонного штаба, в лесочке на окраине села. Приступайте, ребята, – гаркнул офицер на равнодушно стоящих солдат.

Молодые люди медлили, поглядывая друг на друга, с раздеванием. Они не решались снимать рубашки, куртки, так как у чеченцев не принято раздеваться при стариках, женщинах, детях, посторонних людях. Видя их смущение, старейшина сказал им по-чеченски:

– Делайте, что говорят. Аллах видит все это и простит вас. Отвратим этим большую беду.

После этого некоторые стали раздеваться, а с тех, кто замешкается, солдаты нехотя и беззлобно сами срывали одежду, спеша побыстрее закончить дело. Проверили всех дотошно, но, к удивлению, гневу и разочарованию офицера, ни на ком никаких примет не нашли.

– Ладно, – недовольно приказал он, – приводите их по двое в палатку. Для разъяснительной беседы. Я с другими офицерами буду там.

Этим офицером был командир батальона, проводившего «зачистку» в селе Шуни, майор Владимир Волкодав. Он даже в Чечне, на войне, не скрыл свою фамилию под всевдонимом, как многие другие офицеры федеральных войск. Он и здесь в кругу задержанных «для установки личности» и в невыносимых условиях содержащихся в фильтрационных пунктах, или при плененных боевиках в камерах пыток, или при проведении «зачисток», когда часто ни за что ни про что расстреливал невинных людей «по законам военного времени – при попытке к бегству» – с гордостью повторял: «Вы, чечены, – волки, а я – Волкодав. Мне на роду написано давить вас». Но сколько веревочке ни виться...

4

Разъяснительные беседы, которые Волкодав обещал провести в конце «зачистки» с молодыми людьми «в назидание волкам, чтоб не смотрели в сторону леса», заключались в простом избивании их до полусмерти. Их по двое приводили в палатку, укладывали «лицом на пол, руки на затылок» и три-четыре солдата по приказу комбата избивали их ногами в больших солдатских ботинках, прикладами автоматов и всем, что попадет под руку. Если комбат видел, что солдаты бьют неохотно, делают вид, проявляют жалость, он набрасывался на них с кулаками и матом и кричал в ярости:

– Что, хотите, чтоб я вас самих вместо этих волчат уложил на пол? Или за неисполнение приказа по законам военного времени расстрелял, как пособников боевиков?

И солдаты были вынуждены избивать в полную силу. Некоторых били так, что они самостоятельно не могли возвращаться в село, и солдаты приносили их, искалеченных на всю жизнь, на носилках и быстро уходили обратно.

Вынужденный участвовать в «зачистке», Укротителей с раздражением смотрел на избивание молодых людей, не принимая в нем участия. Он в душе протестовал против произвола, но не мог послушаться. В нем постепенно закипал гнев. Он постоянно думал, как остановить экзекуцию. Как облегчить участь этих людей, виновных только в том, что они – чеченцы.

И решение пришло неожиданно, когда ввели очередных двоих для наказания. Это были подростки хрупкого телосложения, худенькие, тоненькие, как стебельки. Почти дети. Они испуганно озирались по сторонам, жались друг к другу и были совершенно беззащитными. Когда комбат зло процедил им:

– Ложись! Лицом к земле! Руки на затылок! – Сергея вдруг прорвало.
– Волкодав, может, хватит крови? – сказал он. – Эти-то в чем виноваты? Дети ведь еще совсем...

– Что? Бунт на корабле? – взорвался комбат. – Я давно замечал в тебе симпатию к чеченам! Ты всегда искал пути смягчения наказания этих бандитов! Я долго терпел твои выходки! И я расстреляю тебя сейчас, как предателя, как пособника боевиков по законам военного времени. Я – Волкодав! – в ярости шагнул он к Сергею, выхватывая пистолет из кобуры, всегда растегнутой.

– А я – Укротителей – укротитель таких диких, кровожадных зверей-людоедов, как ты, – сказал Сергей и, мгновенно вскинув автомат, сделал всего один выстрел в голову комбату, зная, что сердце его прикрито бронезиловым. Все присутствующие сначала ахнули в ужасе, а, спустя минуту, облегченно вздохнули, как после взятия трудной высоты. Они заулыбались и зашептали каждый по-своему:

– Наконец-то...

– Свершилось...

– Господи... Услышал-таки наши мольбы...

– Избавились мы наконец-то от этого изверга...

– Он погиб от руки снайпера-боевика, когда мы по лесистой долине возвращались к месту дислокации батальона после очередной «зачистки». Я понятно сказал? – спросил Сергей, глядя каждому солдату в глаза.

– Куда уж яснее. Мы все так и подумали, – заявили они в один голос.

– Командование батальоном беру на себя, как положено при гибели командира и как старший по званию. До решения Главного управления объединенных штабов федеральных войск в Чечне. Каким оно будет – неизвестно. Но это для меня уже безразлично, потому что моя война кончается через неделю. Если останусь жив...

После этого Сергей собрал все имеющиеся в батальоне лекарства, пошел с несколькими солдатами в село, где на площадке все еще ждали конца «зачистки» люди. Рыдали матери над избитыми сыновьями, Плакали дети их, сестры, задавая кому-то безответные вопросы: «За что? В чем их вина?» Сурово молчали старики, без слов покачивая седыми головами...

Сергей вернул нетронутыми двух подростков, отдал местному фельдшеру Ахеду все лекарства и сказал, обращаясь к сельчанам:

– Простите нас за жестокость, если сможете. Видит Бог, мы не хотели этого. Но идет война, и мы обязаны выполнять приказы. Я всегда старался смягчить их, но не всегда в моих силах было сделать это...

– Мы-то прощаем вас, как людей подневольных, – сказал за всех старейшина, Но простит ли вас Бог и совесть ваша?

– Я буду всю жизнь молить Его об этом...

После этого, минут двадцать спустя, бронетехника, облепленная солдатами, потянулась в сторону Сесны, к месту временной дислокации батальона. Они с жадностью глотали свой сухой паек, смешанный с грязью, кровью и слезами...

10-15 сентября 2014 г.

Магомед Абдулаев

**Ночь зверино-
рыжими зрачками
так многооооооо в душу
смотрит мне...**

В водовороте вещей снов
Вращаюсь снова я и снова.
И в оборотах лишних слов
Теряю бытия основы.

Я прорываюсь напролом,
Но натываюсь вновь на слово,
В томленьи духа о былом,
Надеждой возрождаясь снова.

Надеждой зажигаясь снова,
В томленьи духа о былом,
Я натываюсь вновь на слово,
Но прорываюсь напролом,

Теряя бытия основы.
И в оборотах лишних слов
Вращаюсь снова я и снова.
В водовороте вещей снов...
Вращаюсь я...

Мы все время куда-то спешим,
И живем, в жизни бег не вникая,
«Подождите!!!», – кричу я живым,
Тщетно мертвых уже окликаю...

Мне б на миг вам в глаза заглянуть –
В наших гонках так мало стоянок.
«Столько дел... не вздохнуть,
не вздремнуть», –
Слышишь только от вас постоянно...

То ли нем крик печальной души,
То ли глухи сердца адресатов –
Продолжаете вы мельгешить,
Тщась друг с другом
не пересекаться...

Я же бьюсь, и не мертв, и не жив,
Между мертвыми, между живыми...
Продолжая свой путь сиротливый,
Суетливый виток чертит жизнь.

Беготню оставляем свою
Лишь когда кто-то
сходит с дистанции.

И у бездны, на самом краю,
Замирая в духовной прострации,

Павши ниц, шепчем мы:
«Как же так!»

В бездну льем,
что осталось несказанным,
А в ответ – только лишь пустота,
Что слезами по свету размазана...

Очнулась муха посреди зимы,
В тепле домашнем
к жизни пробуждаясь.
Упрямым фактом, хоть и не прямым,
Судьбы парадоксальность
подтверждая.

Ползет, спросонья, вяло по стеклу,
За микротрещинки его цепляясь.
Во мне, соскучившемся по теплу,
Своим жужжаньем лето воскрешая.

Но вот покой встревожил паука
Прозрачных крыл
мушиных микровер.

Как лист бумаги тишину скомкав,
Их звук, в тиши возникнув,
сон развеял.

Вот я о чем не думал, не гадал,
Что мухе так обрадуюсь безмерно!
Вот почему ты, паучок, попал –
Я мушку спас – увы и ах!
Мой бедный...

На сей раз ты избрал не тот объект.
Паук, мечтам твоим, увы, не сбыться.
Нельзя ведь необъятное объять,
Хоть и пришлось
в ничтожном воплотиться...

Прошиты насквозь злые тучи
Солнца золотым лучом,
И лед к земле примерз,
И небо хмуро.
Вхожу в тоску как в дом, и дверь
Встречается с моим плечом.
И серое окно тоски
Глядит в глаза понуро.

И рвется боль из сердца, точно
Сжатого в стальной кулак.
Тоска меж пальцев
Словно кровь сочится.
А сердце – духу не чета,
Ведь духу родственен булат,
И сердцу с ним, конечно,
не сравниться...

Да псу хлыста, порой,
Достаточен один удар,
А волк ни перед кем
Не отступает.
Зализывает в тишине он боль
Смертельной раны рвань,
Надеждой дух
Бесстрашный
Подкрепляя.

И только досаждают нам
Живого сердца жалкий ком –
Чем ты его
надежней защищаешь,
Стальной холодною броней
Чувствительную пряча плоть,

Тем больше, черт возьми,
Оно страдает!..

Не спишь?
Боишься пропустить
Стук сердца, вздох
Иль мысли штрих?
А если спать,
Когда же жить? –
Вопрос, вдруг прозвучав, затих.
Затих, но электрической искрой,
Светясь и скрежеща, завис.
Не спят луна и звезды в небе близком,
За облаками прячась,
То выходя «на бис».
Ложиться? Нет!
По мне, гораздо веселей
Встречать рассвет
Вдвоем с бессонницей моей.
Ну, а тогда...
Пусть ночь крадется, тихо уходя,
И, затаив дыхание, распустится заря
Цветком волшебным,
Заревом багровым,
И лепестками всполохов,
И лепестками грез.
И за бессонницу вознаградит меня
Открывшихся картин
прекрасных тайна.
Я погружусь в покой и в безмятежность –
Усну, отбросив пути стылых буден.
И унесусь на чудо-острова,
Зажмурившись от света и от счастья;
Туда, где море, солнце и трава,
И на века где воцарилось лето.
Там, где смешались
сладостным дурманом
Дымы костров и ароматы моря.
Я стану зрителем
прекрасного рассвета,
Что заревом на горизонте вспыхнет;
Туманно-золотистого свечения,
На фоне утра бирюзового.
Потом наступит яркий сочный день,
Сменяющийся плавно и красиво
Сиреневою дымкою вечерней –
Вслед обернувшейся
иссиня черной мглою
Ночи, при звездах ярких и луне.

В хрустальной лодке
 грез и сновидений
 По неге моря плавно поплывем
 Навстречу грезам,
 чистым снам вдогонку.
 Нас сказочные встретят острова,
 Где мы с тобою будем жить вдвоем.
 И тех, кого теряли в жизни, там
 Мы снова в брызгах
 счастья обретем...

Эти долгие, долгие ночи –
 Сколько в них неизжитой тоски –
 То ли филин безумный хохочет,
 То ли молнии грохот в ночи.

Эти зыбкие, зыбкие ночи –
 До сих пор я привыкнуть не смог
 К этой давящей душу мне ноше,
 Что так жутко коробит мой слог.

Эти вязко-тягучие ночи,
 Мельгешение скользкое дней.
 Эта осень, что в лужах полощет
 Эту тусклую блеклость огней.

Этой темною, с проседью, ночью
 Остаюсь, Осень, с глазу на глаз,
 Я с тобой, чтобы в скорбные очи
 Заглянуть тебе еще раз.

Ступая в жаркий и хрустящий пепел
 Мостов сожженных битою ступней,
 Из-за дымящихся
 потемок сумеречных
 Крадется ночь бесшумная за мной.

Крадется к окнам и,
 сквозь стены зверем
 Неведомым и страшным подступив,
 Узлами к горлу тянет пальцев веер,
 Костью колен
 на грудь мне наступив.

Я просыпаюсь, словно в лихорадке,
 Мой пульс с часами бьется в унисон.
 И ночь тикает в окна без оглядки,
 А я гадаю: явь то или сон?

Но, и проснувшись, я все задыхаюсь,
 Кидаюсь вон – ужасно дверь скрипит.
 Я озираюсь, духоту вдыхаю,
 Из сил последних волю укрепив.

Всмотревшись в ночь,
 я тут же замечаю
 Десятки, сотни, тысячи огней –
 То ночь зверино-рыжими зрачками
 Так многооко в душу смотрит мне...

Ужасный страх,
 объяввший мое сердце,
 Поток крови бешеной зажмет
 Мне горло. Сердце
 в пляске задохнется,
 Как в тесном карцере в груди замрет.

И снова в стенах узких замыкаясь,
 Задернув шторы стареньких окон,
 В постели жесткой до утра промаюсь,
 Пока рассвет мне не вернет покой.

Ночь проведу
 перед Всевышним каюсь.
 К утру ж, в молитве обрету покой.

Вся наша жизнь, увы, сплошная ночь;
 И неприкаянно в ночи
 мы этой рыщем.
 Отбросив все сомненья,
 страхи прочь.
 В неведеньи –
 что в этой жизни ищем?

И не клянем судьбу за волчью жизнь,
 Чужие шкуры на себя не мерим.
 И в мир ваш полный
 лицемерной лжи,
 И в ваш уклад привычный
 мы не верим.

А по-собачьи лаять и скулить
 Мы не умели и уметь не будем.
 Презрев уютом псиной конуры
 В дремучем логове
 разжились мы приютом.

И кровь, и пот,
 что нам пришлось пролить,
 Когда охоту на волков чинили,
 Свободы миг способен окупить –
 Так праотцы волков еще решили.

И грустно и смешно,
 И смех и грех.
 Что было, то прошло,
 И тех утех
 Горенья знойного,
 Той потаенной сути,
 Что мнили мы
 Когда-нибудь найти,
 Нам, путникам,
 Вдруг, сбившимся с пути,
 Взамен обретшим только пути,
 С вершины лет приходится узреть,
 Что смысла в наших изысканьях нет...
 И грустно и смешно...
 И смех и грех,
 Что было, то прошло.
 И тех, и тех
 Судьбою расшвыряло
 В дань игре,
 В которой правила,
 Конечно же, не те,
 Что мнились нам
 В наивной юности,
 Что тратит пыл
 Бессмысленных страстей.
 И грустно и смешно...
 И смех и грех...
 Что было, то прошло –
 Держи в узде
 Гремучий рой
 Своих слепых страстей
 Под вихрь нескончаемых потерь.
 В конце тоннеля кто-то видит свет,
 Но иногда, мы видим, света нет,
 Когда в конце тоннеля просто дверь...
 Ну, а за дверью что?
 Поди, проверь...

Мой мир заполонила пустота,
 В супруги одиночество мне проча.
 Тоска – союза нашего дитя,
 Зачатое бессонной, зыбкой ночью.

Мой дом окутан мглой, завяз в ночах,
 Устало притворивши окна-очи,
 В глуши седой безропотно зачах,
 В плену тоскливом бесконечной ночи.

Мороз, крадучись, легший по углам,
 Смешавшись с пылью,
 скрывшийся во щелях,
 На время отступая по утрам,
 Под вечер тянется к моей постели.

Куражится снаружи надо мной,
 Повизгивая зло, ехидный ветер.
 И жутко как-то, стену за стеной,
 Облизывает он мою обитель.

Трепещет в страхе огонек свечи,
 Переплетаясь, тени выползают.
 Испуганно огонь в пустой печи,
 Раскашлявшись, чадит и угасает.

Шипит змеей последний уголек,
 Придушен мглою свечки огонек.
 Мой дом, во мрак
 укутавшись привычно,
 Впадает снова в кому... как обычно.

Таясь во мраке, жизнь забилась,
 в страхе, в щели.
 В торжественности одинокой ночи
 Слышны приبلудные –
 без смысла и без цели –
 Ночные звуки, завыванья волчьи.

А ночь сгущается все,
 наливаясь мглою.
 И звуки, коченея, умирают.
 И тишина, вдруг,
 в унисон тоске – иглою,
 Впиваясь в душу, дрожью пробирает.

Поэзия**Асламбек Якубов****О старом Грозном...**

Ты помнишь довоенный Грозный?
Какая жизнь кипела в нем!
И в зной, и в дождь,
и в день морозный
Веселый смех звучал кругом.

Как шел трамвай, звеня звоночком,
Как незаметно он «всплывал»,
И всех нас к нужным остановкам
В веселом беге доставлял.

А как мы шумною толпою
С утра влетали в наш ЧИГУ,
Едва обмолвившись с тобою
Обычным «Здравствуйте!» на бегу?

Каким зеленым был наш город,
Какой в нем чудный был пейзаж:
А помнишь парк,
где «Красный молот» –
Завод стоял известный наш?

А вечерами по проспекту
Гулял-расхаживал народ,
Ведя спокойную беседу,
Вдали от всех дневных забот.

Какой покой, какая радость,
Светились у людей в глазах –
Как жаль, что это все осталось
В далеких памятных годах.

И все же он сегодня лучше,
И красивее во стократ,
И величавее и круче –
Как современный новый град.

В нем меньше зелени не стало,
И парков всех не обойти,
Хотя народа в центре мало,
Зато машин – хоть пруд пруди.

Но не ищите в Грозном ныне
Следов войны – их просто нет,
Они в сердцах у нас донныне
Печалью тех кровавых лет...

Гордецу

Ты теперь лежишь в могиле,
Всеми позабыт совсем –
Кого народы возносили,
И преклонялись перед кем...

Полагал, гордец, ты, верно,
Что, без славного тебя,
Мир обрушится мгновенно,
Под собой всех погребя?

На дела благие жадный,
У судьбы ты только брал,
И кто свой конец внезапный,
Ну, никак не ожидал.

Жизнью долгой и красивой
Вознамерившись прожить,
В позе важной и спесивой
суд привык ты свой вершить...

Сколько вас таких, кто пищей
Стали мерзкою червей,
Гордцов – тех, чье жилище
Под ногами у людей?

Если б твой пример, столь яркий,
Пользу сослужил бы тем,
Кто на власть и деньги падкий –
Но, увы, мир глух и нем!

И сегодня за короны
Свой ведя жестокий бой,
Поднимаются на троны
Жертвы глупости людской;

Для умов их нереально
Превратиться завтра в прах,

Что к суду и их нежданно
Может вдруг призвать Аллах.

Ода робе

Тебе душой я верен роба,
Верна и ты мне до конца –
Видать, судьба – трудяг до гроба
В одежке пребывать спеца.

Меняет время суть и формы,
Влиянью мод подвержен мир –
Поправ эстетики все нормы,
Восходит фановый кумир...

Стиляги, хиппи, яппи, боба –
Немало было их в наш век,
И только мы с тобою, роба,
Не повелись на шейк и брейк.

На фоне вызовов – невинность,
Парадной праздности – укор,
Не на эффект, на эффективность
Ты делать призвана упор.

Ни США и не Европа,
Нет, не запудрят мне мозги –
Пока в тебя одет я, роба,
Мне тратить время не с руки.

Слагаемые счастья

Вмести побольше добрых дел
В тебе отпущенные годы,
Чтоб ни о чем ты не жалел,
Их разбирая, как полеты.

Отдай долги все до конца,
И никому зла не припомни,
И предписания Творца
Все, как положено, исполни.

Ни слава, деньги, ни посты
Не стоят жизни со свободой –
Как счастья правила просты:
Живи в гармонии с природой.

Живи в согласии с судьбой,
А главное – не муча совесть,
И верь: тогда само собой
Напишется и счастья повесть...

Хлеб – особая еда,
С ним и горе не беда.
Если есть он на столе –
Значит, верь, что ты в седле.

Значит, ты богатый друг,
И за свой семейный круг
Можешь быть спокоен ты;
Жить, творить без суеты.

Хлеб – награда за труды,
И защита от беды;
С ним и мир нам светел, мил.
В нем исток телесных сил.

Без него любой силач
Изогнется, как калач;
И высокий интеллект
Без него не даст эффект.

А как вкусно пахнет он,
Хлеб, что свежее испечен!
Чем не райский аромат?
Ему, знаю, каждый рад.

Но стезя его трудна –
До буханки от зерна –
И до нашего стола...
Всем этапам несть числа.

Он бесценен, спору нет.
Неслучайно много лет
Повторяет мир слова:
Хлеб всему есть голова!

Мой современник, нас с тобой,
Безмерно миловал Всевышний,
Явив нас в мир в век золотой
усовершенствованной жизни.

Живи на радость, и рули –
Все для удобства человека!
Не жили так и короли
Из ренессансового века.

Ведь мы с тобой на пике «изма»,
Высокоразвитого. Даже
Наш человеческий организм –
И тот – как механизм отлажен.

Прошел мир долгий путь борьбы
До нашего с тобой рожденья,
А наш же век – венец судьбы,
мечты былых о воплощенье.

Так что, рождением своим
В век современных технологий
Мы в выигрыше, и тем одним –
Творцу обязаны мы многим!

Не дай Господь нам никогда,
Вновь повторить судьбу,
Что испытали мы тогда,
В двухтысячном году!

Не приведи Господь нам вновь
Увидеть и во сне
Все те страдания и кровь,
Что были на войне.

Людей измученных, больных,
Сожженные дома,
И муки от потерь родных,
Сводящие с ума.

Не дай нам снова испытать
Жизнь в поисках углов,
Когда ты вынужден искать
Жилье, стыд поборов.

Когда в истерзанной душе
Одни лишь боль и ночь,
И нету сил твоих уже
Все это превозмочь.

Не приведи Всевышний вновь
Пройти сквозь эти дни,
А значит гнев свой на любовь
Ты к нам, молю, смени.

*Даудовой Элине из ст.
Горячесточненская*

Позолотой тронуты долины,
Пала ниц пожухлая трава,
А в саду у маленькой Элины
Опадает желтая листва.

Прокатилось лето шумным эхом,
Наполняя радостью глаза,
Рассыпая детским звонким смехом –
Чистым, словно в осень небеса.

По утрам в обрывках паутины
Солнца наблюдаем скорый ход,
Что в глаза красивые Элины
Лучики, в печали, тихо льет.

Осени обычная картина,
Названная грустною порой;
И тебе, о юная Элина,
Подчинять ей распорядок свой.

Приуныли Барби и Мальвина,
Наступила строгая пора,
И сейчас примерная Элина
В школу направляется с утра.

Так, пускай у школьницы Элины
Сложится все в жизни
лишь на «пять»,
И поры унылой все картины
Будут ее только вдохновлять!

Для детей

Ходит по двору петух
Поступью хозяйской:
Он подтянут, строен, сух,
И красив окраской.

Ярко-красный гребешок,
Золотые перья –
Хоть и ростом он с вершок,
Но отвагой в зверя.

Не дает он никому
Кур своих в обиду,
Даже другу своему,
Мальшу Хамиду.

Даже маленьких котят
Отгоняет от цыплят;
Бережет их строго,
Как зеницу ока.

Заприметив петуха,
Вон, и коршун в небе,
Мчит, подальше от греха,
В горы или степи.

Зарумянится Восток,
Небо просветляя,
Закричит наш петушок,
Всех нас пробуждая.

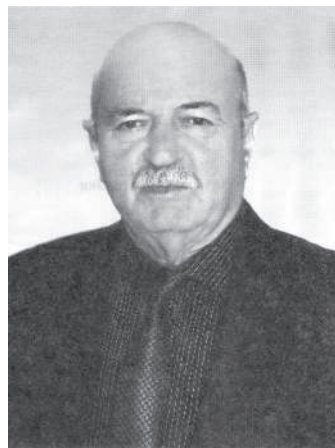
Он взлетает на забор,
Крыльями махая,
И кричит на весь наш двор,
Будто бы желая:

Утра доброго и дня,
Полного везенья!
А тебе моя Чечня –
Мира и веселья!

Усманов Іарби

Къу-берзан буйса

Дийцар

Мацаллой, берийн делхарой дог Іийжош, ойланаша, цкъа гена Кавказе дІахьош, юха арахь цІийзачу дарцо таханлерачу бакъдолчуьнга юхавалош, вехха Іиллира Абубакар, цкъа бІаьргаш дІахьабдеш, юха схьабоьллуш. ГІенах-самах, бохучунна юккъера хьал дара кхуьнан дегІехь а, синкхетамехь а дерг, наб йогІуш а, атта кхетар йолуш а воццухехьа.

ШозлагІа де ду, арадохучу, оцу декъазчу дийнахь, катобхна схьаэцна хилла ахьаран гали кхачийна. Селхана, гали хи чу охьа а дегийна, и хи кхехкийна, чорпин бахьана а дина, и мийлош, Іехийна, хала дийшийна бераш. ХІинца цу галех а, мел дегадарх схьадала хІума дац. Тахана сарралц, юьртаюккъе вахана, казахийн ков-керта юххехула леларх дІакхьоссина картолан чкъор а ца карий. Ткъа сагІа ца деха вала а кийча ву Абубакар. ВорхІе а дас ца лелийнарг тІеэца ца туьгу даго а, кхетаме а – байттамал!..

– Мама, со мацвелла-а-а, – велхар карзах доккху кхо шо долчу Мохьмада.

– Суна удар деза, – гІийла аз хазадо цуьнца шалавинчу Ахьмада.

Царна тІаьхьа, ненах хаьддачу жимчу кІезано санна, цхьа тамашийна гІийла узам болабо пхи шо кхаьчначу Марема.

– ДІадийша, дІадийша, ас удар схьадаьлча, самадохур ду шу, – къурдаш деш, уьш Іехо гІерта кхеран нана Товсари, хи кхехкаш болчу яй чу Іайг а хьийзош.

Важа ший-м вистхуьлуш вац: итт шо кхаьчна Инал, кхойтталгІачу шаре вирзина Ислам. Царна шера хаьа, яй чохь хІумма а йоций. Уьш бийшина а бац, боьлхуш а бац. Уьш къонахий ма бу!

«Шов-в-в!» – шок етта арахь дарцо.

«У-у-у», – узам карзахбоккху Марема.

ХІан-хІа, кхин ницкъ бац хІокху декъазчу узамашка ладегІа – ша волччахь, сонехь, дІатаьІна Іачу, ча тІехь охьахоу Абубакар. ДегІана хуьлу ницкъ-м хІун дара хьуна, дегІе-м, ша бохург дайта Іемина вара хІара. Халаниг синкхетамна хуьлуш болу ницкъ бу. Цо кІелвуйтуш лаьтта. Са кхачош лаьтта. Кхин ницкъ бац гІеллуш лаьттачу берийн бІаьра хьежа.

ГІийлачу чиркхан серлонехь, кхуьнан сиро маж яьлла, тІулгах хьаькхна яьккхича санна, йолчу юьхьа тІехь го цхьа чІогІа сацам. Бакъду, дика тидамбича-м хаалур дара, хІара шина дагахь вуй, къуьйсус, кхунна омра деш, ши аз долуш санна, царех цхьаь резастоцуш декарг кхуьнан ден Исраилан аз а долуш. Оцу шозлгІачу озаца цхьаьна кхунна хьалха хІуггура цуьна сурт: хІинца, шена хьалхахь, дІакховдийча куьг а кхочур долуш, иза лаьтташ волуш санна, халонаша охьа ца талийна, харцо-бакъо къасточахь бакъонна тІехІиттина волу, нахана юкьахь дош а лелаш, хьанал чекхваьлла волу къонах Исраил...

СубхьаналлахІ! Ма тамашийна хІума ду хьо, кхетта наб а йоцуш, гІан-набарш ма ю хІара дуьхьалтуьйсусурш?! – цецволу Абубакар.

«Шов-в-в...» – шок етта арахь дарцо.

«У-у-у...» – узам ца сацабо Марема...

«Оллохлумма Солли Iала, Мухьаммадин ва Iала, али Мухьаммадин ва Саллим», – хьалаглотту Абубакар, шена тIетесна хиллачу йоцачу кетара тIера чамхалгаш дIа а егош, – Дела, хьо гуш ву-кх хIара хьал, – олий, тIе хIуманаш а юхий, неIарехьа волало. НеIарехь, соций: «Со Iабдуллаглаьргахь хIун хьал ду хьажа воьду. – Могуш воцуш вара иза. Со хьелахь, са ма гатделаш», – цецьяьлла сьхьаьбжучу Товсарига а олий, чехка, ша йиллина, лай чимашца шело чухьаьдда, неI а кьовлий, боданах, дорцах дIаоь.

Юьрта йистехь тракторий-машений станции контора хиллачу цIа чохь дIанисбина бара кхуьнан доьзал. Кхузара дIа кхоь-йиь чаккхарма хирийолуш яра, екхна йолуш дIахьаьжча ган а гуш, кхуьнан шича Iабдулла шен доьзалца Iаш волу бежанийн ферма хилла еха гIишло. Ткъех доьзал кхин а бара цу чу дIатарбина. Текели станцера хIорнI салазашца хIокху Абай цIарахчу колхозе сьха а балийна, цьхаццанхьа дIанисбан болийча, чIогIа гIоьртира Абубакар шаш цьхаьна дитар дезаш, шен ден ваша ИбрахIим, Iабдуллин да, гIийла а волу дела. Гуллакх ца хилира – хIорнI вовшах кьастийра. Делан кьинхетам бара кхечу юьрта мукьна а ца бигна. Сьхьакхьачна кIира далале ИбрахIим дIакхелхира, шу марша.

...Чекхдала гергадаханчу Iаьнан тIаьхьара моханаш хир яра хIара хьобкху дарц, амма Абубакаран, иштта а гIелделла, ницкьах хедаш лаьтта дегI, агта ловза-м дора. Нийсса дуьхьал хьобкхучу мохо юха тоьттура, хIора боккху ког, кхуьнга хала боккхуйтуш. Амма хIара дIагIертара. ОхьатаьIина. Мохана а, шелонна а, хIокху декьазчу хьолана а дуьхьалбаьккхинчу, хIинц- цалц кхунна ца бевзинчу, цьхана ницкьо дIатоьтуш санна. Ша а цецвуйлура, араволуш шен дегIах башха бIобулуш а хилла воцу Абубакар, хIара ницкь шена мичара баьлла-те бохуш. Юьртана гена мел волу, кесткеста соций, дIасахьожура, нийса вогIий-те ша олий. ХIоккхул гена а йоцчахь, тила а велла, гIорийна карийна меттигаш еанера кхузахь. ХIара санна йолчу буьйсанна-м муххане а кхераме дара, кхин дIогара, хIара бу, аьлла, кьаьсташ некь а ма бацара хIара дIагIерташ берг, лайно кхин тIе а кьайлабаьккхина. Иштта, шеко кхоллаелла сецира Абубакар, хьалха нисделлачу цьхана жимочу карагач-диттах букь а тоьхна. ДIасахьежарх гуш хIума дацара, юхахьаьжча юьртара цьха а серло а. Бакьду, араволуш тидам бинера кхо IабдуллагIар Iаин болчу фермина тIекхача нийсса моха дуьхьал дIаваха веза, аьлла. И Iалашо лаьцна сьхаобхуш а вара, мох хийца ца беллехь, тIекхочур ву-кх ша, бохучу ойланца. Амма мох кхечу агIор баьллехь, доьхнарг а ду-кх, фермина тIех а ваьлла, эрна ара дIавадахь...

Ма-дарра аьлча, мох хIинца дикка лагIбеллера, даккхийчу чимашца, кхевссина догIуш ло дара.

«Кьу-берзан буьйса, олуш ерг, ю-кх хIара», – аьлла дагатесира Абубакарна. И кхунна дагадогIушехьа, аьрру агIорхьа, кхунна дагадеанарг тIечIагIдеш санна, цьха тамашийна, сингаттаме, кхуьнан дог шелдеш, дегIе зуз доуьйтуш, гена йоццуш, борз уьгIира. «СубхьаналлахI, ладоьгIна-а, даг тIе тесна кхерам дIабаккха а гIерташ, ца догIучу дагца, ша-шена велакьежира Абубакар, – мацалло со санна ижуна араяккхина ю-кх хьо а, сох ижу ма яхьара», – аьлла. Цьхана агIор борз уьгIу хезна хаза а хийтира кхунна, гуттара а ферма лаьттаху метте борз гIоьрташ хуьлу дела. Ткъа иза – хIара дIакхача герга хиларан, тилавелла цавахаран билгало яра. Вукху агIор берзаложкара забаре боцу кхерам буй а хаьара. ЧIогIа эвхьаза евлла кху шарахь берзалой, бохуш, дуьйцу. Дохнна а, адамашна а чIогIа зенаш дина, боху. Ткъа, меца борз цьхана а хIумано сацор йоций, хууш ма дуй. Адаман санна эхь-бехкаца кьийса а, гIиллакх-гIуллакхца ша дешдерг дуста а цуьнан ца деза... Шена Дала белла ницкь сьхагулбина, болар сихдира Абубакара.

...Декьазчу нахана хIусам хилла деха божал цIехьхана гучуделира кхевссина догIучу лайн кIуьрлахь. Шардазчу аннех йина йоккха неI а йиллина чохьавелира Абубакар. Дехачу божална юккьехула дIасаваха готта

меттиг бен йоцуш, оганаш а хлиттийна, шина а arlor кларанаш динера, хлора доьзал къастийна чуберзоран сурт хлоттош. Арара чуволу шина arlor неларш йоцург, кларанийн неларш яцара, дуьхьалтийсина цхьацца хлуманаш бен. Цхьана чуьраузар, вукху чуьра узам, цхьанхьара берийн делхар – шадерриг вовшахьийна схьахезаш дара. Иштта вовшахьийна кхеллийн модийн, клуьран хьожа кхийтира Абубакарна, чохьха воллушехьа.

– Во лабдулла, чувуьтий аш? – аьлла, шена тлера ло охьа а дегийна, чохьха ма велла долчу кларанна дуьхьалтесна истанг дла а хилийна, чукъедира хлара, цхьа а аз хезаш цахиларна шек а волуш.

– Дера вуьту-кх, марша воглийла, Абубакар! – аьлла дуьхьалвелира сонехь ча тле тесинчу вертан тлера хьалаглаьттина лабдулла.

– Абака, хьо вац хлара? Хьо лаа вуй-те хлокху йобхначу буйсанна? – аьлла, ша лачу паднар тлера хьалаглаьттира лабдуллин нана Хеда.

– Марша воглийла, клант! – аьлла, дуьхьальбелира лабдуллин хлусамнана Падам.

– Лаа ву со-м, Хеда, буйса дика хуьлда шун! – массарна маракхийтира Абубакар.

– Са а гатделла, шу хлун деш ду-те, аьлла, схьанехьа ваьллера. Хьо муха ю, Хеда, бераш а дуй могуш? – длайовш йоллучу пеша хьалхахь вовшах а хьарччина дийшинчу берех блайрг а тоьхна, паднар тле охьахиира хлара.

– Дика ю со-м, Алхьамдулиллах1, бераш а, цькачунна, ирахь ду, кханалера де Делехь ду, – кхунна юххе хилира Хеда. – Шуьгахь хлун ду?

– Дла лаш ду тхо а, – доцца хадийра Абубакара, цигара сурт дагадеача, юха а дог лийжа а долалуш, леткъамаш барх тлеххета хлума дац-кх, аьлла. Хийла клант, шегара хьал ца хоуйтуш, сагла деха куьг кховдо даго ца вуьтуш, бакьдуьнена длаваха кхузахь. Хаьара Абубакарна шен шича лабдулла, таро хилча, шена хлума кхоор доцуш велахь а, кхуьнан дан накъосталла доций а, хлорш муха лол бетташ бохку а.

– Хлун дийр ду тлаккха – тлаьхависсинарг ца лийча ца волу-кх вайх, Хеда, хлара дуьне ца дезаш ма ца вахара Ваша а дла, – кхин хеттарш ца дайта санна, дерзийра Абубакара.

– Дера ца волу, дера ца волу, иштта ду-кх хлара дуьне. Хийла дика клант, оьзда йол, дика къонах дладели вай цлера даьхчахьанна, вайх а хлун хир ду а ма ца хаьа, – олуш, доккха са а даьккхина, хьалаглаьттина, пеша тлехьа лаьтташ болу, клуьро ларжбина наштара яй схьа а эцна, цу чуьра жимочу кхийра кедачу цхьа чорпа йобьтира Хедас.

– Схьавоьл, Абака, вайн ерг кхаллал. Цхьа кад кхоьш еанера дло дехьа чуьрчу тхан йишас, уьш кхехкийнера оха.

– Са ма гатде ахь, Хеда, со йиьна ву, – меллаша, собаре элира Абубакара, схьакхеттачу ючучьнан хьожано шен корта хьовзор ца хаадалихта глertaш, дла а воьрзуш.

– Делан дуьхьа кхаллалахь, Абака, тхо массо а йиьна ду хьуна, – стоьлан меттана хлоттийначу яьнки тле кхийра каддий, чадий охьабиллира Хедас, – сискал, бепиг – хлума-м яц вайгахь олуш, бехкалаяхана.

– Тлехилал, схьаэцал, – карзахдевлла хьавьзира лабдуллий, Падаммий.

– Хлумма а ца оьшу, са ма гатдехьа, Хеда, – олуш, Абубакара, тле а хилла, чада схьайцира.

– Бисмиллах1и Рахьмани Рахьийм, – аьлла, меллаша чукховдош кхо-бий чада, наг-наггахь кхоьн буьртиг чохь болу, чорпа мелира. Ша дуьнен тле ваьлчачьана ца мелла мерза чорпа.

– Алхьамдулиллах1и Раббил1аламийна. Хастам бу хьуна, Веза Дела, хлара рицкьа а, беркат а тхуна даларна. Дала къобал сагла йойла, Хеда, – олуш, кад длатеттира.

Амма Даллий, кхунна шений хаьара-кх и дан мел хала дара!..

Маржа, нохчий я! Шайн ворх ле а дайшкара схьадеана г1иллакх-оьздангалла ца дитало-кх шуьга, халонехь хилча а, мацалло б1арздича а!

Хеда башха цец а ца елира, лаахь а, ца лаахь а яяхьара, бохуш, дукха моттарг1анаш а ца лелийра, амма, лерина кхуьнан б1аьра а хьаьжна, хьалаг1оьртинчу елхарна шозза-кхузза кьурд бира.

Араволуш, чуволуш, дукха къамелаш дира Абубакарий, 1абдуллас. Дуьйцург шена ца хозуьйтуш дийцарна шекьяьллачу Хедас т1аьхьара хьаттира: «Шуьшиь лаа вуй, ши к1ант, керла сингаттаме х1ума-м дац?»

– Х1умма а дац, нана, юьртахь волу вайн гергара стаг Ваха ву боху воьжна, цо х1ун до а хьожуш, хьалавоьду тхойшиь, дарц а д1атийна, – олуш, т1е х1ума юьйхина ваьлла 1абдулла хьалаг1аьттира.

– Дала маршалла дойла цунна, г1оли хир ю, Дала мукьалахь, – шеко д1а ца яьлলেখь а, элира Хедас, – маршалла а ло массаьрга а.

– Са ма гатделахь, Хеда, тхойшиь цигахь хьелахь, 1абдулла вайгахь саца а мега хьуна, – хьалаг1аьттира Абубакар а, – 1одика йойла, буйса декьал йойла, – аьлла, не1аре оьллина истанг д1а а тоттуш, хьалхийт1аьхьий аравелира ши шича.

Дарц лаг1делলেখь а, сацзаза дог1учу лайлахула, хала когаш бохуш, юьрта чувуьйлира х1ара шиь. Хала карийра Абубакара дийнахь билгалдаьхна, кхузарчу барамехь г1ехьа даккхий, к1айн кир тоьхна ц1енош. Т1ехьашха бешахула т1е а вахана, ладуг1уш сецира. Юрт д1атийнера, ур-атгалла, леташ цьха ж1аьла а доцуш. Юьртал араьхара схьа наггахь уг1ун борз хезара...

...Буйса сахуьленга лестина зама яра Абубакаррий, 1абдуллий, боккха ч1амара етт а балош, фермина гена доццуш долчу 1инан йисте бигина иза бен а бийна, чуьйраш 1инах чу а кхисина, меженаш вовшахьаьхна ваьлча. Х1инца сихоян езара сахилале жижиг д1асадаккха. Цьхаьца меже йохуш, сихонца ферме чудеара кху шимма жижиг. Т1аккха, шайна г1о дан ши-кхоь накьост а г1аттийна, оцу чохь болчарах мацалла г1елбелла доьзалш билгал а баьхна, царна массарна а дакьа дира.

– Х1ан, 1абдулла, кхид1а дерг шашь дерзор аш – со сахилале д1а ца кхаьчча ца волу, – аьлла, Абубакар, гали чу шега дахьалуччул жижиг а диллина, и ги а тоьхна, юьртехьа волавелира.

Г1елделлачу дег1о бохург ца дора. К1оргачу лайлара хьалабоккху х1ора ког а хала боккхура, гирачу галино букар сеттавора. Амма саца йиш яцара, охьахаа мухха-ле а – хаьара Абубакарна, цкьа гора водахь, я охьахаахь, юха г1атталур воций.

«Саца йиш яц! – цергашца балда а лоций, ша-шена омра дора х1окхо. Саца йиш яц!» – юха а, юха а когбоккхуш, охьатаьНина д1аг1ертачу кхунна ц1ехьхана, нийсса хьалхахь, дукха юххехь борз уг1ира, кхуьнан дег1а т1ехь мел болу чо ира а х1оттон. Х1ара сецира, х1умма а гой-те аьлла, лерина хьалха а хьожуш. Гуш х1ума дацара, амма даг т1е тесначу кхерамо д1а ца хохьура. Дикка лаьттира х1ара ладоьг1уш, кийрахь детталу дог а хезаш. Т1аьхьа а: «Дала диннарг хир ду-кх – лаьттинах вер ваций кхузахь», – аьлла, д1аволавелира. Цьха б1е метр генавалале, юха, тап-аьлла, сецира. Сахуьленга г1оьртина баьржинчу боданехь, нийсса кхунна дуьхьал а йог1аелла, кхуьнга хьожуш дукха хенахь дуьйна 1аин йолуш санна, ши борз лаьттара. Хьалхачул ч1ог1а деттадала доладелира дог. Иштта а г1елбелла кхуьнан ши ког лехнера, кхин д1аваха а лур вуй-те, аьлла. Меттах ца волуш лаьттара Абубакар, юкьа хан йоьлла, серлаьльча, берзалой къаьхкар яцара-те бохучу ойланца. Берзалой а лаьттара шаьн йолччахь, х1ара т1еваре хьожуш санна, я кхуьнан вала меттиг йоций хууш. Х1инца, т1едог1у ло а сецна, синбода бекьабелча, дика гуш яра кхоьссина г1аж кхоччехь лаьтташ йолу, йорайоьлла йоккха нана-борззий, цунна юххехь, цо дийриг деш йолу, жимо кхин цьхаь. Лерина цаьрга хьожучу Абубакарна цьхана м1аьргонна йоккхаха йолу борз, гажа а гежна, бетгах мотт хьобкхуш йолуш санна хетаделира. Оцу

сохъта сург х1оьттира мацъеллачу берзалоша т1екхетча шех ден долчуьнан а, ц1ахъ мацалла доьлхуш долчу шен берийн а. Х1инца а лерехъ лаьттара Марема беш болу г1ийла узам.

Ц1еххъана, цхъа тамашийна шовкъ еара кхунна, коьртара когашка кхаччалц кхуьнан дег1 йовхонах, цкъа а ца бевзинчу ницкъах дузуш.

– 1аь-а-а-а! – аьлла, Дала шена беллачу ницкъаца мохъ а хъаькхна, нисса шина барзана т1ехъаьдира х1ара, оццул аз шен кийрара даларх, ша цец а волуш. Хьобкхучу маьхъарца, борз санна гажа а гежна, берзалошна т1евовдуш волу х1ара гинчо, билгал, хъераваьлла стаг ву эр дара.

Амма, хъераваьлла аьлла делахъ а, я кхуо хьобкхучу маьхъарх озаелла делахъ а, ши борз, цкъа кхунна нийс-са дуьхъал йолчуьра юьстах иккхира, т1аккха, дегазо д1а а йолаелла, юха, ц1ога таНийна, чаболе а яьлла, къайлаелира. Доккха са а даьккхина, цхъана куьйга хъаж т1е тоьхна хъацар д1а а хъаькхна, бол ар сихдира Абубакара...

...Серлаяьллера х1ара шаьши 1аш долчу лаппаг1ин уьйг1а кхаьчча. Сени чохъ жижиг охъа а диллина, чохъываьлла: «Ц1е а латайяй х1оттабе, бераш самадовлале», – хеттарш ца деш 1ачу Товсарига а аьлла, сени чуьра даьккхина яй буьззина жижиг тесира кхехко. Юха, араваьлла, уьйг1ара деттачу лайн борзах йоккха хара а яьккхина, дисина жижиг цу чу а т1ийна, т1е ло хъаькхира, керла диллина ло т1ехула а тосуш. Иаккха чувеача бен ца хааделира кхунна, шен дегера ницкъ, кхоччуш, д1абаьллий. «Собга ца хьобжуш, бераш дузаделахъ, жижиг схъа ма даьллинехъа», – Товсарига а аьлла, шена т1ерачу кетарх а хъаьрчина, сонехъ тесначу ча т1е д1атаьлира Абубакар. Ши-кхо минот яьлла хир яцара кхуьнан г1елделла дег1 набаро йийсаре лоцуш...

– Х1ой, шешен! – вон бетташ мохъ хезира арахъ, Товсари, бераш дуза а дина, Абубакар самаваккха дагахъ 1ачу хенахъ. Кхераелла, бос а байна Абубакарна т1ехъаьдира Товсари: «Самавалахъа, х1ай стаг», – бохуш, иза д1аса а ветташ. Хала б1аьргаш д1абиллина Абубакар дикка 1ийра, шега х1ун боху ца кхеташ.

– Х1ой, шешен! – юха а схъахезира мохъ, х1инца сени чохъ. Оцу маьхъарца, лоха не1 а йиллина, охъа а таь1аш, не1сар1ех сехъавелира доккха дег1 долу казах. Цунна т1аьххъе, арада дуьйна луйчара ца соцуш, шайн маттахъ цхъаь дуьйцуш, ц1ог1а детташ, чуеана, массо метте б1аьрг бетташ, д1асахъаьвзира, кегий, ира б1аьргаш болу, лохачу дег1ахъ, хъаьрчина, торгам санна йолу зуда, схъахетарехъ веанчуьнан х1усамнана. Боьрша стаг, чухула меллаша д1аса а хьобжуш, ц1енкъа юккъехъ лаьттара, вист ца хуьлуш. Рог1ана б1аьрг кхийтира цуьнан Абубакарх, Товсарих, кхераделла делха дуьйладеллачу эг1азчу берех. Зуда, луйчуьра ца соцуш, т1ехъаьдда, товхи т1ехъ лаьттачу яй т1ера нег1ар схъа а эчна, цунна чухъаьжира, т1аккха кхин а карзахъаьлла хъаьвзира, Абубакарна мерк1ел, и1елг лестош, шен ц1ийндена т1ехъодий, цхъаь дуьйцуш. Стаг вист ца хуьлура. Луйш йолу зуда а, чохъ мел верг а ца гуш санна, цхъана ойланаша гена д1аваьхъна, вехха лаьттира иза. Гуттар карзахъаьлла зуда шен мерк1ел хъаьвзича: «Кхой, кхатын!»¹ – доцца цхъа-ши дош а аьлла, не1арехъа волавелира. Цецъаьлла, шена т1аьхъа хьобжуш, ц1енкъа юккъехъ лаьттачу шен зудчуьнга, юха а вир-зина: «Жур!»² – аьлла, не1арехъа куьг ластийра. Ц1ог1а резайоцуш, ца яьлла, т1аьхъа х1оьттира важа, амма арахъ а, уьш генабовллалц хезаш дара цуьнан лер. «Шеко яц, аьгта да ву х1ара веанарг», – ойла йора Абубакара, – амма д1авахар ма тамашийна дара. Х1инца х1ун дан воллу-те, стенга ваха-те?» Схъахетарехъ, милици яло вахана. Т1аьхъадисина жижиг карадахъ, ма т1епаза войур ву-кх цара. Вайар-м х1ун дара, бераш мацалла лийр ду-кх, чот йобхна хъаьвзира х1ара. Амма, д1а ойла ярх а, схъа ойла ярх а, ва, Дела, аьлла, дан карадог1уш х1ума дацара. Х1инца лай к1ела доьллина жижиг меггах доккхийла а дацара, дахъа меттиг а яцара. Ша хирг хир ду-кх аьлла, болх Деле а белла, ладег1а охъахира Абубакар, цхъа тамашийна каехкаелла.

Дикка хан елира. Де делкѣ а делира, суьйре а тлеера. Цхъа а гучу ца велира. Шозлаглчу дийнахъ а, клиранах, шина клиранах а.

Хаза яьлла йоглур а хлокху шеран бӀаьсте. Хлокху бӀаьста ца дуйгий, тлейоглчу аьха дуйгур дуй, бохуш, наха вовшахкхет-кхеттачахъ дуйцу хабарш а, мелла а лагӀделлера. Къахьега Ӏемина болу нохчий, цхъацанхъа балха а бахана, чохъ Ӏан хлусамаш а йина, валаза висинарг дӀатарвеллера. ХӀан-хӀа, дог-м хъаха ца диллинера нохчаша хьомсарчу Кавказах. БӀе шарахъ кхузахъ Ӏийча а дуьллур а ма дацара. ХӀара нехан, хийра мохк бу. Кхин дахар, кхин Ӏалам, кхин нах, кхин гӀиллакхаш. Ша-дерриг кхечу тайпана ду кхузахъ, ур- аттала, ючуьнан чам а.

«Масо хӀуманых а вулуш хилла-кх, АлхамдуллилахӀ. Адамо ловрдоцуш хӀума ца хилла-кх, баланаш лан Ӏеминчу нохчийн къомо, муххане а. Мацалла а, шело а, цамгарш а лайнехъ а, дийна вусу-кх хан ца кхаьчнарг. Хан кхаьчнарг дӀавовду, хийла дӀабаханарш санна.» Иштта ойланаш а еш вогӀура Абубакар, схъакхетачу маьлхан зӀаьнаршка бӀаьрг а бетташ, шен шича Ӏабдулла волчу ваха ваьлла. Тахана, клирандийнахъ, вовшахкхета бина барт бара кху шиннан.

Юх-юха дагаохура кхуза далийна хьалхара бӀаьсте. Цхъа клира даьлча, ло даша доладелча, ша лайла доьлг-лина жижиг схъа а даьккхина, буьйсанна чу а даьхьна, туьха тесири Абубакара, Ӏабдулла волчуьра кхин а тӀе а деана. Таханий-таханий дӀавуьгу, бохуш, сагатдинехъ а, цунах хене белира кхуьнан доьзал, иштта Ӏабдуллинанаш а. Амма хлокху пхеа шарахъ цхъана дийнахъ а, буса а дагара ца йолура кхунна и буьйса а, цул тӀаьхъа ши-кхо клира даьлча деана цхъа де а.

Цхъана дийнахъ, тахана санна хаза еанчу Ӏуьйранна, арахъ цхъа стомма аьчкан с ара а карийна, иза тӀулган экъанна тӀе а биллина, тӀе жлов етташ, цунах морзах бан гӀерташ воллура Абубакар. «Ассалам алейкум, – цӀеххъана хезира кхунна шен букъ тӀехъа. Цхъа шатайпа, вайнехачех тера доцуш деллачу саламо цецваьккхина, хъала а гӀаьттина, юхахъаьжча гира, говрахъ кетӀа вогӀу тохара Ӏуьйранна шен зудчуьнца веана хилла къонах. ДӀахьожжухеьхъ вевзира кхунна иза.

– Ва Ӏалайкум салам! – аьлла, салам схъайцира Абубакара, говрара воьссина тӀевогӀучу хьешо кховдийна куьг а лоцуш. Бакьду, ларамаза санна, кхунна тӀаьхъа вогӀуш цхъа а вуй-те, аьлла, некъехъа бӀаьрг-м туьйхира хлокхо. Кхин тӀехъахъ цхъа а ца гича, мелла а паргӀатвелира, делахъ а, хӀара хӀунда веана ца хууш, саготта вара.

– Мен баскхарма³, – элира веанчо, кхин а шайн маттахъ цхъа хӀума а олуш, хлокхо бан болийначу морзах тӀе пӀелг а хьежош, хӀара ша дуйцучух кхеташ санна. ХӀара ша дуйцучух ца кхетий хиьна, ша а, мелла а хьовзавелла, сецира, тӀаккха: «Русски знайш?» – аьлла оьрсийн матте велира. «Нимношк знайм», – жоп делира Абубакара. Схъахетарехъ, оцу маттах долу хаарш цхъатерра дара кху шиннан, амма вовшех кхета иза тоьаш дара. «Кузнец?» – хьаттира беречо, хлокхо бечу морзах тӀе юха а пӀелг а хьажош.

– Нимношка кузнец, – велакъежира Абубакар.

– Я присидатил колхоз, айда, айда, кетем⁴», – оьрсийн, казахийн мотт избеш, серлаваьлла, къамеле велира хъаша, говр лаьтгачу, кел арахъа Абубакар дӀа а ийзош. Къамелаш хезна чуьра араелира Товсари. Веана хъаша цунна агушшехъа, вевзира, Абубакар цо дӀаийзош гича, босбаьхьна, йоьхна хъаьвзира.

– Ахъ хӀун до, стаг? – тӀаьхьагӀоьртира хӀара кел арахъахъ, веанчу беречунна тӀехъа говра тӀе хууш Абубакар гина.

– Цхъа гӀуллакх ду боху хлокхо, сагатдан оьшуш дац, аьлла, кех велира Абубакар хьешаца. Юьртан вукха агӀор юьстахо лаьтгачу тишьелла лохочу

глішло тле кхечира цхъана говран ши бере, кхин вовшашка вист ца хуьлуш. Цу глішлона клуьро тарждина пенаш а, кораш а ма гиннехь кхийтира Абубакар хлара пхалгла юй. Разъяьллачу неларна тоьхна догла а даьккхина чохъавелира хлара шиь. Чохъа блаьрг ма туьххинехъа туш дара кху чу стаг ваза дикка хан юй: кхоьс-кхоьссинчахь лаятта хлуманаш, массо хлумана тлехь – чан. Амма, бакьду, пхалглина оьшуш болу тлурс-нуьйжа, варзап, жлов, морзахаш – ша-дерриг а долуш дара, дикачу хьолехь йолу левей а тлехь.

– Тибе как имя? – хьаттира председателя, хлара шиь чу блаьргтоьхна ваьлча.

– Абубакар, – дуьххъара блаьрахъаьжира хлара цунна.

– Мине Кхудайберген, – аьлла куьг кховдийра вукко, – Эта кузница работат будиш?

– Будиш, – кхин ойла ца еш, хаттарна жоп делира, хазахетта, Абубакара, схьакховдийна куьг а лоцуш. Дера, «будиш», ойла йора хлокхо, хлара кхунна дукхадеза глуплакх а хилча, белхан меттиг нислуш а хилча.

Хлара шиь ца воглуш дийцира Кхудайбергена пхалгтлехь болх беш хилла кхузара воккха стаг вала а велла, болх бан стаг воцуш, хлара лаятта пхи-ялх бутт бу, аьлла.

Тлаьхьо хиира Абубакарна «Кхудайберген» бохург, «Дала велларг», бохург дуй. Хила а хиллера иза кхунна Дала велла.

Шолгачу дийнахь балха длавахара Абубакар, шеца гло дан а, болх лamo а воккхаха волу клант Ислам а вуьгуш. Балхара ца веача цаьхь кхунна карийра пирсдатела дайитина деман гали а, туьха а, банки чохь цхъа даьтта а. Оцу дийнахь-буса йина ойла, бина сацам хлокху хене баьллера кхуьнан, кхочушбан аьтту ца болуш. Рицкьанца-м аьтто хиллера кхуьнан хьалха Дела а, шозлагла Кхудайберген а бахъанехь. Воккхавийна а ца волура Абубакар. Пхалгтера болх колхозо лоруш а, нахана члогла оьшуш а хиллера, цо доьзална рицкьа а латтадора. Цхъа-ши шо даьлча клоштахь шоферан дешар а дешна, Ислам а балха вахара, иштта Товсаря а яра колхозан балхахь. Вуьпта, кхунна хеттачу аглор ца нислора-кх кхуо дагалаьцнарг. Амма тахана иза чехк ца даьккхича, и сингаттам даг тлера дла ца баьккхича-м ца болу.

Хьалхарчу дийнахь шавшшимма дийцина ма-хиллара, шега хьожуш лаш волу лабдулла а эчна, кхузара, Абайн цларахчу колхозера, пхи-ялх чаккхарма гена йолчу Кировске даьхнин базара вахара хлара шиь.

...Малх чубуза лахбелла хан яра лабдуллий, Абубакаррий, боккха чламара тайша етт а балош, Кхудайберген лаш волчу керта воглуш.

– Хлей, Кхудайберген! – мохь туьйхира Абубакара, ша юьхь лаяцна балийна етт кертан хьокханах дла а тесна. Дуьхьал вистхуьлуш стаг вацара. Юха а мохь туьйхира Абубакара. Цхъа хан яьлча, «за-а-кь» – аьлла нел херийна, аракьедира председателан нана Райхъанат.

– Цлахь вуй Кхудайберген? – казахийн маттахь хьаттира Абубакара (и мотт хлокху пхеа шарахь шера леминера кхунна. Шайн мотт бийцича хаза а хетара казахашна).

– Цлахь вац, хлун глуплакх дара шун? Неларан тлам дла а ца хьоцуш, мохь туьйхира йоккхачу стага.

– Хлара шун етт ца балош веанера тхойшиь, апа⁵, – керт йолчухъа уьнар йира Абубакара.

Райхъаната, тлам дла а хечна, нел длайиллира, керт йолчухъа длахъаьжира.

– Ойбой, Кхудаййй!⁶ – аьлла, ша лаччахь голаш тле охъаяхара. Тлехъадда, лабдуллас, пхьарс а лаяцна, иза хьалаглаттийра.

Цхъажимма соцунгла хилла, йоглу-уш, метта а еана, Райхъанат аттана тлехъара, цкьа хьалха меллаша цунах куьг лобьтира, ца тешаш санна, юхахъаьжира: «Ванах, хлара глан ду-те? – элира, цкьа атте хьожуш, юха, роьглана, Абубакарей, лабдуллигий хьожуш.

– Х1ан-х1а, г1ан дац, ана. Со а, х1ара етт а, 1абдулла а самах ду, – велавелира Абубакар.

– Ой, пхи шо хьалха байна етт шуна мичахь карабо, муха карабо? – юха ца йоьрзура Райхъанат.

– Оцу рег1ал дехъахь бежаш бар-кх, бевзина схъабалийнера оха, – забар ян г1оьртира 1абдулла.

Абубакара цуьнга б1аьца йира, т1аккха Райхъанате: «Х1ан, апа, х1инца сиха ву тхойшиь. Кхудайберген ц1а веача юхавог1ур ву, – аьлла, кех араволавелира, – валолахь, и цуьнан х1усамнана араялале, иза буьрса стаг ю», – 1абдуллига а олуш.

– Бан а ма бу сан «ч1амар»! Марша ба хьо! Мичахъахула лелаш бара хьо? Малаш-м яхьелла хъан! – бохуш, аьттан корта мара а боьллина, цунна барташ дохуш, хьоьстура йоккхачу стага.

Ах сахьт хир дацара 1абдуллий, Абубакаррий, х1ара волчу чу а веана, ламазаш а дина, парг1атваьлла.

– Х1ой, Абаке! – аьлла, арахь мохь тухуш хезира. Шеко яцара – иза Кхудайберген вара – цо иштта йоккхура Абубакаран ц1е. Х1усамдай, 1абдуллий ший а аравелира.

– Ассаям аллејке-е-м! – шеха салам а делла, говрара воьссина, кех чохъавелира Кхудайберген.

– Ва 1алайкум салам! – салам схъаоьцуш дуюхьалваьлла, куьг а лавьна чохъа озийра иза Абубакарачу г1о вай, Кхудайберген! Цо дуюхьало ца йира. Х1орш чохъа бевлла охъаховшшушехъа долиьра Кхудайбергена: «Деллахъа, Абаке, дийца, баа-м биьнера ахь и сан етт, пхи шо даьлча юха ден муха бина-те ахь иза? Пхьар хилла ца 1аш, бозбунчалла долуш, говза стаг хилла-кх хьо!

– Х1ара а вара хьуна цуьнан декъахь!

– 1абдуллина т1е п1елг а хьажийна, г1адвахана вела-велира Абубакар, цо х1ара г1уллакх забаре даьккхина хазакхетта.

– Иза а ма хаьара суна шера – ши шича вац шуьшиь, т1ехула т1е – нохчий а? – велавелира х1ара а.

– Боккьал а, мичахь карийна шуна оццул тераниг? Сан баба-м боккьал а тешна ю иза хьалха шен хилла етт бу, аьлла! Доккха х1ума дац оццул тераниг нисбалар!

– Кхозлаг1а к1иранде дара охашимма Кировскера бежанийн базар толлу, вистхилира 1абдулла, – хьо-м 1ехалур воций хаьара тхуна, бабига ма-дарра дийцалур дац-кха, аьлла, лелош бахьанаш дар-кха.

– Цхьа х1ума алахъа, Кхудайберген. Оцу дийнахь со д1а ца вуьгуйтуш муха 1авелира хьо? Шера ма хаьара хьуна иза тхан болх буй?!

– Со х1ун нисдан воллура хьо чуволлийтина? Да воцуш хъан доьзал буьсур бара, пхьар воцуш тхан юрт а юьсург хиллера.

– Таханий-таханий д1авига бог1у бохуш, цхьа к1ира-м даьккхира хьуна ас а, х1окху 1абдуллас а. Бакьду, тхойшинга кхаьчна ца 1аш, мацалла к1елбисина дуккха а доьзалш к1елхъара-м бехира хьуна оцу хъан аьтто. Дала саг1а бойла хъан иза! – Кхудайберген, – ойла йина-а д1адолийра 1абдуллас. Х1окху пхеа шарахь лелий охашимма х1ара бала, хьо дикахо мел вевзи, кхин а т1е баз а луш. Лелий, аьтту ца болуш, дицделлий, иштта дуютур долушший ца 1ий. Кьуй дац хьуна тхо, тхан дай а ца хилла кьуй. Хьарам-хъанал кьастош хилла ду хьуна тхо. Мацалла хилла-кх хала. Доьналлех, ийманах вохош хилла цо стаг. Ша-м д1а лийр вара, белларш санна, доьзалан б1аьра хьежа, гуш лаьтташехь, уьш мацалла балийта ду-кх хала. 1абдулла соцунг1а хилира. Шозза-кхузза кьурд бира. – Хьуо кхоьлличу Делан дуюхъа кьинт1ера валахъа тхуна!

– Забарш а йина дуюту х1ума дац х1ара, Кхудайберген, – сихха схъаийцира кьамел Абубакара. – 1абдуллас ма-аллара, х1окху пхе а шарахь х1ара г1уллакх муха д1адолор, муха дерзор ца хууш, хьох эхь хеташ лелла тхойшиь. Хьо

къинтлера ца валахь, хъан хлусамнана а, йоккха стаг а къинтлера ца яккхяхь – вижа каш хир дац-кх тхойшинна.

Кхеран къамелаш ца хезаш санна, ойлане ваьлла Iара хъаша. Гуш дара, цу ойланаша иза генна дIаваьхъна хи- лар. Цъхана ханна, чохь тап-аьлла, тийналла хIоьттира, шина шичин дегнаш чу, гIехь шеко а кхуллуш.

– Тхан ден да вара кIорггера дешна стаг, – бегIийла йоцу тийналла а йохош, къамел долийра Кхудайбергена. – Тхан казахийн дешначу нахана юкъахь шиь-кхоь бен вацара иштта Iеламстаг. Со дукха жима волуш цо дуйцуш хезна ву со: «Вайн махка шайн лаамехь доцуш, генара цъа къам кхочур ду. Халчу хьолехь а хир бу уьш юьхъанца, дукха баларш а хир ду. Варийлаш, цаьрца вон ма хилалаш, мухIажарш олуш берш, хир бу шуна уьш. Цаьрца вон хилларг, царна гIело йинарг дакъзаваьлла ву шуна!» Иштта цо дина и къамел Дала дагадайтира су на оцу дийнахь, оьГаз вахана хиллехь а. Цул гIаьхъа а, цкъа а диц ца дина ас и дешнаш. Цъхана жайни гIехь яздина а ду, олура цо иза. Абаке, Iабдулла! Шун доьзалш хIетахь оцу хьоле кхаччалц мацбалийтаран со а ву бехке. Ца ларавора. Дан хIумма а дацара, шена гIедехкина декхарш цъаболчара кхочуш ца дича. Ша-дерриг дийца а йиш яц. Шуьшиь а вала суна къинтлера. Со къинтлера вели шуна а, кхечарна а. Со санна Дела къинтлера волийла шуна!

– Дела реза хуьлда хъуна, боккха мохь гира баьккхи ахь тхойшинна. Сайн декъана со а вели хъуна къинтлера, ахь бохуш хилча, схьада хъайн куьг, – аьлла, куьг а лаьцна, Кхудайбергенна маракхийтира Iабдулла.

– Дала сийдойла хъан, Дела реза хуьлда хъуна. Тхан доьзалш хIетахь меца бисарна хьо вацара бехке, тхо дохийнарг а хьо вацара. Хьо санна берш кхузахь ца нисбеллехъара дукха буьсур бацара нохчий. Хъайн цIаре хъаьжжина, хила а хилла хьо, «Дала велларг». Тхайншиннан докъазалла нисвелла хиллера оцу буса тхойшиь хъан керта, – маракхийтира Абубакар а.

– Йолчу меттера бен яхъа йиш ма яц! – юха а бегаше велира Кхудайберген, Абубакар къевллина мара а вуллуш.

ГIан гира оцу буса Абубакарна. Хьоме Нохчийчоь. БIаьстенан бес-бесарчу зезагашца лепаш йолу ламана баче. Оцу басехула, байн ког боккхуш, зезагаш лардеш, шовдана тIе воьлуш ву Абубакар. Мелачу мохо гIовталан тIам а ловзош, шовданан вукху агIор, чIогIа векхавелла, дуьхьал а воьлуш ву кхуьнан да Израил...

¹ Кхой, кхатын (каз.) – IадIе, зуда!

² Жур (каз.) – схъайола

³ Мен баскхарма (каз.) – со председатель ву

⁴ Кетем (каз.) – воьду вайшиь, дIадоьлху вай

⁵ Апа (каз.) – баба, йоккха стаг

⁶ Ойбой, Кхудаййй! (каз.) – вай, Дела!

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова**Михаил Лермонтов**

15 октября исполнилось 200 лет со дня рождения русского поэта и писателя Михаила Юрьевича Лермонтова. Прожив неполные 27 лет, он успел создать такие шедевры, которые дали ему право войти в число великих писателей. Около трех десятков поэм, четыре сотни стихотворений, ряд прозаических и драматических произведений стали достоянием русской культуры. Кроме того, Михаил Юрьевич был художником, создавшим более десятка картин маслом, более пятидесяти акварельных работ, свыше трехсот рисунков. Он был одарен удивительной музыкальностью – играл на скрипке, на фортепьяно, пел, сочинял музыку на собственные стихи. Сегодня мы предлагаем читателям еще раз вспомнить его знаменитое стихотворение из «кавказского» цикла. В номере также представлены две статьи, посвященные

творчеству поэта и его рисунки на обложке.

Валерик

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, боже правый,
Вы это знаете давно;

И вам, конечно, все равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном

Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно.
И к этой мысли я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком повеса нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;

Попарно цепь стоит вдали;
 Штыки горят под солнцем юга.
 Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове ходили
 В Чечню, в Аварию, к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам;
 И вижу я неподалеку
 У речки, следуя пророку,
 Мирной тагарин свой намаз
 Творит, не подымая глаз;
 А вот кружком сидят другие.
 Люблю я цвет их желтых лиц,
 Подобный цвету ноговиц,
 Их шапки, рукава худые,
 Их темный и лукавый взор
 И их гортанный разговор.
 Чу – дальний выстрел. Прожужжала
 Шальная пуля... славный звук...
 Вот крик – и снова все вокруг
 Затихло... Но жара уж спала,
 Ведут коней на водопой,
 Зашевелилася пехота;
 Вот проскакал один, другой!
 Шум, говор. Где вторая рота?
 Что, выучить? – что же капитан?
 Повозки выдвигайте живо!
 «Савельич!» – «Ой ли!» –
 «Дай огниво!»
 Подъем ударил барабан –
 Гудит музыка полковая;
 Между колоннами въезжая,
 Звенят орудья. Генерал
 Вперед со свитой поскакал...
 Рассыпались в широком поле,
 Как пчелы, с гиком казаки;
 Уж показались значки
 Там на опушке – два, и боле.
 А вот в чалме один мюрид
 В черкеске красной ездит важно,
 Конь светло-серый весь кипит,
 Он машет, кличет – где отважный?
 Кто выдет с ним на смертный бой!..
 Сейчас, смотрите: в шапке черной
 Казак пустился гребенской;
 Винтовку выхватил проворно,
 Уж близко... выстрел... легкий дым...
 Эй вы, станичники, за ним...
 Что? ранен!.. – Ничего, безделка... –
 И завязалась перестрелка...
 Но в этих сшибах удалых
 Забавы много, толку мало;

Прохладным вечером, бывало,
 Мы любовались на них,
 Без кровожадного волнения,
 Как на трагический балет;
 Зато видал я представленья,
 Каких у вас на сцене нет...

Раз – это было под Гихами –
 Мы проходили темный лес;
 Огнем дыша, пылал над нами
 Лазурно-ясный свод небес.
 Нам был обещан бой жестокий.
 Из гор Ичкерии далекой
 Уже в Чечню на братний зов
 Толпы стекались удалцов.
 Над допотопными лесами
 Мелькали маяки кругом:
 И дым их то вился столпом,
 То расстилался облаками;
 И оживилися леса;
 Скликались дико голоса
 Под их зелеными шатрами.
 Едва лишь выбрался обоз
 В поляну, дело началось;
 Чу! в арьегард орудья просят;
 Вот ружья из кустов выносят,
 Вот тащат за ноги людей
 И кличут громко лекарей;
 А вот и слева, из опушки,
 Вдруг с гиком кинулись на пушки;
 И градом пуль с вершин дерев
 Отряд осыпан. Впереди же
 Все тихо – там между кустов
 Бежал поток. Подходим ближе.
 Пустили несколько гранат;
 Еще подвинулись; молчат;
 Но вот над бревнами завала
 Ружье как будто заблестало;
 Потом мелькнуло шапки две;
 И вновь все спряталось в траве.
 То было грозное молчанье,
 Недолго длилось оно,
 Но в этом странном ожиданье
 Забилось сердце не одно.
 Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
 Что нужды? здешние полки
 Народ испытанный...» В штыки,
 Дружнее!» – раздалось за нами.
 Кровь загорелась в груди!
 Все офицеры впереди...
 Верхом помчался на завалы
 Кто не успел спрыгнуть с коня...
 «Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,

В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной

Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми». «А сколько их дралось примерно
Сегодня?» – «Тысяч до семи». «А много горцы потеряли?»
«Как знать! – зачем вы не считали!»
«Да! будет, – кто-то тут сказал, –
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привлекли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!

1840

Анна Косаревская

Родилась в 1984 году в г. Майкоп, где и проживает по настоящее время. Творческая биография: 2009 г. – лауреат конкурса молодых литераторов г. Майкоп «Созвездие». 2010 г. – участник III совещания молодых писателей Северного Кавказа в п. Домбай. 2012 г. – именная премия Республики Адыгея для людей с ограниченными возможностями в области культуры и искусства. 2014 г. – VII совещание молодых писателей СК в Ингушетии. Публикации: журналы «Вайнах», «Литературная Адыгея», журналы всероссийского общества слепых – «Диалог», «Наша жизнь». Книги – «Сказка о старом доме» (2011 г., издание Адыгейской Республиканской спецбиблиотеки для слепых), «Сказки Белого Ворона» (2014 г., Адыгейское республиканское книжное издательство). По образованию – педагог-психолог, род занятий – общественная деятельность, заместитель председателя местной организации общества слепых г. Майкоп.

Сказки Белого Ворона

Главы из повести

Часть первая**Дудочник**

*Мой флейтист желает
Легких музык смерти...*

Флейта то плачет, то заливается смехом – рыжий клоун на подмостках, хохочущий через боль, через слезы на потребу чванной публике. Звуки ее выют в воздухе, дробясь на осколки нот, падая солью ночи на мой балкон.

Я тебя не вижу, мой анонимный возмутитель спокойствия. Я тебя не знаю. Ты просто музыка, прокрававшаяся в мою душу из неведомого.

Может, ты престарелый лысенький музыкант, несостоявшийся в жизни и изливающий по ночам душу в спящий, равнодушный к боли, город.

Или так: подающий надежды молодой солист оркестра, которого бросила возлюбленная, и лишь печальные трели флейты, спасают тебя от взрыва. Как лопается перекачанный гелием воздушный шарик, так и твое раненое самолюбие рвет тебя на кусочки.

А может, ты девушка, и ты ушла от неудачника-оркестранта. Ни денег, ни перспективы, нечего ловить. И теперь победным маршем плывет музыка свободы по ночному воздуху.

Птицей летят ко мне миноры и мажоры, плетется ткань музыки. То бледные хрипы, глухая тоска. И вдруг все выше и выше, звонче, и уже солнечный ветер гуляет по комнатам, заигрывая со сквозняками. Шелест волн слышится мне, и гул прибора.

Играют где-то рядом, совсем близко. Ночь так тиха, что кажется, будто дурной музыкант, воображив себя Ромео, стоит под окнами моего второго этажа.

Тянет холодком, я стягиваю с кресла плед, укутываюсь хорошенько. Кофе остыл и уже не греет. Теплота сейчас лишь в музыке. Солнце Кубы и лимонная горечь Марокко.

Завтра я спущусь вниз, к бабушкам-кумушкам на лавочку. Они, гордые архивариусы дворовых судеб, знают все. Медленно, рекой семечковой шелухи, плывет перед ними жизнь. Все напоказ – тихая пьянка дворника, скоротечные подростковые романы, свадьбы и похороны.

Уже готова легенда для отвода глаз, жадных до чужих историй. Мне срочно понадобился учитель музыки, такая вот девичья блажь. Лучше из соседей, ведь вечером плохо с транспортом.

А если мой музыкант из пришлых? Загулялся до ночи, опоздал на все, что можно и решил переночевать в первом попавшемся дворе... Уйдет с рассветом, с первыми проснувшимися автобусами, унесет с собой музыку!

И больше никогда...

Мгновения бусинками скользят по нити времени. Их так мало, ничтожно мало. Секунды становятся прошлым, покидают меня.

Не хочу и не могу терять настоящее. Рывком поднимаю себя, нашариваю в темноте прихожей домашние шлепанцы и как была, в халате, белым призраком вылетаю в дворовый колодец.

Как крыса, иду на зов волшебной дудочки. Я его не вижу, но уже знаю.

Двор пуст и неприкаян. Он дремлет, сбросив с себя дневной гомон, подобный большому тихому животному.

Фонарь над подъездом потушен, иду по памяти, выстраивая в голове картинку. Здесь вишневое дерево, за ним лавочка, дальше должна стоять беседка, где и сидит мой флейтист.

Вдруг музыка прерывается. Только сейчас была, пели заморские птицы, и нет ее уже.

Я стою во тьме и тишине – оглохшая, ослепленная накатившей безмолвной ночью.

Шорох гравия. Легкие, плавные шаги за моей спиной.

– Я тебя слышу, – говорю я.

– Я ждал, – слышится в ответ. У него хрипловатый, с теплым тембром голос. Совсем не похоже на флейту, скорее нижние ноты саксофона.

– Кто ты?

– Сказочный крысолов, выманивающий девушек из теплой постели. Впрочем, я знаю, что ты все равно не спала.

Я не вижу его лица, но это не имеет значения. Есть голос, звучащий теперь вместо музыки. И это хорошо, ведь недосказанность флейты заменили простые и ясные слова.

Он подходит ближе, я уже чувствую его теплое дыхание. Делаю шаг вперед. Не хочу пока, чтоб он прикоснулся, растягиваю сладкую истому тайны.

– Ты меня знаешь, – говорит он уверенно. – Я скоморох, дудочник, паяц. Я был всегда рядом с тобой.

– Хочу тебя увидеть!

– Для этого нужно немного – подняться на второй этаж, отпереть дверь и поставить на плиту чайник. Все очень просто.

Он смеется, затем оказывается передо мной и берет за руку. Уже знакомая теплота окутывает меня.

Теперь все равно, кто он – бомж, альфонс или загулявший ночной кутила. Все встало на свои места, будто так и надо.

Под тусклой лампочкой на площадке первого этажа я украдкой смотрю на него. Мельком, будто случайно, чтобы не нарушить правила игры. Невысокий, худой, одет прилично. Белая рубашка, джинсы. Ничего примечательного.

И уже в дверном проеме наталкиваюсь на взгляд. Глаза цвета прозрачного, с голубизной, льда. И вдруг чувствую этот лед в себе, будто с маху прыгнула в зимнюю прорубь.

Меня начинает колотить, внутри рождается крик и замирает на губах. Выпустить его – значит натравить на себя соседей, их назойливое внимание. Вот, мол привела к себе мужика, а теперь скандалит, спать не дает нормальным людям.

Я молча пропускаю его вперед себя в квартиру, поворачиваю ключ в замке, вешаю на гвоздь над дверью.

– Ты кто? – спрашиваю я.

– Не все условия выполнены, забыла последнее.

Иду на кухню, журчит вода в кране, гремит металлическая крышка чайника. Это тоже музыка, только другая, кухонно-будничная.

Он смотрит на меня пристально, смутные очертания порога тайны видятся в его глазах.

– Ты меня знаешь, – повторяет он. – Ты всегда была упрямой и не хотела знать очевидного. Хотя... я бы не выжил без этого тогда, на берегу. Вспоминай, моя девочка.

Я смотрю на ровный желто-голубой огонек под доньшком чайника и вижу другое пламя. Белый кафель над плитой меняет фактуру, становится прозрачнее, сглаживаются уголки квадратов...

Костер – живой, стреляющий языками пламени – жжет мне руки. Оранжевые струйки на белом снегу – и снег растекается водой, медленно умирая под натиском огненной пляски!

Позже я попрошу Друга нарисовать это, даже принесу ему рыжей глины с речного берега. Он разведет ее звериной кровью, возьмет кисточку с хвоста дикой козы и будет творить – так долго, что позабудет про сон и еду. Большой белый камень покроется красноватыми узорами – охотники, стерегущие жертву, олени, костер... женская фигура, склонившаяся над ним. И Город в облаках – манящий, недоступный, потерянный навсегда.

Мне рассказывал про него Нойда – полусумасшедший старик. Он редко кого подпускал к себе, меня же привечал с детства, гладил по головке, подкармливал. Некоторое время, после гибели родителей, я даже жила у него. Потом, когда появился Друг, нам понадобилась отдельная землянка.

Я нашла его на берегу – белое, цвета снега лицо, небесные глаза под ледяными веками. Он лежал ничком, голый, окровавленный, губы его шевелились – то ли зов, то ли молитва.

– Ты кто? – чужих надо бояться, так меня учили с детства. Чужие – беда, за одним придут сотни и съедят наше мясо, заберут женщин, а мужчин перебьют.

Но найденыш мой был без памяти, и что-то лопотал безумными губами... Потом, уже поправившись, он сказал свое имя – длинное, сложное. Чужое... Так и остался он для меня просто Другом!

А тогда... Он приоткрыл глаза – два ледяных осколка. И лед этот, прозрачный, с самых высоких гор, вдруг пророс в мое нутро. Меня начал бить озноб, с ним пришла боль, раздирающая тело. Поняла сразу – его боль, его смерть пришла ко мне и живет теперь внутри, и не уйдет. На двоих одна теперь – смерть, и жизнь тоже одна.

Как волокла его к селению – не помню... Только смерть смеялась внутри меня, и весело звенели ее браслеты из детских косточек.

Старик увидел нас издали, замахал руками призывно. Высокий, сухой, как сосна, стоял он на обрыве над рекой.

Найденыш мой приоткрыл глаза – уже не лед, но мутная слюда под веками. Сказал слово на чужом языке. Старик понял, ответил кивком головы:

– У него спина перебитая, не жилец.

– Врешь, старик, – я закашлялась, сплюнула сгустками крови.

– Ты зачем это сделала, девка? – И его не вытащишь, и сама в землю уйдешь!

– Что сделала? – я никак не могла понять, о чем он... бредни... да и все равно, только бы не подпустить ближе, отпугнуть смерть – хохочущую, танцующую на хрустящих осколках черепов...

Я открываю глаза. Чайник клубится белым паром, мой музыкант сидит лицом к окну и рассматривает ночь в упор.

– Я тогда умер. Пуговина порвалась, понимаешь?

– Ты же сам ушел из Города, вот и возмездие. Нечего вам делать в этом мире. Не выживаете...

Память о давней жизни среди северных снегов начала возвращаться, и с ней вернулась боль. Там, в белой бесконечности, таяла цепочка следов моих. Там начиналась моя любовь, вернувшаяся нынешней ночью.

Друг достал из кармана рубашки флейту, начал высвистывать незатейливый мотивчик.

Старик долго выхаживал его, только по весне – чахлой, холодной, начал мой найденыш подниматься с постели. Выползал по стеночке на порог землянки, брал в руки костяную дудочку. На ее звук слетались птицы, свистом разгоняя остатки зимней хмари.

Я садилась рядом, слушала и мечтала о том времени, когда он будет играть лишь для меня. Странная ниточка связала нас – то, что проснулось во мне на берегу, росло, подобное младенцу в чреве матери.

Кашель – глухой, утробный, остался со мной навсегда. Это было мое жертвоприношение, часть сделки со смертью, оставившей его мне.

К лету он совсем окреп, мы переселились в отдельное жилище. Не было между нами особых разговоров, все было просто и легко. Он рыбачил и ходил бить зверя вместе с нашими мужчинами. Я стряпала, убирала в доме, чинила сети...

А потом он ушел. Сказал только:

– Нельзя мне сидеть на одном месте. Попробую вернуться в Город, если не получится – приду к тебе.

– Возьми меня с собой, – только и могла вымолвить я.

– Нет, не для тебя наш мир. Не растет северная ягода на юге.

Старик лишь хмыкнул, не сказал ничего. Дождь северного сияния, выгасил меня на пригорок. Ткнул пальцем в складчатые занавеси света:

– Гляди внимательно.

Небеса мерцали красным, зеленым, синим. Многоцветье выгнулось радугой, обрвавав ворота – будто вход в жилище богов.

– Теперь иди прямо туда, попробуй, – велел колдун.

Я сделала шаг, еще один, потом побежала. Все быстрее, пока видно Врата. На десятом шаге споткнулась об упругую преграду, упала на землю. Поняла все, и заплакала горькими слезами.

– Не быть вам вместе, он из другого теста слеплен, вот и весь сказ, – утешал меня старик.

Друг мой не вернулся, я с горя упросила Нойду взять меня в ученицы. Растирала ему травы, училась потихоньку наговорам и шепоткам...

После... через несколько лет память обрывается, бережет меня от неизлечимой раны в сердце.

Теперь он сидел рядом, живой и теплый. Можно было дотянуться рукой, дотронуться губами!

– Та старая легенда из Гаммельна... Это ведь ты увел детей из города? Пестрый дудочник, ну конечно же!

– Хранители не пустили меня в город, – он грустно улыбнулся. – отправили обратно в ваш мир. О, будешь ты светочем, негасимым факелом нести людям истину! Банальные, затертые слова, означающие лишь то, что я был навсегда испорчен земной реальностью. Она уже крепко пустила в меня корни, приковала к вашему лживому, погрязшему в пороке миру.

Ночь стекала черной смолой по оконным стеклам. Через несколько часов город проснется, забудет жизнь человечья скоротечная, оживет дневной муравейник людской.

– Я и нес... Старался, как мог! Сначала крысы, после – дети. Кстати, одна крыса – белая с черным хвостом, увязалась за мной до ворот Города.

Проскользнула потаенными крысиными ходами мимо хранителей, прижилась. Мудрое было животное, но у нее своя история.

– Зачем же было трогать детей? Ты надеялся вернуться с их помощью?

– Думаешь, это было один раз? Хранители регулярно устраивают такие акции. Свежая кровь, что должна влиться в их мудрое, но редуемое стадо. Только не все дети выживают – не климат. Порядок и покой, навечно скованные по рукам и ногам своей косностью жители. Детям воля нужна, простор.

– Ты поэтому меня оставил на земле? Боялся, что зачахну от тоски в твоём идеальном мире?

Он не ответил. Подошел к окну, распахнул его настезь, свистнул в темноту.

Раздался шорох, белая птица села на подоконнике. Скосила на меня карий глаз.

Ворон – белоснежный, с синеватыми отблесками ночи на крыльях топтался на моем подоконнике. Глаза разные, один цвета еловой смолы, другой – синий, подобный спокойному морю.

– Карр, – сказала птица и перебралась на стол, подбирать остатки печенья из вазочки.

– И тебе здравствуй! – только и могла вымолвить я.

Друг погладил птицу по белой спине, почесал шейку. Та подставила бочок, по-кошачьи млея от ласки.

– Притворяется, это он умеет хорошо. Когда привыкнет, будет болтать без умолку, как попугай капитана Флинта!

– Он что, говорящий?

– Самый что ни на есть волшебный мудрый птиц! Это он меня позвал тогда в дорогу. Хватит, мол, штаны просиживать на печке. Хотя нет, печки у нас с тобой не было. Лишь очаг – живой огонь, домашнее тепло.

Птица посмотрела на меня изучающе, изрекла:

– Запертый сад – сестра моя, невеста, запечатанный источник. Поднимись, ветер, с севера, и принеси с юга, повеи на сад мой, - и польются ароматы его!

После этого ворон вспорхнул на кухонный шкаф, повозился там, сунул голову под крыло и заснул.

Друг засмеялся:

– Спасибо, что не на древнееврейском! Это он тебе цитировал свадебную песнь Царя Соломона к возлюбленной. Старый шельмец!

– Значит, я ему понравилась?

– К черту этого циника! – Друг обнял меня, задышал в ухо. – Ты моя музыка, мои литавры и свирели, мой тайный сад. Как же я искал тебя, так долго, что потерялся сам в глуши веков.

– Зачем же уходил? – Забытое тепло разлилось по телу, он играл на мне, как на дудочке, творя музыку любви.

– Прости меня! Я обещал вернуться, и сдержал слово. Я честный скоморох!

– Тогда будет тебе наказание за грехи. Плата высока!

– Чего же потребует прекрасная дама?

Он опустился на одно колено, подобно средневековым рыцарям, и теперь глядел на меня снизу вверх.

– Все просто. Возьми меня с собой.

– Такая малость? У меня нет дома, нет постоянного пристанища, еще и куча обязанностей перед начальством. Да белый пернатый дуралей в придачу.

Птица на шкафу зашуршала перьями:

– А кар-рамельки я люблю лимонные. От ванильных несварение желудка.

Утром по дороге, ведущей из города, шла молодая пара. Мужчина наигрывал что-то на флейте, на плече у девушки сидела белая птица. Иногда они останавливались, брались за руки, шептались тихо.

Двое полицейских, что дежурили в тот день на трассе, переглянулись молча при виде парочки, понимающе кивнули.

Лишь когда влюбленные скрылись за поворотом, один сказал другому:
 – Ну что, нашел-таки наш дудочник свою милую?
 – На то мы и Хранители, чтоб помогать подобным дурням. А в Город он все-таки вернется, спорим на сто баксов...

Часть вторая

Утренний Ангел

Я никого не звал с собой в дорогу,
 Но души тех, кто рвется в гости к богу,
 Поют и плачут за моей спиной,
 И в этом плаче – тихий голос твой.

Я – обрученный с тьмой, я обречен
 Гореть и плавиться могильною свечой
 Всем тем, кого дерзнул дыханьем опалить.
 Ты ж – птица-лебедь. Птице – гнезда вить!

Так не спеши со мной на дно колодца.
 Пусть эхо манит, дразнит и смеется,
 Запутавшись в бетонных стенах гулких.
 Тебе, мой друг, в другие переулки...

1

Мне снилась темнота. Покой и темнота – странная, до жути прозрачная. Сквозь нее виднелся коридор, полный теней.

Мужчины, женщины, дети. Глаза их мутны, как стоячая вода; так болото поглощает ручьевую песню, растворяет в себе текучую живую радость... И среди этого множества неподвижных зрачков вдруг – один взгляд... Призрачная толпа расплывается, ее уже нет, и в расфокусированном пространстве остается мне лишь это лицо! Слепок, слайд, черно-белое полароидное созвучие теней. Не живое, не мертвое – ирреальное зовущее нечто!

– Ты кто? – спрашиваю я.

В ответ – улыбка, сгусток света, вспышка. И он – а в том, что существо это, или тень неведущая, мужского пола, нет сомнения – он удаляется обратно в серую массу мертвых глаз.

– Постой! – не голосом, ибо здесь нет звуков, но мыслью зову его обратно.

Он оборачивается, снова улыбка: « Я вернусь », и я просыпаюсь.

Кто звал меня, для чего? Так хочется проникнуть в это лицо, слиться с ним. Душа моя осталась в сонном мареве, заблудилась в туманных лабиринтах...

Утро встречает солнечными брызгами, расцеловывает в обе щеки, стирая отпечатки ночи... Конец августа, прощальные теплые деньки.

Протирая сонные глаза, плетусь на кухню, варю себе кофе по-турецки. Старые, бабушкины еще ходики показывают семь утра. Через час – на работу.

Выглядываю с балкона на улицу – поток машин, горожане, спешащие на работу – все знакомо, привычно. Утренние бабульки, выгуливающие своих болонок и датских догов. Ученики с сумками, битком набитыми книгами...

Мир так прост, он до безумия схематичен, все движется в ритме, заданном кем-то неведомым много веков назад. Все мы ходим на ниточках долга – перед семьей, начальством, своими же собаками и попугайчиками...

И я вспоминаю... Знаю ведь этот взгляд, видела уже!

– Да не гадают посреди лета, на Святки только!

– Ничего, все равно не сбывается, забавы ради можно! – отвечала мне подруга.

Дождавшись позднего вечера, стояли мы по очереди со свечой против моего зеркала – старинного, с облупившейся золоченой рамой.

Что видела подруга – не знаю. «Говорить нельзя, а то не сбудется».

Я же долго всматривалась в дрожащее отражение свечи, и постепенно в призрачном огоньке возник город. Башенки, колокольни, близкий морской берег. Зеркальный экран пересекла птичья тень. Потом изображение укрупнилось, будто неведомый оператор накручивал слайдеры.

Стайка котов, лениво греющихся на солнышке. Все почему-то рыжие, цвета свечного пламени. К ним подходит парень – высокий, тонкий, лица не разобрать. Оборачивается, смотрит на меня – зазеркальную, отгороженную от его мира. Успеваю поймать лишь взгляд – просящий, зовущий к себе, в теплое ленивое царство грезы.

Экран схлопывается, сворачивается в одну точку и та медленно гаснет. Вот и все, остался суженый-ряженный в своем андерсеновском городке.

Я тушу свечу, электрический свет больно бьет по глазам. Выпроваживаю подругу и спокойно ложусь спать. Все равно не сбудется, что уж тут...

Было это месяц назад. Я благополучно забыла о странном видении. Но этой ночью, видимо, природа взяла верх и мой бедный, измученный одиночеством организм подал предупредительный сигнал.

Весь день меня мучила смертельная, тоскливая пустота внутри. Ожидание чего-то несбыточного, несуществующего, по всем законам мироздания даже не имеющего права на жизнь. И душа-бабочка свернулась в тугой кокон, окуклилась, засыпая до лучших времен... до ночи!

Он появился вновь. Теперь он стоял передо мной силуэтом, прозрачным контуром. Протянула руку – не дотронешься, зыбкий, как призрак.

– Ты привидение? – спросила-подумала я.

– Нет, я не умер.

– Если живой, почему я не могу прикоснуться к тебе?

– Узнаешь, если захочешь. Еще рано, время не пришло.

– Когда придет? – удержать, не отпустить это ликующее счастье. – Постой, не уходи, побудь со мной...

Он не ответил, снова растворившись в бестелесной толпе.

Всю ночь я проворочалась без сна, заснула лишь под утро. Благо, впереди выходные, есть возможность выспаться. Валяться до полудня, потом неспешно позавтракать, посидеть на лавочке в сквере. Да мало ли радостей сулит свободный от работы денек!

Но эти видения! Не пора ли обратиться к психиатру, проверится на наличие какой-либо вариации шизофрении? Или просто гормоны бесятся, и надо срочно устраивать личную жизнь, дабы не являлись по ночам призрачные мужики...

Все случилось ближе к полудню, когда я, еще сонная, подошла к зеркалу и провела щеткой по волосам, завязывая их в хвост.

Гладкое стекло в антикварной раме пошло рябью, потом замерцало серебряными искрами, показало знакомую улыбку.

Застеколье, зазеркалье, фата-моргана...

– Ты звала меня, и вот... – он, казалось был смущен. Лица не видно, по мимике не определишь.

Я приложила ладонь к скользкой, плотной поверхности. Нет, он оставался за тонкой стенкой междумирья. Но его руки тоже приникли к стеклу, и я почувствовала прохладное прикосновение – будто доверчивая птица села на ладошку.

– Ты глюк, да? – жмурясь от счастья, спросила я.

– Да, твоя личная, персональная галлюцинация, утреннее видение, недосон. А теперь присаживайся удобнее и слушай мою историю.

Но я так и стояла, не отнимая рук от стекла, боясь, что видение исчезнет, растворится в обыденном.

Кто-то из пророков говорил, что за любовь отвечает ангел. Свой – у каждой пары. Что происходит с этим ангелом, когда любовь проходит, не знает никто...

Темнота... Маслянистая, вязкая, окутывающая своей мертвенностью всех, кто имел несчастье очутиться в ней. Не ад и не рай. Просто ничто, служащее пристанищем для теней, бывших когда-то ангелами. Обезличенные, обесточенные ныне, несут они свое наказание за разбитые людские сердца, за нерожденных детей, за свет, покинувший этот мир.

Ангелы любви... В той, другой жизни они хранили союз двоих, теплили лампаду продолжения человеческого рода. И не было на свете ничего важнее этого служения. Только люди глупы и не слышат шелеста серебряных крыл и шепота мирового эфира. Так легко разрушить любовь – всего лишь несколько слов способны навсегда погубить ангела, обречь его на вечную, безвременную ссылку. И планета становится такой огромной для двоих, разбежавшихся по разным ее сторонам. И мечется в агонии бесплотный дух, пытаюсь взлететь ввысь на несуществующих уже крыльях. И лишь яркие картинки несбывшегося счастья остаются от истории любви...

Теперь я знала, кто он – тот, чей взгляд ловит меня, окутывает тугой арканной петлей.

– Возьми меня к себе, прошу!

– Я не имею права удерживать тебя рядом. Я черен, я нарушил законы и нет мне прощения!

– Можно искупить... Я сделаю, я все сделаю за тебя, сама, только подскажи – как?

– Нет, невозможно... – и он отходит от зеркала, сливается с бликующими зазеркальными кроватью, обоями, занавесками. Миг – и нет его, и вновь я остаюсь одна.

Плакала я долго. Когда солнце за окном начало меркнуть, и небо приобрело багровый закатный оттенок, слезы закончились.

Я умылась, одела парадную маечку и уверенной походкой подошла к зеркалу. Накрасила губы. Зеркало молчало – мертвое, материальное, как и не было ничего.

– Эй, ты меня слышишь? – мыслью-лучом я толкнулась вглубь отражения квартиры.

– Я здесь, с тобой, – зазеркалье вновь ожило, задышало серебристым счастьем...

Так я начала жить в двух мирах.

2

Тускло мерцают лампочки приборов, сполохами озаряя комнату. Стеллажи, заполненные документами, выстроились вдоль тусклых серо-бежевых стен. Окон нет, их в подвальном помещении офиса заменяют лампы дневного света, ввинченные в гипсокартон потолка.

Двое сидят у экрана – брюнетка, чье кислое выражение лица означает одновременно скуку, усталость и омерзение к собственной работе, и человек средних лет в мятом пиджаке. В пальцах он вертит обгрызенную шариковую ручку, время от времени делая пометки на листе бумаги перед собой.

– Нет, Анжелика Владимировна, и не спорьте – компьютер гораздо лучше, чем чан с заговоренной водой, или, упаси Господи, говорящее зеркало мачехи Белоснежки.

– Зеркала вообще вещь загадочная, плохо поддающаяся логическому анализу. Магические свойства их... Да что рассказывать, лучше обратитесь к Натану Израилевичу, что заведует архивами. Он вам прочтет курс лекций по влиянию зеркал на мировую историю. Загадочные исчезновения, баловство правителей с зеркальными порталами и прочее...

– Не отвлекайтесь, коллега. Итак, наш объект – Екатерина Воронцова, двадцати четырех лет. В детстве потеряла родителей, воспитывалась у тетки. Сейчас снимает однокомнатную квартиру в спальном районе, не замужем. Был жених, ушел к другой. Девушка работает в салоне для новобрачных продавцом-консультантом. Мелкая, бесперспективная контора – низкая зарплата, никакого карьерного роста.

– Стандартная девица, коих ходит по земле тысячи тысяч. Однако, чем-то она его зацепила. Ниточка судьбы уходит далеко в будущее, трудно просчитать вероятности.

Человечек нажал клавишу, белая точка на темной плоскости монитора расплзлась паутиной.

– Видите, – он ткнул в переплетение линий пальцем, – сплошные вариации. Как в старой сказке – налево пойдешь – коня потеряешь, направо – любовь великую обретешь. А так как терять ей особенно нечего, то...

– В общем, важен каждый шаг. Я уже распорядилась о постоянной слежке за объектом. Это в наших интересах, ведь из девочки многое можно выжать, – брюнетка довольно улыбнулась, потянувшись, хрустнув суставами.

– Сволочная у нас, однако, работа. Живые души, человеческие судьбы – всего лишь, как вы, Анжелочка, выразились – объекты. Совесть моя кричит и плачет под гнетом должностных обязанностей...

Он привстал, взял со стеллажа папку, плюхнулся обратно в продавленное кресло.

Из папки на стол легли фотографии. На одной крупным планом – девичье лицо. Синие глаза, курносый нос, русые хвостики, прихваченные заколками-бабочками. На других она в профиль, в обнимку с темноволосым парнем, с подругами за столиком в кафе, одна среди манекенов в белых кружевах...

– Это мальчикам в техотдел, пусть закинут в систему наблюдения, – властно распоряжается брюнетка. – Поехали дальше... Где у нас отчет по делу номер три тысячи восемьсот четырнадцать?

Человечек устало вздыхает и тянется за очередной папкой...

3

Зеркало мое – заколдованное, заговоренное, – долго шло ко мне. Через гримерную старого театра, где оно отражало взлеты, падения, интриги, разбитые судьбы и счастливые финалы. Через руки старьевщиков и перекупщиков. В конце концов оно попало в элитный салон красоты, где не прижилось из-за мутных пятен и привычки полнить лица клиенток. Мне его отдали за символическую плату.

– Оно же кривое, зачем тебе такое барахло? – спрашивала подруга, работавшая там маникюршей.

Не любила она его... Может, взглянув в него однажды, испугалась увиденного? Вот и сейчас, придя ко мне в гости, упорно отводила глаза от блестящей в солнечном свете овальной глади.

– Продала бы ты его, а? Это ведь антиквариат, дорогая вещь! Тебе досталось задешево, потому что хозяйка наша в этом не разбирается. Хочешь – адресок дам, куда обратиться?

Не объяснишь ей всего, не расскажешь про странную мою связь с этим зеркалом...

– Я там, кажется, даже надпись какую-то видела. На обратной стороне. Давай проверим!

И твердым шагом подруга направилась в спальню – убеждаться в ценности зеркала и пользе, которую оно может принести моему бюджету. Пусть... все равно я с ним не расстанусь, какие бы силы – темные ли, светлые не жили в нем.

– Только осторожно, там гвоздик... – но уже звенело и плакало, уже подруга моя рассматривала десятки своих отражений в маленьких осколочках, лежавших на полу.

– Ну вот! – лицо ее сморщилось в гримасе, она пыталась улыбаться. – Шатался гвоздик, да?

Зеркало, как живое существо, агонизировало. Сущность вытекала из него по капельке, растворялась в предвечерней городской прохладе.

– Ты убила его!

Подруга моя тут же понеслась на кухню за веником:

Ну не плачь, я тебе другое подарю!

Она суетливо собирала осколки в мусорный пакет. Не было сил остановить ее – да и зачем? Не склеишь теперь кусочки в одно... как и мою глупую жизнь. Другие зеркала – они мертвые, наглухо закрытые, не пускают внутрь. Я ведь проверяла уже... чтобы убедиться в своей психической полноценности.

Подруга быстренько убежала, прихватив с собой кулек с остатками зеркала.

– Ну созвонимся еще, пока! – замок на входной двери мягко чмокнул, выпуская гостью.

Я сидела на полу, нянча в ладонях закатившийся под кровать, пропущенный ею осколок. Крохотный, размером с монетку.

Он не отвечал мне. Маленькая уснувшая рыбка с потускневшей чешуёй. Капелька крови на нем – видно, подруга даже не заметила, что порезалась... Или это ЕГО кровь? Если зеркала больше нет – может и он, мой Ангел, перестал существовать?

Ночь была глухая, черная, без сновидений. Не было ни теней в туманном лабиринте, ни знакомой, родной уже теперь улыбки.

4

Начало осени, зелень деревьев уже разбавлена бронзовыми пятнами. Скоро выпадет снег, и земля успокоится под дремотной белой россыпью до весны.

Анжела смотрела в окно, в пальцах ее дымилась ментоловая сигарета. В окне – люди, машины, собаки...

Утренний автобус... Лица – сонные, еще не вынырнувшие из сладких ночных грез, где можно быть с теми, кого любишь, где нет режущих душу и тело рамок реального мира. Человеческие ручки вытекают из дверей общественного транспорта и разливаются по улицам, движимые стремлением заработать себе на еду и маленькие удовольствия.

Вечер... Те же люди – тетки с сумками, мужички подшофе, успевшие перехватить дозу по пути с работы домой. Глаза потухшие, безжизненные, примирившиеся с вечным броуновским движением.

Была ты, Анжелика Владимировна – давно, сама уже и не помнишь когда, хохотушкой с золотыми бликами в волосах. Носила белые платья с лебедиными рукавами. Солнце отражалось в глазах твоих, светлокосая дева-птица. А потом ты умерла и воскресла ангелом порядка.

Тик-так, тик-так – на стене часы. Несколько циферблатов, разные часовые пояса. Тикают часики несинхронно, вразнобой. Была ты человеком, стала ангелом с человеческой душой. Сбился механизм, не в так движутся колесики внутри...

Нет на земле мастеров, способных починить твою судьбу, несчастная ангелица.

Вдыхай-выдыхай горький дым, забывай прошлое. Думай лишь о работе, о деле сбившегося с пути праведного подчиненного!

Анжела затушила сигарету о спину нефритовой черепахи-пепельницы – подарок китайского отделения, благодарность за спасение видного чиновника из поднебесной. Глубоко вдавила белую кнопку на столе, рывкнула начальственным голосом:

– Васнецов, зайди ко мне!

– Да, Анжелочка, уже поднимаюсь... – покорно согласился голос в динамике.

Анжела вновь подошла к окну, глянула вниз. По улице, под строгим надзором воспитателей, парами шли детсадовцы. Сколько из них станут наркоманами, уголовниками... Это так легко – видеть судьбу!

У одной из воспитательниц – онкология в начальной стадии. Обнаружат поздно, спасти не удастся. Как много ей осталось – полгода, чуть больше?

Несчастные людишки, как скоротечна ваша жизнь, как бессмысленна. И ведь сами идете в дьявольские сети, никто не неволит вас.

Робкий стук в дверь, на пороге возникает Васнецов. Как обычно – мятый, жухлый. Серый пиджак висит на нем кульком, галстук съехал набок.

– Чего изволите, Анжелочка, – голос его подчиненно-сладок.

– Изволю организовать тебе выездную работу, милый!

5

В моем телефоне живет оркестр. Сонм призрачных музыкантов – флейтистов, барабанщиков, трубачей и бас-гитаристов. Время от времени они просыпаются, расчехляют инструменты и удивляют меня и мир песенкой, оповещая о необходимости разговора с кем-то – нужным ли или совершенно тебе безразличным. Им все равно, лишь бы был повод сыграть!

На этот раз номер был незнакомый. Мужской голос, усталый, с табачной хрипотцой.

– Нам необходимо увидеться. Срочно.

– А вы, собственно, кто?

– Я из управления. Подробности при встрече. Приду к Вам в салон, сегодня после обеда.

Коротко и мерзко. Монотонный бюрократический монолог. Единственное учреждение, которое хотя бы косвенно имело отношение к моей работе, называлось ЗАГС. С налоговой полицией хозяева свадебного салона, в котором я работала, дружили и даже ходили к ней на чай с коньяком.

Он явился ближе к закрытию. Маленький, невзрачный, в сером костюм-тройке в мелкую рябину. Серенькие прилизанные волосы, глаза за стеклами в желтой оправе. Одно слово – типичный чиновник мелкой руки.

Махнул передо мною удостоверением с подпывшей печатью, ничего разобрать я не успела.

– Вы лучше с хозяевами поговорите, ко мне какие вопросы. Я лишь скромный продавец-консультант, распорядитель чужого счастья.

– А своего так и не нашли, мадмуазель? Торгуете тряпками и цветочками, впариваете барахло несчастным, что через год разбегутся искать новую любовь среди вечного хаоса вселенной?

– А вы, оказывается философ!

– Работа такая, девушка, вас бы на мое место... – он тяжело вздохнул. – Впрочем, к делу. Я пришел именно к вам, а не к вашим хозяевам, все равно эта шарага закроется через полгода. Переходите на другую работу. Пончиками торговать. Например.

– Я не хочу пончиками, – дядька начинал меня нервировать. Лезет не в свое дело, мутный какой-то. – Выкладывайте, кто вы и откуда.

– Из Управления, я же объяснил. Мадмуазель, вы связались не с тем мужчиной, если его можно вообще назвать мужчиной. У него даже имени нет, лишь табельный номер. Как у больничной мебели. Вот смех – такая красавица – и влюбилась в крашеную серебрянкой старую койку.

Личико его кривилось в улыбке, лапки азартно жестикулировали. Видимо, удачная метафора должна была произвести на меня незабываемое впечатление. Не произвела.

– А вы знаете, милая, за что он наказан? Нет, конечно же, он не посмел вам рассказать, боясь Вас отпугнуть своим грехом.

Я поняла, я все поняла теперь. Мой ангел, мой возлюбленный... Эта мразь из тех, кто обрек его на вечную ссылку!

– Не смейте так говорить о нем, вы его не знаете, вы не вправе...

Он прервал меня резким жестом, вытащил еще раз корочку, синюю с золотым гербом – меч и крылья. Внутри было все стандартно – фотография с уголком, круглая печать, подписи, название конторы. Управление по борьбе с ангельскими правонарушениями. Старший инспектор Васнецов.

– Если вы оттуда, то где крылья?

– Мадмуазель, а как бы я шел по улице в том облике, который шаблоном въелся в человеческие мозги? Двух метров росту, в белом хитоне и с нежными перьями за спиной! – чиновник игриво хихикнул. – Это все конструктор, внешний вид зависит от выполняемой миссии. Сейчас я выполняю довольно неприятную работу, вот и нарядился соответственно. На бандитские стрелки приезжаю на байке, в косухе, правильный пацан. Но к делу...

Я вцепилась в него мертвой хваткой. Осколки зеркала шевелились внутри, я чувствовала их острые края, что по капле выдавливали из меня жизнь.

– Где он, он жив? Скажите, вы же все знаете, куда его запрятали теперь?

– Спокойно, милая, не плачьте, вам платочек дать? – Васнецов выудил из жилетного кармана белую тряпицу.

– Идите вы знаете куда...

– Грубо и девушкам не пристало, ну да ладно. Теперь сиди и слушай, очень внимательно. Твой любимый закрутил роман со своей подопечной, а потом убил ее. Вернее, довел до самоубийства. Несчастная выбросилась из окна. Мечтала летать с ним над облаками. У вас другая структура, другое предназначение, не для того мамка ягодку растила. Мать-природа... да!

– Зачем вы пришли ко мне? Чтобы наговорить гадостей и уйти восвояси, или...

– Вот именно, хорошая моя, то самое или! Совет старейшин, назовем его так, принял решение временно выпустить твоего любимого в этот грязный материальный мир. В человеческом теле. Ему дан шанс на искупление. Вспомни средневековый закон – девственница своей любовью может спасти преступника. Он, правда плохо работал, девы все больше предпочитали бряцающих железными чреслами рыцарей. Вот так-то, мадмуазель. Подробности он тебе расскажет сам. Если, конечно, ты его примешь после всего услышанного.

Васнецов грациозно поклонился, сделал реверанс и исчез в дверном проеме. На миг мне почудилось сияние над его затылком и тень огромных крыльев за рябой пиджачной спиной. Я бросилась за ним, но старший инспектор уже растворился в серой толпе, как и не было его. Мне остались лишь несбыточные мечты да целлулоидные манекены в марципановом кружеве.

6

Васнецов шел по улице, оставляя за украшенной белым венком дверью девичьи слезы. Через два часа он должен был вернуться в управление с отчетом. Два часа свободы, блаженного ничегонеделания.

Инспектор взглянул на вывески – в двух шагах располагался симпатичный виноводочный магазин. Облезлое крыльцо, внутри – хороший выбор дешевого алкоголя.

– Отлично, – подумал он. – Если дражайшая Анжела Владимировна придастся на работе пороку табакокурения, то и мне не повредит разгрузка.

Подумав, Васнецов взял бутылку немецкого светлого и направился в скверик через дорогу.

Вспомнив о законе, запрещающем распитие в общественных местах, Васнецов прикинулся сосной, кои в изобилии росли вокруг. Устроился прямо на газоне, на жухлой осенней травке, постелив под седалище целофановый кулек.

Так, в сосновом обличье, он сидел с полчаса, медленно потягивая пиво и уходя в нирвану.

– Дядя, привет, – вдруг затеребили его, выдирая из блаженной хмельной каталепсии.

– Ты кто? – перед Васнецовым стояла маленькая девочка с грязными кудряшками. Синие глаза смотрели вопросительно.

На ней была красная кофта с подкатанными рукавами, явно снятая со взрослой женщины и застиранные драные джинсики.

– Дядя, бутылочку отдашь? – ручки уже тянулись к полупустой таре.

– Девочка, еще раз спрашиваю, ты кто и откуда? – инспектор был крайне удивлен, он никогда не промахивался с защитой. Сейчас вместо на него на газоне шумело иголками гордое стройное хвойное, впитывая лучи закатного солнышка.

– Я Лугина София Викторовна, я из дома, – доложила девочка.

– А я сосна! – Васнецов для убедительности потряс руками, изображая сосновые лапы. – Вот, колючки сыпятся, видишь?

Девочка задумалась, нахмурила лобик.

– Нет, ты дядя в сером пиджаке, который сейчас допьет пиво и отдаст мне бутылку. А вообще пить вредно, и даже взрослым нельзя.

Васнецов смущенно посмотрел на ребенка. Странная девочка, явно из неблагополучной семьи. Почему она его увидела? Исключение из множества правил, определяющих мировые течения...

Он рывком опрокинул бутылку, выливая пенную жидкость на газон.

– Бери, София Викторовна, – улыбнулся инспектор девочке. Неуловимым движением ладони стер детскую тоску из синих глаз.

Она заулыбалась, стала похожа на обычного ребенка, сбежавшего от мамоньянок.

Васнецов подумал еще две секунды, нашарил в кармане мятый столярник, сунул в грязную ладонь.

– Купи себе мороженого, ребенок!

Осчастливленная девочка уже искала глазами тележку со сладкими лакомствами.

– А можно газировки, дядя?

Старший инспектор кивнул, мучительно соображая, что еще может сделать для маленькой побирушки. Вмешиваться в ее судьбу он не вправе, дурацкие запреты. Можно пробить по базе, выйти на ее безалаберного ангела-хранителя. Придется писать запросы, на это уйдет время, много времени. Много плохого может случиться с маленькой одинокой девочкой в большом городе...

– Вот еще, возьми, София Викторовна! – в руках он держал юбилейный советский рубль с портретом Ленина.

– Это чего такое? – не поняла девочка. – Это можно продать?

– Нет, малыш, нельзя. Это везунчик, знаешь такое?

– Конечно, – обрадованно кивнула девочка. – У меня был такой крестик, от бабушки, но он... потерялся!

Васнецов знал, что она врет, и талисман просто украли. Кто-то очень близкий, поэтому правду говорить нельзя.

– Этот не потеряется. Спрячь подальше, никому не говори, где взяла, вообще не показывай людям. Храни тебя Бог, маленькая!

Девочка вприпрыжку умчалась к ближайшему павильону с мороженым. Васнецов долго смотрел ей вслед, сидя сосной на газоне. Потом встряхнулся, как мокрая собака и побрел, подобный обычному городскому обывателю, на нелюбимую работу.

Продолжение следует

Лейла Кусаева**Наше завтра**

Что готовит нам день грядущий?
 Слепые глаза, глухие уши...
 Вместо лирики – рэп,
 Вместо лезгинки – хип-хоп и степ.
 Вот оно – наше будущее?

Что готовит нам день грядущий?
 Пустые сердца, холодные души,
 Вместо Бога – деньги и власть –
 Урвать и пожить всласть...
 Вот оно – наше будущее?

Что готовит нам день грядущий?
 Языческий рай, адские кущи?...
 Шестеренки без лица,
 без пола, без рода;
 Вседозволенность
 под ником «Свобода».
 Вот оно – наше будущее?

Что готовит нам день грядущий?
 Из пробирок – в жизнь
 Без божьего мандата;
 Общество рабов в эпоху распада?
 Вот оно – наше будущее?

Что готовит нам день грядущий?
 Нет. Не новую систему.
 Первыми были Содом и Гоморра,
 Помпеи, Греция и Рим...
 Теперь и Запад смывает грим.
 Вот оно – наше будущее?

Розенкрейцеры, гностики,
 тамплиеры.
 Ты в них не веришь,
 но они сегодня «в теме».
 Сайентологи, викка,
 ню-эйдж у штурвала.
 Им нужен весь мир –
 ни много, ни мало.

Все эти секты –
 суть ветви одного древа,
 Слова единой песни, припева –
 Единого правительства, веры...
 Единой валюты
 саганинской системы...

Так что же готовит нам
 день грядущий?..
 Готов ли Ты встретить
 такое будущее?

Выходной

Вот и прошел мой выходной,
 Еще одна страничка жизни.
 Что он с собой унес?
 Какие чувства, мысли?
 Какой сегодня смысл бытия?
 Быть может, завтра буду я не я.
 Совсем другая в понедельник...
 Совсем чужая жизнь моя...

Всего-то на пару секунд задержаться...
 И прыгнуть в вечность!
 А потом лететь, лететь...
 С упоением лететь в бесконечность.
 Я не знаю... А ты знаешь,
 Где звезда обивает пороги?
 Может быть...
 Хотя нет! Уверена!
 Я увижу там снова многих!
 В серебристом лунном сиянии,
 В золотых воздушных венцах,
 Я увижу их!
 Лечу в бесконечность!
 Я лечу, побеждая свой страх!

Месяц Рамадан

Приветствую тебя, священный месяц Рамадан!
Благая весть, надежда и опора.
Ради тебя оставим распри все,
Простим обиды и раздоры.
Благоговейно голову склоняя,
Попросим мы Тебя, Всевышний, о прощении,
Чтоб на душе была броня,
От козней сатаны и наущенья.
Попросим, чтоб на истинном пути
Ты удержал нас и не дал нам сбиться,
Чтоб в Судный день перед любимыми людьми
Не почернели наши лица;
Чтоб жизнь подаренную оправдать,
Наполнить ее смыслом и любовью,
Чтоб научиться отдавать
Без жадности, не повода и бровью...
Чтоб стали хоть чуть-чуть добрей
И сострадательнее к людям...
Тогда, быть может, и к Тебе,
Чем год назад, мы ближе будем.

Раненной ланью лежу...
и мну...цветы...
Как остры осколки...
разбившейся мечты!
Меня не пугает
кровь на моих губах.
Пусть с ней утекает
опостылевший страх,
Пусть станет багряной и грустной
кругом земля...
Окутает холодом вечным
ее зима...
Пусть травы с цветами
запомнят этот день –
Когда превратилась я
в блеклую, чуждую тень....

Ах, если б вернуть... повернуть все вспять...
Я раненной ланью лежу...
не могу дышать...

Малика Гайсултанова**Горькая чаша**

Похитив, унося с собою мое сердце,
Ты ушел в тот край,
 где вечные морозы.
Нашел, наверное, ты место,
 чтоб согреться,
А мой удел – лишь вытирать
 украдкой слезы.

Ну как ты мог,
 как смел без разрешения
Разрушить все,
 уйти в тот край дождливый –
Где все уныло, где без сожаленья
Снега и ветры заглушают нивы?!

Мы – песчинки
 на крепкой ладони судьбы.
Ах, как мрачно
 и холодно в мире теперь!
Одиноко и пусто –
 ни слез, ни борьбы.
Охраняю, как бдительный сторож,
 я дверь.

Вдруг вернешься –
 и вновь засияет луна,
Без тебя не хватает огня и тепла.
Кто виновен, что бед испытали сполна –
Ты понять не сумел,
 я, увы, не смогла...

Кто в ответе, так это злая судьба.
Чашу зелья полынного выпью до дна.
Привкус горькой разлуки
 опять на губах:
Видно, так суждено мне – я снова
одна...

Если б наши сердца

Если бы наши сердца
 где-нибудь продавались –
Или на что-то другое
 они бы менялись,
С радостью я продала бы его,
 не торгуясь –
Или бы так отдала,
 ничуть не волнуясь...

Кто б он ни был – богатый,
 а может, и бедный,
Я бы его попросила:
 возьми, сделай милость,

В дом ты его занеси, и не бойся –
 оно не зловредно.
Лишь обогрей, приласкай ты его,
 чтоб забилось.

Сердце живое –
 оно лишь изранено жизнью,
Ты посочувствуй ему
 и послушай историю чувства.
Снова оно оживет и подаст
 бурной радости признак,
Вновь проявляя любви
 или страсти искусство.

Пусть оно снова берется за старое
 – что тут поделать?
Пусть оно вновь испытает
 и радость, и слезы.
Я ведь его отдавала Вам –
 не захотели.
Знайте ж теперь, что любовь –
 не одни только розы...

Сон

Это ты приходил в сновиденья мои,
Сквозь дожди и тоску суеты –
Столько времени,
 столько мучительных лет
Вспоминаю твои шаги.

Эти руки твои, что знакомы так мне,
Вдруг привиделись ночью, во сне.
Голос твой, и родной, и далекий,
Звал меня, как журавль одинокий.

Мы сидели с тобой
 в тихом лунном саду,
Ты мне пел о любви до зари,

Говорил обо всем, говорил про тоску,
И с рассветным лучом уходил.

Забери меня прочь
ты от жизни земной,
От невзгод и людских обид,
Приходи наяву,
чтобы встретиться вновь,
Обо всем на земле забыв...

Спасибо тебе

Спасибо тебе за молчанье,
За безмолвие нашей любви,
За столь редкие встречи, свиданья,
За твое пониманье души.

Благодарствую, милый,
единственный,
Столь желанный и нежный друг
Лишь за то,
что был просто истинным,
И за мир вдохновенный вокруг.

Благодарна судьбе милосердной,
Что мне подарила тебя;
За счастье такое безмерное –
Что в сердце ты есть у меня.

Благослови

Благослови меня
взойти на пламень рук,
В котором зарождается поэзия,
Не зная горя и душевных мук –
Что для поэта, может быть, полезные.

Благослови взойти на пламень век,
Чтобы открыть
все тайны их свеченья,
И отражаться в них
мерцаньем чистых рек,
И плыть волною вслед
за их течением.

Благослови уйти, мой человек –
Но в том себя, прошу лишь
не винить!
Я сенью ангельской
в отпущенный нам век,
Укрою твою скромную обитель...

Осенний лист

То ли люблю, то ли нет –
Я до сих пор не знаю.
В сердце моем глаз твоих свет
Жизнь мою освещает.

Я у тебя любви не прошу,
мне ничего не надо.
Только тебя лишь любить я хочу,
Эта любовь мне – награда.

Любовью безмолвно, любовью навек,
Не ожидая ответа...
Мне хватит твоих опущенных век
И доброго слова привет.

Прекрасен и чист
этот мир, что вокруг,
Он дарит мне вновь вдохновенье.
Спасибо тебе,
мой единственный друг,
За счастье редких мгновений.

Ноябрь. Последний осенний лист
Падает тихо на землю.
Воздух прохладен, пронзительно чист –
Мир будто любви нашей внемлет.

ЭТОТ ВЗГЛЯД

Эта грусть твоих глаз
и усталые взоры,
Что бросаешь куда-то
с неясной тоской,
Меня к тайнам уносят дальнего моря,
Где проносятся
чайки над синей волной...

Я не чувствую ног
под собой, я летаю,
Забывая печаль, забывая себя,
Синь далекого неба меня окрыляет,
Я летаю как птица, свободу любя...

А потом – опускаюсь
я снова на землю,
Где влюбленные только
встречают рассвет;
Где мерцание звезд,
где луна в небе дремлет,
И в ночной колыбели
раскинулся свет...

Остаюсь я одна
с твоим взором печальным,
Лунный дождь проникает
в окошко мое.
Память снова и снова
к тебе возвращает,
И о счастье минувшем
забыть не дает...

Аминат Тапалаева**Рассказы****Женская доля**

Женщине тяжело жить с недостойным мужчиной. И если довелось жить с таким, то это – участь для нее не из легких.

Однажды группа односельчанок возвращалась с похорон. Они вели обычную беседу, чтобы скоротать время. И вот одна у другой поинтересовалась, чем занимается ее муж. Но не успела та ответить, как это за нее сделала другая женщина, доводившаяся ей родственницей. Она выскочила вперед и отрапортовала: дескать, ее муж настолько свободен от всякой ответственности перед семьей, что несчастная вынуждена просить даже соль у соседей.

– Лежит себе, и все! Мой-то постоянно ругает его, да толку никакого, – не унималась Жайна. Именно так звали бойкую женщину, посчитавшую своим долгом сказать правду о муже своей родственницы.

...Она – жена родного брата твоей свекрови – больно задела тебя, заставила тебя тогда задуматься над многими вещами. Оказывается, что близких людей не так много: закрыв дверь за собой в свой собственный дом, ты должен понимать, что те, которые остаются за нею – чужие, и они не пропустят случая попрекнуть тебя тем, что ты некогда, в момент отчаяния, поведала о своем наблевшем и сокровенном...

Тебе захотелось восстановить истину!

Недавно, в один из утренних часов, Жайна пришла к тебе с солью, которую она раздавала, пытаясь «заговорить» плохой сон, приснившийся ей накануне ночью. Ты с благодарностью приняла этот дар, сопроводив его вежливым словом: «У меня как раз закончилась соль. Да воздаст тебе Бог за твои благодеяния, и пусть сон твой возвестит тебе добро и благо», – говорила ты, как и принято говорить в таких случаях. И ты задержала Жайну, думая, что она человек из твоей семьи, значит: близкий. Тебе хотелось в этот момент выговориться, боль переполняла тебя, хотелось освободиться от нее. Ты не догадывалась тогда о том, что люди иногда бывают коварными. Тебе еще неведомо было и то, что они, то сокровенное, доверенное им другими людьми, кладут за пазуху, чтобы в удобный момент попрекнуть тебя этим, ударить тяжелым камнем. Ты просто не знала, что бывают такие люди.

И, чтобы хоть как-то «спасти» ситуацию в тот самый день, когда ты с остальными женщинами шла с похорон, тебе пришлось говорить им: «Ничего страшного! Пусть лежит! Зато в судный день ему не придется держать ответ за то, что принес в дом то, что было заработано нечестным путем! Я-то не ходила ни к кому с протянутой чашкой, чтобы мне отмерили соль, хотя ее у меня и не было: не хотелось, чтобы об этом кто-то знал...»

Ты всегда знала, что к человеку относятся с меньшим уважением, если он не имеет родни, способной защитить его честь, достоинство. Твой муж был из таких людей.

Его взяли в дом родственники матери, которая разошлась с мужем и решила сама воспитывать сына, лишив его отца и его родственников.

«...Ну, конечно, ты спала до обеда, пока мой муж – сын твоей золовки, строил твой дом. И неужели же он после этого не заслуживал хотя бы пачку соли», – кипело в тебе от того, что не можешь задать этот вопрос своей обидчице. Нельзя его задавать! Снохе ничего нельзя, люди не поймут, могут перевернуть и перевернуть. Ты знала, что Жайна плохая хозяйка, но ее муж был мастер на

все руки. Он делал по дому практически все. Жайне, может быть, доставалась какая-то третья часть от всех дел по хозяйству. Да к тому же с тех пор, как ты вышла замуж, ты всегда была рядом со своим мужем и делала все наравне с ним. Да и сегодня, возможно, вы с ним делали бы все также без всякой на то благодарности, если бы вас оттуда не попросили выйти. Вам указали на дверь под предлогом того, нужно освободить комнату для их собственного сына, который, якобы, собрался жениться. И тогда ты подалась к своим родным с просьбой об одолжении денег, чтобы купить какой-нибудь участок земли и выстроить одну-две комнаты. А муж не поддержал тебя в этом.

Он не хотел быть обязанным твоим родственникам, говорил, что он хочет жить там, откуда он родом. Он знал, что ему нечего ждать от родственников по материнской линии, не особенно надеялся и на родственников своего отца, но ему казалось, что от родного дяди, который, как говорили люди, вроде, преуспел во многих делах, он вправе ждать хоть какой-то помощи.

И вы вдвоем, прикупив на рынке гостинцев (не идти же в гости с пустыми руками), отправились к брату родного отца твоего мужа. Вас приняли плохо. Вам не было сказано ни одного вразумительного слова. И вы ушли. Но через чужого человека, дядя передал вам: «С моим богатством пришли ко мне и всякие родственники», – что означало то, что вы ему посторонние люди. Это был очень сильный удар по самолюбию твоего мужа, ... и в вашем доме никто больше не слышал от него слов, касающихся его родственников по отцу.

Да и мать не особо баловала его своей заботой. Она после смерти отца еще три раза выходила замуж. И сейчас жила в своем последнем браке. Был еще брат от второго брака матери. Но он тоже не изъявлял особого желания водить с вами родство. Пришел один или два раза, и то – просить деньги. Но откуда у вас были деньги?! Вы были вынуждены отказать ему, а он больше и не показывался в вашем доме. Говорили, что он потом вовсе угодил в тюрьму, обокрав какого-то своего односельчанина.

Свекровь появлялась в твоем доме всего два раза. В первый раз, когда разругалась со своим очередным мужем: она просила своего сына принять ее и разрешить ей жить с ним. Но через неделю вернулась опять к мужу. Во второй раз – пришла уже на похороны твоего сына. Да и горе ваше, видимо, ее не тронуло, иначе бы она позже не пускала бы слухи о том, что ее отправили с похорон ни с чем. «Не поверите, с похорон своего сына меня невестка отправила домой с пустыми руками!» – говорила она каждому встречному.

...Ты никогда не могла вспомнить, когда начался разлад в твоей семье, когда впервые твой муж стал говорить тебе обидные слова. Казалось, что это началось с того злосчастного посещения дяди. Да, именно тогда, из-за какого-то пустяка он обидел тебя. Вначале он как-то еще старался заглядеть перед тобой свою вину за то, что без причины высказывался жестко, расстраивал. Всегда каялся перед тобой, просил извинения. Самому ему было тоже нелегко. Он как будто злился на что-то, что не имело к тебе отношения. Скорее, он злился на себя, на свою горькую судьбу. Ты же понимала это всегда. Однажды ты услышала, как он, разговаривая сам с собой, произнес в отчаянии: «Как тяжело, оказывается, жить, понимая, что ты производишь из рода недостойных и бесчестных людей!» Это были слова, идущие из глубины души человека, неудовлетворенного своей судьбой, своей участью.

Намного позже ты стала осознавать, что для тебя потеряли всякий смысл и цену слова прощения, произносимые мужем каждый раз после очередной ссоры. Тебе стало казаться, что ты пребываешь в тяжелом сне, что твоя жизнь может рассеяться, как рассеивается утренний туман. Но была очень хрупкая и зыбкая надежда: может быть, все-таки наступит утро!? Ты знала, что когда-нибудь наступит это утро, которое принесет с собой настоящую, реальную

жизнь, и тебе суждено будет окунуться в нее, испытать радость. Эта вера давала тебе силы жить дальше.

А пока ты стремилась к той «настоящей, реальной жизни», твоя судьба испытывала новые удары.

Однажды ты заболела так, что слегла. Родной брат, случайно оказавшийся в этот момент рядом с твоим домом, решил забрать тебя к себе, чтобы должным образом позаботиться о тебе, выходить. Тут и произошла очередная подлость в отношении тебя: муж привел в дом другую женщину, женился.

– Ты не знала, сыт я или голоден! Ты оставила меня, как собаку, лишив своей заботы! И мне хотелось, чтобы тебе было больно, плохо! И только женитьба на другой женщине могла стать достойной мезью для тебя за твой поступок, – передал он тебе свои слова, наполненные желчью и ненавистью. Но, вы не разводились, а его ненависть к тебе росла. Он уже не сдерживал себя, полагая, что ты не уходишь потому, что считаешь ваш общий дом своей собственностью. Ему казалось, что ты будешь оспаривать его с ним, поскольку деньги на его строительство, ты принесла от своих родных. Он злился из-за своих подозрений, раздражался.

– Да я отдам деньги твоей родне! Только ты не думай, что ты после этого удержишься в этом доме хоть на минуту, – мог он вспылить в любой момент. Для тебя же это было всегда неожиданно, поскольку сама суть твоего характера не давала возможности думать о столь низких вещах: ты никогда не могла позволить себе мысль, способную оскорбить достоинство мужчины. Но слова мужа больно задевали тебя, ты пыталась уходить от этого разговора. Молча, ничего не говоря, ты выходила из дома, когда муж в очередной раз начинал говорить тебе оскорбительные и обидные слова... Они жгли тебя больно.

– Время было тяжелое – шла война. В селе происходила очередная «зачистка». По улице шли военные федеральной стороны и собирали мужское население. Ты и здесь проявила свою преданность мужу. Выскочив вперед, загородив собой мужа, ты кричала: «Сначала убейте меня!». Тебе казалось, что если ты женщина, тебя могут пожалеть, не тронут твоего мужа. Ты вцепилась в него всеми силами. Было видно, что он уже успел испугаться: вид у него был такой, что, казалось, душа оставила тело. Его вели, заломив руки назад. Солдаты угрожали, требовали, чтобы ты отстала от него, грозились расстрелять тебя. Но ты не унималась, кричала, хотя тебя уже силой отталкивали от него, волокли по земле. Ты вырвалась, и через секунду – ты сама не успела понять, как это произошло – оказалась впереди мужа, в которого целился солдат. Раздалась автоматная очередь. Испугавшись последствий, что расстреляли женщину, военные засуетились и подались прочь от вашего двора.

– Не надо было лезть не в свое дело, много берешь на себя! – только и сумел сказать твой муж, разглядывая тебя окровавленную каким-то своим кривым взглядом. И после, молча, ушел в дом, оставив тебя раненную на руках негодующих соседских женщин. Они были потрясены не столько военными (их поступки были предсказуемы), сколько твоим мужем, чье поведение в случившемся, казалось, недостойным мужчины. Но тебя это не удивляло. Ты приучила себя к терпению, не зная, что может быть по-другому.

Твоя единственная родная сестра проливала горькие слезы, умоляла тебя оставить его. На это у тебя были свои доводы: «Может, Господь за мои страдания отпустит мне место в раю, хотя понимаю, что мои страдания могут быть оправданы лишь тем, что я жертвую собой ради спасения горькой судьбы этого одинокого человека». Ты пыталась примирить свое сердце со своей тяжелой участью. «Все во имя Аллаха, буду терпеливой, дай мне силы!» – взывала ты к милости Всевышнего.

А мужа твоего уже ничего не могло изменить. Даже когда он был прикован к кровати смертельной болезнью, он продолжал издеваться над тобой. «Травить

меня вздумала, смерти моей желаешь?! Дай Бог мне силы справиться с этой болезнью и встать с этой постели, чтобы только раздавить тебя, сломать...», – кричал он и бросал в тебя посуду, из которой ты его кормила. Однажды эту картину увидела твоя соседка, зашедшая к вам в четверг вечером с подаянием на священную ночь. «Зачем ты терпишь этот ад?» – сказала она, услышав проклятия твоего мужа, которыми он разорялся в твой адрес.

– Соседка, он мой муж и в радости, и здравии, и в беде. От того, что он сейчас стал немощным и беззащитным, он не может перестать быть для меня близким человеком и главой моей семьи. Человек в болезни становится раздраженным и обозленным, – реагировала ты на слова изумленной соседки, хотя ты помнила обо всех обидах, нанесенных тебе мужем.

Да, конечно, ты много раз пыталась разорвать эти отношения, уйти, изменить свою жизнь. Но ты боялась слова «жеро» (разведенка). Оно пугало тебя. Однажды ты решительно собралась уйти, но вернулась с полпути: мысль о сыне, оставленного в доме мужа, болью отозвалась в твоём сердце. Он крепко спал в люльке, когда ты уходила. Пройдя полдороги, ты испугалась, что его могут покусать мухи. «Мой бедный мальчик! Ему не дадут поспать эти мухи! Надо было накрыть люльку легкой тканью!» – стучало в голове... И ты вернулась назад.

Так происходило еще много раз: то дверь в дом осталась не запертой, то люлька с сыном была оставлена на солнечной стороне... А в последний раз ты опять на полпути повернула назад, и приняла окончательное решение – смириться со своей участью. Да, тебе каждый раз удавалось найти причину, оправдывающую такую жизнь. Она была связана, прежде всего, с твоим ребенком. Ради него женщина, считала ты, готова вынести и выдержать многое. Ведь ребенок от плоти и крови твоей!

Ну и здесь был божий знак! Твой единственный ребенок – смысл и радость твоей жизни – покинул этот мир. Бог, пусть жестоко, но как будто пытался освободить тебя от твоего высокого материнского долга. Казалось, что для тебя открыта дорога в новую жизнь. Но ты была непоколебима! Ты нашла другую причину (она тоже шла из сердца), оправдывающую твою безвинную жертву.

Похоронив семилетнего сына, с которым ты хоронила свою жизнь и ее смысл, ты дала себе зарок: уйти и больше никогда не возвращаться в этот дом. Ты ушла! Но не успела ты дойти до улицы, на которой находился твой отчий дом, как снова тебя что-то остановило. Ты вспомнила о цыплятах, которым всего-то была от роду неделя, и маленького беззащитного теленка, который еще толком не стоял на ногах, запертого в сарае. И опять вернулась! Снова вернулась назад к старой жизни! Да и вернуться в отчий дом, из которого давно выветрился дух самых близких тебе людей – отца и матери, – тоже оказалось делом нелегким. Выяснилось, что почти невозможно разрушить в один день налаженную многими годами, какой бы она ни была, жизнь.

– Ты надолго? Останешься на ночь? А то смотри, мы у сестры сегодня собираемся с родными, – спрашивала тебя невестка как бы невзначай, делая вид, что она озабочена своими проблемами, что ей, дескать, не до тебя, и что ты явилась совсем не ко времени... А тебя не было в отчем доме несколько недель.

– Нет, не заночую! Повидала вас, поглядела на родные места, — отвечала ты. – Чего я буду задерживаться здесь, добавив про себя с горечью. «Ты свободна от меня, ты можешь идти куда угодно». Это было все со зла на невестку, которая давала понять, что тебя в отчем доме никто не ждет.

Эти горькие мысли одолевали тебя по дороге домой. Ты понимала, что твой брат достойный мужчина. Скажи ты ему, какой «прием» оказывает тебе его жена, все изменилось бы. Но тебе не хотелось, чтобы твои любимые племянники ополчились против тебя, невзлюбили. Ты-то знала, что они будут на стороне матери. Она может быть плохой невесткой, но матерью плохой – нет! Да и в

сравнении с другими жизненными проблемами, эти казались тебе ничемными. Тем более, что ты искренне считала, что жизнь такая зыбкая вещь: она способна оборваться в любой момент. Поэтому все это того не стоило.

До этого тебе было неизвестно, что кровно близкие люди, бывшие когда-то одной семьей, могут стать чужими людьми. И дом, который когда-то давно, родители строили для всей семьи, стал теперь чужим. Такова жизнь, она диктует другие правила взаимоотношений. Раньше ты не знала, что так может быть. Невозможно было представить, что родной когда-то дом может стать чужим.

И позже тебя не оставляла мысль: были бы живы родители, все могло быть совсем по-другому. Хотя бы, думала ты, они могли бы стать тебе поддержкой и опорой. Ты знала, что они своей лаской обогрели бы твою измученную душу, что рядом были бы понимающие тебя близкие люди.

Несчастливая твоя мать, преподававшая тебе уроки, какой должна быть образцовая жена и хранительница домашнего очага, не выдержала бы, если узнала бы о твоей горькой судьбе. Ее сердце не выдержало бы твоего несчастья.

Она умерла во сне. Легла отдохнуть и не проснулась...

Десять лет она ухаживала за своим тяжело больным мужем. Она смотрела за ним, как за ребенком – трепетно. Ежедневно меняла ему одежду, белье. Стоило ему заикнуться о том, что он чего-то хочет, она тут же ставила это перед ним.

Однажды случайно ты услышала разговор своих родителей: дверь в их комнату оказалась чуть приоткрытой, и ты стала невольной слушательницей. Мать, как обычно, меняла ему одежду, а он, уже совсем немощный, горько причитал: «Какое же это большое несчастье так жить!» Отец плакал, как ребенок!

– Люди с мелкой душой даже Богу не угодны! Взывай к терпению, стаг. Только терпеливый человек удостоится божеского блага, – слышала ты слова своей матери, адресованные сю своему смертельно больному мужу – твоему отцу.

– Я доволен своей судьбой. Она – от Всевышнего! Только вот, очень стыдно перед тобой, – извинялся он в ответ.

– Бог сказал, что он будет относиться к людям так же, как вы будете относиться друг к другу. Я, думаю, что Бог ниспошлет мне благо за мое отношение к тебе, – был ответ, достойный любящей женщины.

Ты наблюдала, как мать после этого тут же переходила на обычные житейские темы, рассказывала мужу всякие смешные истории. Она делала это намеренно, чтобы поднять дух больного мужа, чтобы окружающий мир не казался ему мрачным, а жизнь безнадежной.

Ты знала, что мать уникальная женщина, другой такой невозможно было найти. Она была преданной и терпеливой женой, умела говорить к месту, дарила мужу радость, поддерживала его во всем, и главное – была преданной. Спустя три месяца после смерти матери, отец умер. Было бы странно, если это было по-другому.

В этот самый период, когда один за другим ушли родители, случилось твое знакомство с будущим мужем. Тебе казалось тогда, что у вас схожие судьбы: ты чувствовала себя очень одинокой и несчастной после смерти родителей, и настолько, что иногда такая жизнь казалась в тягость. И он, твой будущий муж, казался тебе одиноким и никому ненужным. Отец у него умер, а мать позже вышла замуж, оставив своего ребенка брату. Тебе тогда казалось, что вы оба смотрите на жизнь одинаково, с какой-то трагической тоской. Ты думала, что это вас может объединить. А вообще ты пожалела его, решила, что ты не имеешь права перед Богом разбивать его сердце. Ты глубоко прониклась его сиротской долей. Однако, униженный с самого рождения, твой муж оказался человеком обзленным. Тяжелой раной легли на его сердце ранняя смерть отца и то, что родственники отца не выполнили свой долг перед ним: оставили его без своей

заботы и опеки, отдав на попечение матери, которая вскорости, после смерти мужа, вышла замуж. Он понимал, что его мать пренебрегла его счастьем, что она думала только о себе и о своем женском благополучии. А ты старалась понять его, заглянуть к нему в душу, залечить его раны, в делах была помощником и товарищем. Ты делала все, но твои попытки оказались тщетными. Под конец, совсем уже обессиленная от непонимания и унижения, ты не сумела спасти хрупкий семейный очаг...

Жизнь шла, она открывала тебе двери и в иные миры, подсказывала тебе, что можно все начать сначала...

Однажды, когда твои отношения с мужем давно ушли за пределы человеческих, когда твой муж, чтобы обратиться к тебе с чем-то, отпускал в твой адрес сначала проклятия, когда ты поняла, что ты совершенно одинока, что вас уже ничего не объединяет, и нет детей, случилась твоя другая встреча...

Ты стояла одиноко на автобусной остановке, когда к тебе подошел мужчина. Намокшая под внезапно набежавшим дождем, прикрывая лицо шифоновым платком, чтобы люди не увидели синяков на нем, ты направлялась домой от брата, которому о причинах своих синяков на лице сказала, что упала неудачно.

Конечно же, ты не обратила внимания на белую машину, которая остановилась недалеко от тебя, и на мужчину, вышедшего из нее. Тебе не до него было. Он подошел и поздоровался с тобой. Он говорил с тобой о твоей жизни, что он слышан о твоих бедах, что ему сложно понять, зачем ты это терпишь. Ты не могла ему ничего сказать, ты думала о своем обезображенном синяками лице. Человек из машины умолял тебя разрешить ему заботиться о тебе, избавить тебя от недостойного мужчины – твоего мужа. Он просил разойтись с мужем и стать его женой... Ты была задета его дерзостью, тем более, что тебе было известно, что у него уже есть семья. Ты думала в этот момент о своей чести: как он осмелился, зная, что ты замужем.

– Как Вы смели, делать мне такое предложение, – говорила ты. – По какому праву Вы позволили себе эту дерзость, что послужило поводом к тому, что Вы решили, что я недостойная уважения женщина, – обрушивала ты весь свой гнев на человека. Он же реагировал на твои гневные упреки с той же горячностью, что и ты. Он был убедителен в своих добрых намерениях в отношении тебя. Он говорил о твоих достоинствах, о своем желании сделать тебя счастливой женщиной. Он почти сумел заставить поверить тебя, как когда-то...

Это был человек из твоего прошлого. Ты была почти готова тогда изменить свою жизнь, но его мать передала для тебя слова, которые заставили тебя попрощаться с надеждой. Твоя будущая свекровь не хотела видеть в своем доме сироту. Ей нужно было, чтобы у будущей жены ее сына был отчий дом, наконец, мать, которой можно было бы пожаловаться в случае твоей провинности. Тогда эта малоизвестная тебе женщина разрушила твою надежду на счастье...

Не знаю, на что бы ты решилась на той самой остановке, если бы ты знала, что жизнь твоя потечет по старому руслу, если бы ты знала тогда, что ты снова, без всякой надежды, будешь утешать себя разными историями других женщин, у которых мужья, перебесившись, пришли к Богу, к молитве. Тебе казалось, что с тобой может произойти то же самое. Это были хрупкие надежды, которые, в отчаянии, ты иногда подпускала к себе... Если бы знала тогда об истинном исходе своей жизни, если бы ты знала, что твоя жизнь так и закончится в этих хрупких надеждах?!...

Время прошло. Ты стала острее чувствовать одиночество. Но у тебя не было никого: ни мужа, и что самое страшное для тебя – детей, которые могли бы утешить и успокоить твою душу.

– Бог тоже не любит ничтожную и мелкую породу людей, потому и не дал тебе детей, чтобы не размножить эту породу, – произнес как-то в твой адрес дядя – двоюродный брат твоего отца. Какой бы жестокой она ни была, твой дядя

любил говорить всегда правду. Ты понимала, что эти слова предназначены тебе, и что дядя прав. Ты понимала, что он, как и все те, кто был свидетелем твоей семейной жизни, знали, насколько ничтожным был человек, которого ты перед Богом и людьми называла мужем. Ты ощущала свою вину в том, что твоя жизнь прошла впустую с этим никчемным человеком, настолько никчемным, что Бог решил не давать ему потомства.

Даже тогда, в последние дни своей жизни, на смертном одре, когда многие из людей пересматривают свою жизнь, просят прощения у близких, каются, твой муж ушел из этого мира, унося с собой свою ненависть к тебе...

– Я вынужден был прожить свою жизнь среди чужих мне людей, был «чужим» для всех настолько, что разговаривал всегда вполголоса, боясь помешать кому-то. Не имел друзей, родных. Не имел мужества вернуться в тот край, дом, где жил мой отец. Но я завещаю вам похоронить меня на кладбище, где покоится мой отец и возвышается его надгробный камень. А похороны пусть пройдут там, где я жил. И вы все, кто жил со мной рядом, должны простить меня, – говорил твой муж за день до своей смерти. Но, эти слова к тебе не относились. Он даже не посмотрел в твою сторону, когда произносил их, давая понять тебе, что они не для тебя...

Ты давно ждала от него этих слов прощения, ждала, что он покается, хотя понимала прекрасно, что они уже не изменят в твоей жизни ничего. Услышать их от него в момент, когда он напуган приближающейся смертью, было естественно. Обычно, когда люди начинают осознавать, что они очень скоро перейдут в мир иной, начинают просить прощения. В этот момент ты проникаешься состраданием к умирающим, не говоря уже о том, что не возникает вопроса: простить или не простить. Если говорить о тебе, то ты простила всех и каждого.

Твой муж никогда не любил говорить о смерти. Наоборот, избегал этой темы, как будто можно было, таким образом, избежать ее – смерть.

Незадолго до его ухода в мир иной ты попыталась выяснить, есть ли у него пожелания, где хоронить его. Он с проклятиями, с гневом отказался говорить на эту тему. Более того, зарекался, что не уйдет из этого мира, пока не отправит прежде тебя в могилу. И ты больше не говорила с ним на эту тему. Пусть хоронят там, где похоронен отец. Это важно, хотя бы потому, что прохожие будут знать, кто лежит под надгробным камнем и чей был он сын.

Спустя год после смерти мужа, тебе чудилось, что он все еще в соседней комнате, зовет тебя, проклиная и ненавидя также неистово, как это было при его жизни. Ты часто вскакивала по ночам, прислушиваясь к этому зову. Однажды, в одну из таких ночей, ты разрыдалась. Слезы лились ручьем, ты проплакала до утра. Это были слезы по твоей безвременно ушедшей юности, несбывшимся мечтам, надеждам, незаметно для тебя ушедшим веснам...

Болезнь – не от Бога, от Бога – исцеление. Здоровье нужно беречь – вот что от Бога! В судный день тебе придется держать ответ за то, что беспечно относился к собственному здоровью. Так ответили человеку, который до старости изводил себя алкоголем, утратил здоровье, и теперь ему казалось, что все от Бога, что нужно и это претерпеть.

А как же быть с тобой?! Если Бог все-таки решит спросить у человека, почему он не был счастливым, почему не искал счастья, то ты будешь самая первая, к кому он обратит этот вопрос.

Есть поверье, что Бог дает то, о чем его просят, наполняет благом руки, протянутые к нему с мольбой. Ты и здесь себя винишь: ты никогда не протягивала руки, моля о божеской щедрости к себе, не просила взамен своей несчастной судьбе счастливую. Без надежды, без мечты и любви жить почти невозможно. Тебе казалось, что Бог вознаградит тебя за твое доброе отношение к мужу,

терпение... Тебе не хватило мудрости прервать свою жизнь с недостойным тебя человеком, ты не задавалась вопросами о своем счастье и благополучии.

В час своих горестных мыслей ты вспоминала почему-то дочь своей соседки Хомсар. Она выходила замуж, но родственники жениха не могли доехать до дома невесты. Шли военные действия и, оказалось, что село жениха «закрыли» федеральные войска. Били по нему из тяжелых орудий, гремели выстрелы, и, казалось, что не до свадьбы. Время было трагическое – военное. Утром, выходя из дома по своим делам, люди прощались друг с другом, потому что не были уверены в том, вернутся назад вечером. Но жизнь, тем не менее, продолжалась. Несмотря на то, что шла война, гремели выстрелы, все понимали, что женщина рождена для создания счастливого семейного очага, в этом считалось ее главное предназначение. Не зная о том, что будет завтра – жизнь или все же наступит тебя смерть, женщина продолжала думать о своем женском счастье...

И, когда на следующей неделе дороги «открыли», жених забрал свою невесту. Спустя полгода после замужества, будучи уже беременной, молодая женщина погибла. Спасаясь от очередного ночного ракетного обстрела, она бежала в укрытие – подвал. Тут и наступила ее смерть. Это были осенние дни... Бедная, она надеялась спастись, торопилась в укрытие. Бежала так быстро, что не хотела тратить время на то, чтобы одеть обувь... Так и погибла босая...

И тебе, несмотря ни на что, как и всем женщинам, тоже хотелось семьи – настоящей, своего дома, детей. Ты была уверена, что твоя дорога – ухабистая и извилистая – тоже ведет к счастью. Но куда она тебя привела?! Она привела тебя туда, куда повел тебя тот, которому ты доверила свою жизнь!..

На второй день, после того, как жених забрал дочь твоей соседки Хомсар, ты ранним утром прибежала к сестре: зареванная, ты упала прямо посередине комнаты.

– Господи! Если можно было бы все повернуть назад, начать сначала! Как мне тяжело жить с этим: понимать, что во всем виновата сама, как же страшно мое прозрение! Неужели нельзя было мне открыть глаза на истинное мое положение? – плакала и причитала ты, невольно обращая свои слова к сестре...

А что сестра?! Она что-то и собралась сказать на это, но передумала. Она прекрасно понимала, что все уже очень поздно! Слова, сказанные сейчас, были ни к чему: они уже ничего не изменят в твоей жизни...

Кольцо от зятя

Стояли мягкие весенние вечера, обогретые теплотой лунного звездного неба. Лишь Аргун иногда «прорезал» их тишину своим заунывным журчанием. В один из таких вечеров к Маржан зашла Майдат. Майдат успела только появиться в доме своей соседки, как обратила свой взор в сторону кастрюли, из которой хозяйка дома извлекала большие куски мяса. Это воодушевило ее. Глаза загорелись!

Маржан, тем временем, отдавая дань этикету, спросила о здоровье соседки и ее домочадцев, поинтересовалась о благополучии ее дома, а после пригласила к столу.

– Мои все разошлись кто куда, каждый по своим делам. А я, вот, решила поужинать. Семья Хожи совершила обряд жертвоприношения. Мясо раздавали по всем близлежащим домам, и вот, нам тоже принесли. От того мяса у меня оставалось еще немного. Им и ужинаю сегодня. Хорошо, что ты зашла, – говорила хозяйка, накрывая на стол. Хозяйка суетилась, пытаясь поскорее подать ужин, отчего на ее порозовевшем носу выступил пот.

– Да, они очень щедрые люди, – говорила Майдат, имея в виду семью Хожи. – Они часто совершают такие благодеяния. От того и благополучны, что не забывают делиться с ближними, – все расходилась в речах Майдат, уютно

усаживаясь за стол, с которого, как ей казалось, ужин призывно смотрел на нее.

Гостью не пришлось долго уговаривать! Она была женщиной довольно упитанной, было видно, что любит поесть. Большими руками, которыми Бог щедро вознаграждал ее, она выбирала кусок побольше, не задумываясь над тем, удобно ли это. Она отвлекалась от трапезы лишь изредка, подавая какую-нибудь ничего не значащую реплику. Маржан, хозяйка дома, тоже активно присоединилась к своей гостье. Она ела с особым усердием, как будто боялась, что ей достанется меньше, чем гостье. Повертев в чесночном соусе жирный кусок мяса, убедившись, что соус обильно пропитал его, искусно отправляла его в рот. После чего смачно прожевывала и проглатывала, а затем своей ловкой рукой подбирала ручьем бежавший по подбородку жир. И только после этих действий Маржан удалось подать голос в знак согласия с гостьей, которая все еще продолжала расхваливать щедрое семейство Хожи.

– Сам Хожа человек очень хороший, но вот жена его – спесивая и неприятная женщина. Одевается, будто она разведенка, да не по годам, не ведая, что дело уже потянулось к возрасту. Была бы это я – никто и не глянул бы в мою сторону, уже не говоря о том, чтобы замуж взять. А уж если случилось бы взять – не задержалась бы там: не сочли бы необходимым зря кормить меня, потому что считали бы, что проку от меня мало. А ведь она такая была страшная, когда была в невестах, а Хожа..Хожа был просто красавцем.

– Да, действительно, она была далеко не красавицей! А ведь хозяйка, говорят, очень хорошая, – все пыталась выгородить жену Хожи Майдат. – Ты пройдишь как-нибудь мимо их дома: она вечно носится, что-то да делает: метет, скотину привечает... Да что там говорить?! Я сама-то давно уже не занимаюсь этими делами, неохота. А она – вся в делах, будто она молодая невестка...

Такая активная попытка защитить жену Хожи, предпринимаемая непрошеной гостьей, откровенно раздражала Маржан. Она твердо стояла на своем

– Если уж, совсем начистоту, я скажу, что вовсе она и нехорошая хозяйка, а эти ее дела якобы – все на показ. Ну и что, что она носится по двору взад-вперед? Бойтся, что кто-то не заметит ее?! Вот в этом все дело. Да к тому же такие женщины, как ты, например, могут похвалить, – коротко оборвала соседку Маржан. На этом и закончили они свои суждения о достоинствах загадочной жены Хожи.

– Опять же, если говорить правду, думаю, что не так уж и легко ей постоянно притворяться и прикидываться «деловой», – произнесли в один голос две женщины, – и разразились веселым смехом, ненадолго прервав процесс поглощения пищи...

Такого рода посиделки у соседок случались часто, тем более, что поводом служили курьезные ситуации из жизни односельчан. Так что всегда можно было найти, что обсудить за щедро накрытым столом.

Вечер потихоньку переходил в тихую ночь. Покой уставших от тяжелого рабочего дня сельчан нарушало лишь лягушечье «ква-ква», доносившееся откуда-то из далека. Тихо прокрадываясь в их дома, оно мешало им спать. Но женщинам, чья трапеза затянулась, лягушки своим «ква-ква» никак не мешали. Лишь только комар, больно укусивший толстую руку вечерней гостьи, потревожил уединение женщин. Воздав должное внезапно налетевшему насекомому, Майдат вдруг как будто вспомнила о чем-то важном.

– Маржан, довольны ли родственники твоего мужа сватовством?...

Месяц назад племянница Маржаниного мужа вышла замуж. Маржан же была уверена, что мать девушки согласилась на замужество дочери исключительно из соображений выгоды, расчета: жених был из богатой семьи. Сама Маржан тоже совсем недавно стала тещей, и ей казалось, что жена родного брата мужа соревнуется с ней постоянно во всем, и что дочь свою та выдала замуж еще и

потому, что ей не хотелось отставать от Маржан. И в этом она нисколько не сомневалась.

– Уж я-то знаю, – говорила Маржан о своей родственнице, чего она хотела для дочери: все надеялась, что и ей что-нибудь перепадет. А они – новая родня, мне-то известно хорошо, люди скупые, алчные. Да вспомнить хотя бы то, как они хоронили своего отца: на поминальном столе не было даже фруктов. При этих словах она губами продемонстрировала свою неприязнь и брезгливость, да так, что если даже эти фрукты оказались бы на тех столах, то поесть их не возникло бы никакого желания.

– Ну, знаешь, не все же любят собирать поминальный стол так, будто это свадебное застолье. Да и нельзя у нас, не принято на похоронах собирать обильные угощения, – пыталась возразить соседка, которую интересовали вещи совсем иного рода.

– Да я не к тому говорю: правильно, похороны не должны походить на свадебное торжество, – расплылась Маржан, вытирая жирные руки об подол своего платья. – Понятно было бы, если бы у них не было возможности устроить достойные похороны. Есть же! И много! Так зачем же экономить на святом! Я же к этому все и говорю, что они большие скупердяи. Знаю, что моей родственнице там ничего не обломится, и нечего тут думать... Я-то уж хорошо знаю, – продолжала Маржан, уверенная в своей правоте. – А каким было кольцо, принесенное зятем?! Стыдобище! Как можно было дарить такое и показывать его, раз уж так случилось?!

Женщина захлебывалась собственной речью.

Майдат, которая могла, и сама тоже, отпустить какую-ни- будь крамолу в адрес кого угодно, с нетерпением относилась, когда это делали другие. И вот сейчас ей тоже не понравилось, что Маржан судит жену деверя, когда у самой рыльце в пушку.

Не задумываясь о последствиях, она обратила свой давно назревший вопрос к хозяйке дома.

– Маржан, а скажи-ка, разве это кольцо не похоже было на то, что принес твой зять?! Я же была там, когда зять пришел в первый раз в дом твоего деверя. Меня тоже пригласили, ... жена твоего деверя и пригласила...

«Да ты явилась бы даже, если бы тебе запретили! Тебе же нужно собрать «информацию», чтобы ею делиться с теми, с кем доведется встретиться», – думала в сердцах Маржан, зная очень хорошо любопытный характер своей соседки...

В последние годы все сложнее выдавать замуж дочку. Женщины из состоятельных семей внесли много всяких ненужных элементов в свадебный ритуал. К примеру, одаривать всех, кто, так или иначе, касался рода жениха, его семьи. Ну и Маржан, чтобы не отстать от этих «передовых» женщин, пыталась сделать все возможное и невозможно для дочери.

Собственных денег у нее не хватало, она их заняла у людей, и собрала для дочери довольно богатое приданое. Но дело было не только в желании матери устроить достойное замужество дочери. Маржан очень любила щеголять своими возможностями, тем, что ей удалось сделать для дочери и ее новых родственников. В Маржан было много спеси. И потом ей очень не понравилась реплика соседки о том, что кольцо, принесенное ее зятем, было похоже на то, которое подарил зять жене деверя. «Не дай Бог, эта дура Майдат ляпнет это где-нибудь при людях!» – спохватилась Маржан.

– Да нет, что ты, интересная ты, однако же, – запротестовала она. – Неужели ты не помнишь его?! Кольцо от моего зятя было совсем другое – из красного золота, а у них из желтого! А оправка вокруг камня?! Непонятно было: то ли оно было из красного или желтого золота. Да ты должна помнить..! – Женщина

говорила очень нервно, каждое слово сопровождала жестами. При этом стул, на котором восседала хозяйка дома, прогибаясь под ее тяжестью, издавал протяжный скрип!

– Маржан, а какая разница из какого золота было кольцо: красного или желтого?! По ним видно было, что они были одной ценности и стоимости. Это подтвердилось бы на любом базаре! Какая разница! Можно сказать, что кольцо от твоего зятя было таким же, что и кольцо, принесенное твоей родственнице, – все не унималась Майдат.

Маржан была в ярости! Лицо потемнело, глаза сверкали молниями, казалось, что они вот-вот выскочат из орбит!

– А знаешь ли ты, что моя дочь, между прочим, два года встречалась со своим будущим мужем. И они женились по любви, – горячилась Маржан.

В этот самый момент она доставала из шкафа конфеты, собираясь предложить соседке попить чай. Но, разозленная ее колкими вопросами, решила отказаться от этой затеи, и вернула конфеты назад на свое место.

– Я выдавала дочь замуж не за богатство и достаток, а родственники жениха настойчиво просили ее у меня, – произнесла Маржан с гордостью и с некоторой кичливостью.

– Ты не поняла меня! Я не говорю, что ты выдала дочь за этих людей, потому что они богаты! Я о другом говорю: кольцо от твоего зятя было такое же, как и кольцо от зятя твоего деверя, – с завидным упорством повторяла Майдат...

Если бы Маржан расстреляли, ей, наверно, не было бы так больно, как сейчас: настолько сильно ранили ее слова, произнесенные соседкой. И что это за разговор, что кольцо от ее зятя было такое же, как и кольцо от зятя ее родственницы?! Она столько вложила в свадьбу дочери, столько денег потратила?! А родственница, может быть, лишь половину из того, что она сделала...!

Кожа на лбу у Маржан собралась в узел, вены на шее вздулись! Слова соседки казались острее ножа!

«Поела у меня, и меня же оскорбляет в моем доме! Надо было тебя наказать за твой злой язык, вспомнить тебе все твои грешки! Что же я не знаю, что ты за хозяйка и чего ты стоишь! Всем известно, что твой муж боится даже чай попросить у тебя! Следовало бы тебе это все высказать и на душе легче стало бы», – едва сдерживала свои мысли Маржан, понимая, что ей и дальше жить с ней по соседству!

Майдат, упорно настаивая на том, что два кольца были похожи, в мыслях держала другое: то, чего давно хотела сказать своей обозленной соседке: «Надо же! Еще на родственницу хочет что-то сказать! Уж я-то знаю твое истинное лицо! Да ты во имя денег готова на все! Твой муж без денег вечером домой боится приходить. Ходит по родственникам, ночует, где попадется!»...

Чай попить соседки так и не успели: слишком многое нужно было еще обсудить...

Майдат, собравшись, наконец, покинуть гостеприимный дом соседки, уже на улице, успела снова напомнить, что кольца были одинаковые... Казалось, что женщины расстались злейшими врагами. Но через два дня на очередной сельской свадьбе две женщины сидели рядом и о чем-то бойко шептались, как самые закадычные подруги...

Перевод Субран ИНАРКАЕВОЙ

Дебют**Хасан Байбетиров**

Родился в селении Дуба-Юрт Чечено-Ингушской АССР в 1967 году. Образование среднее. Мастер по изготовлению гипсовых изделий, художественной лепнине. Стихи пишет с юных лет. Поклонник классической русской поэзии. В журнале публикуется впервые.

**Все это было,
кажется, вчера...**

Есть вещи в мире, и они бессмертны,
Как вспышка молнии,
они едва видны;
Как озарение души,
как вызов смерти,
Они живут законам вопреки.
Как белый снег,
они чисты и невесомы,
И облик вечности они в себе таят,
И каждому из нас
они до слез знакомы,
Но обнаружить их
не в силах легкий взгляд.
И ангелы их бережно скрывают
От равнодушных, вездесущих глаз,
И нас порой они оберегают,
Когда беда врасплох встречает нас.
Они приходят к тем, кто накануне
Встал на молитву
в предрассветный час,
К тем, кто, молитвенно сжимая руки,
Душою искреннею молится за нас.
Они из Рая к нам переселились,
Чтоб указав нам путь,
вернуться вновь,
И в сердце каждого
до срока поселились...
Они – Надежда, Вера и Любовь.

Время быстро куда-то стрелою летит,
Но мы главное что-то теряем.
Жизнь-старуха в окошко
упорно стучит,
Хоть мы тщетно ее прогоняем.

Вот и я, как осенний
промерзший листок,
С каждым днем все сильнее усыхаю,
И ушедшего лета прощальный глоток
Сохранить в своем сердце пытаюсь.
А в мечтах моих призрачных
юность живет,
Как источник добра и веселья,
И душа, словно птица, взлетая, поет,
Забывая печаль и сомненья.
Что я знаю о жизни, природе вещей?
Ничего, лишь догадки слепые.
И гоню я нелепые мысли о ней, –
Видя в них лишь пороки земные.
И не важно, что близок уже горизонт,
И что чаще смотрю на закаты –
Моя лодка по жизни
спокойно плывет,
Огибая легко перекаты.
Я ненастной порой
жду весеннего дня,
Знойным летом жду зимнюю вьюгу –
Чтоб по белому снегу летела душа,
По бескрайнему вечному кругу.

Осколки юности...
Уже не те года.
И опустел наш двор,
Где жили мы когда-то.
Уже в тиши ночной,
Увы, не ходят поезда,
И гулкий стук колес,
Как сон, исчез куда-то...

И детский смех на улицах с утра,
 И песни под гитару до рассвета –
 Все это было, кажется, вчера,
 Но вдруг исчезло, затерялось где-то.
 А над землею вновь взошла звезда,
 Как сотни лет
 всходила многократно...
 Как жаль, что все-таки
 исчезли поезда,
 И юность вместе с ними –
 Безвозвратно...

Исчез последний луч надежды,
 Как солнца свет за тенью штор...
 А сердце, все болит, как прежде,
 И память мучает с тех пор...
 Презревши мир, в уединеньи,
 Следы ушедших дней храня,
 Я слышу чувств своих моленье –
 И тронуть не осмелюсь зря.
 Да, все исчезло, как во мраке,
 Угас последний день в глуши –
 Но нет конца бесцельной драке
 В движеньях мысли и души...
 Беспечность лет, тщета, и славы
 Желанье... где он, прежний дух?
 Как снег растаяли забавы.
 Как с тополей слетевший пух...

Ты не узнаешь, что со мною было,
 Когда ушла ты тихо в ясный день;
 Когда, скрипя,
 дверь за тобой закрылась,
 Твою оставив на пороге тень.
 Когда спустившись,
 сумрак черной ночи,
 Как неизбежный рок моей судьбы,
 Зажег во тьме твои немые очи,
 Напомнив вновь о брошенной любви.
 И пусть теперь забудутся сомненья,
 Исчезнут в мимолетном сладком сне,
 Пусть каждый миг
 и каждое мгновенье
 Тебе напоминают обо мне.
 Пусть буду жалким,
 нищим и убогим –
 Иль вознесусь,
 отмеченный судьбой –
 Мне не свернуть уже с твоей дороги,
 Моя душа останется с тобой.
 И каждый вздох твой,
 каждое движение,
 Повсюду будут связаны со мной –
 Я ангел твоего освобожденья,
 Я черный демон
 грешной жизни твой...

И снова снег. Холодный белый снег
 В моих ладонях тает, на лету...
 Как стая белых птиц свой ускоря бег,
 Снежинок стаи падают во тьму.
 И жизнь моя, похожая на сон,
 Как этот снег, желает повторенья:
 Как в юности, войти в свой отчий дом,
 И испытать те сладкие мгновенья.
 Но снег прошел, снежинки уж не кружат,
 С землей смешавшись, превратились в грязь.
 Вот так когда-нибудь и нас не обнаружат,
 В вечерних сумерках, никто не встретит нас.
 И будет ночь, и злая будет вьюга,
 И миг один прервет мои года,
 Но лишь судьба, как верная подруга,
 С душой останется моею навсегда.
 И мой уход ничто не потревожит,
 На всей земле – ни звука, ни следа...
 Лишь редкий гость, на кладбище, быть может,
 Прочтет заупокойную дуа*.

Другу

Дрожь слетела с лица, затаилось мгновенье,
И прощальный твой стон удлинил мою боль.
Пусть не будет конца этой боли, мученью,
Пусть покоится мир над усопшим тобой.
Без сознания и сил, без обычной улыбки,
Ты лежал предо мной, и был белым как снег.
А как сильно любил ты мгновения жизни,
И не ведал того, что придет твоя смерть!
Ты ушел навсегда, так легко и свободно,
И несбывшийся день тот унесся с тобой.
Пусть же будет душа твоя свету подобна,
Пусть сияет она путеводной звездой!
Ну зачем твой конец был так скоро намечен,
Когда мысли твои только начали жить,
Когда сердцем в груди луч надежды был встречен,
Когда только оно стало больше любить?..
Пусть же мчатся года, предвещая усталость,
Пусть закроет мне день пеленою слеза,
Но я буду всегда помнить краткую радость,
Твою юную боль и ребячьи глаза.
Нет тебя уже, прости мой крик –
Ты остался в памяти моей.
Пусть уходят дни, но не на миг,
Не забыть мне юности твоей.

Когда сбываются мечты, то с восхищеньем смотришь ты
На мир, что был вчера уныл, и лишь теперь он снова мил.
Безбрежной чередой века, цепями призрачных оков,
Сдавили плечи гор седых, но гордый дух не сломлен их.
Лишь сердцу матери родной страдать назначено судьбой,
И в пламени душевных мук оно сгорает от разлук.
Как скоротечен жизни век! И время убыстряет бег,
И за чертою бытия другая участь ждет тебя...
Кто этой жизнью дорожит и над имуществом дрожит,
Закутавшись в ночной тиши, тот не увидит блеск души.
Что значит «быть или не быть?», – когда ты всеми позабыт?
Что ночь в огнях, что радость дня – все протекает без тебя.
Да, в жизни этой, может быть, нетрудно все переkreить,
От бед стремительно бежать... лишь смерти нам не избежать.

* Дуа (араб., чеч.) – молитва

Тауз Исс

К истокам

Этос. Колыбель. Мы все вышли из колыбели. Помните? Качается мир – то вправо, то влево, набегает, то слева, то справа, разбегается, летит, несет сквозь солнечные и ненастные дни. И где-то высоко и близко, и всегда рядом улыбающееся материнское лицо. И райские сны так сладки и безмятежны. Тишина баюкает смолкший мир, и где-то поет сверчок. Зеленое сменяется золотым, золотое – белым, и белое – голым. И снова расцветает удивительный мир.

Человек прощается с колыбелью, баюкавшей его младенческие сны и становится на ноги, делая первый шаг в большое пространство, величиной в земной шар, небо, звезды. Колыбель – его малая Родина, согретая материнским дыханием и песнями, навсегда сольется с его душой. Дороги, тропы, тропинки поведут в долгую жизнь. Будет правда и неправда, смех и слезы, песни и плач. И во все дни, где-то в глубине души, святым материнским напутствием будет таится тепло колыбели. Оно растопит любую стужу, снова поднимет на ноги, снова отправит в дорогу.

И ты снова увидишь небо, крылатых птиц, далекие горизонты, и утреннее солнце. И будут качаться на земле белые колыбели вместе с младенцами, звездами, мирами. И возникнет вдруг пеленающее тебя, как некогда материнские руки чувство, что с каждым днем ты рождаешься для новой жизни. Нет, не зря мы приходим в этот солнечный мир. И не зря нас качали колыбели.

Азбука. Дети красивее всех. Каждый день, сами того не зная, они воспитывают нашу душу. Мы же притворяемся, будто научаем их жизни. Они соглашаются с этим и продолжают жить в своем царстве. Если ты однажды ушел из этого светлого царства, то обратной дороги уже нет. Теперь, расставшись с золотым временем незнания и неведения навсегда, мы познаем его заново глазами детей. И дети щедро делятся с нами своим счастливым миром.

Так они и живут рядом: мир взрослых – мир суетный, и мир меньших – мир неведения и счастья. Когда-то мы тоже были детьми и мечтали быстрее стать взрослыми и взрослыми мечтаем вернуться в детство. Всегда хочется противоположного и недоступного. Но если хорошо подумать, то оказывается, что нет невозможного в этом мире полном чудес. Для этого надо всего лишь «быть как дети». В душе. Во всю жизнь. И тогда мир, в каждый из дней, в каждое мгновение, будет дарить вам счастье. Оно просто и доступно, оно велико и безмерно. Счастье жизни.

Дети же, будут нам помощниками в этом деле. В открытии счастья жизни. Секрет его прост и заключается в том, что человек живет в благодарности и удивлении. И тогда наша жизнь наполнится радостью творчества и соучастия в Великом Созидании Мира. И это открытие будет давать нескончаемые силы. И каждое утро будет приносить нам бодрость и новое открытие мира. Не бойтесь быть собой. Не бойтесь «быть, как дети».

Задача. Традиция подсказывает лапидарную формулу: «Со старшими – будь как старший, с младшими, как младший». Лучше не скажешь. Во взаимоотношении поколений, в чувствовании жизни и времени эта

универсальная формулировка мироощущения полезна для всех возрастов, но особенно в пожилые годы. Она предполагает новизну и дает многозначную возможность видения мира в любом из состояний и отрезке жизни. Можно с уверенностью сказать, что такой подход исходит из уровня культуры, культуры сознания.

Здесь не просто такт, а целая гамма взаимного воспитания и взаимопонимания, живая этика, кроющаяся в глубоких народных традициях. Неразрывная связь поколений, взаимное уважение, любовь друг к другу рождаются именно из такого рода философии, простой, душевной и доступной каждому. Ни одно из высказываний народа не было праздным, в каждом из них кроется проверенная веками мудрость, скрепляющая узы единства во всех поколениях от колыбели до глубокой старости. И в этом состоит сила Народа.

Нам надо быть внимательным, прежде всего к себе, к своим на первый взгляд простым, но очевидным и ясным истинам. Самопознание вытекает из внимания к своим истокам: языку, традициям, обычаям. Это и есть свод культуры, многовековая база, возможность развития. Будем внимательны друг к другу. И тогда мы будем «как дети».

Энциклопедия. Кавказская Нартиада являет собой творение мирового масштаба. Гигантский образ этого уникального произведения восходит к архетипу горца, и складывался в ареале единого духовного пространства на протяжении долгого доисторического времени. По широте охвата и масштабности его можно сравнить с такими шедеврами, как «Махабхарата» и «Илиада». Рассказывают, что относительно недавно на Кавказе еще были живы старцы, помнящие тысяча и более песен-сказаний из Нартиады.

Несомненно, в древнейшем кавказском эпосе ярко отразилась не только рыцарская героика, но и состояние человеческой души, ищущей ответы на вечные вопросы бытия. Перед нами предстают живые, трепетные образы полные горением, страданием и любовью. Жизнь их благородная стезя – во имя торжества правды на земле. Если мысленно собрать всех персонажей кавказского эпоса, то получится Собрание Героев. В них отразился дух народов Кавказа во всей полноте и величии. Знакомство с ними вселяет в человека силу и уверенность в своем предназначении на пути света и добра.

Возможно, что когда-нибудь, быть может уже в недалеком будущем, мы станем свидетелями выхода сводного издания Кавказского Эпоса под общим названием «НАРТИАДА». Это стало бы значительным культурным событием не только на Кавказе, но и в мире. Издание такого масштаба обогатило бы человечество своим содержательным и емким ответом на вечный вопрос мятущегося человеческого духа. Он красной нитью проходит по всему бессмертному Эпосу. «Победи себя» – недвусмысленно говорится в нем. Ибо, только победивший себя, одерживает подлинную победу в этом бренном мире.

Муса Ахмадов**О философии и эстетике Магомета Мамакаева**

Магомет Мамакаев был из тех людей, которые считали своим долгом художественным словом «перелистывать» в творчестве счастливые и трагические страницы (Добро и Зло) в истории народа. Он еще в ранней юности осознал этот долг как свящую ношу. Поэтому всю жизнь старался быть полезным своему народу: то защищая его гражданские права, будучи прокурором республики, то занимаясь наукой («Чеченский тайп в период его разложения»), то осваивая новые жанры молодой чеченской литературы (жанр поэмы – «Кровавые горы», 1928).

Какими бы важными делами не приходилось ему заниматься, Мамакаев своим основным занятием считал литературу. Правда, к этому выбору он пришел не спонтанно, а через годы раздумий. Возможно, окончательное решение было принято им, когда сидел в застенках ГУЛАГа. Как бы то ни было, Магомет Мамакаев все свои главные произведения написал в период с 1956-го по 1973-й годы, если не считать десятка полтора стихотворений и несколько поэм, написанных в 20–30-е годы. Именно в этот период им создано два романа. Первый из них – «Мюрид революции» (1962) – посвящен героической судьбе героя Гражданской войны Асланбека Шерипова, второй – «Зелимхан» (1968) – трагической судьбе легендарного абрека Зелимхана.

Когда задумываешься об этом, прежде всего, на ум приходит мысль, что оба героя, которым посвящены эти произведения, являются известными национальными кьонахами (людьми, посвятившими свою жизнь служению идеалам народа), именно поэтому Магомет Мамакаев считал своим долгом сказать о них свое слово. Кроме этого, если задуматься – некоторые черты характера этих героев очень близки писателю.

Магомет Мамакаев прожил свою жизнь, стараясь неукоснительно следовать основным нравственно-этическим нормам настоящего кьонаха, главными из которых являются: из мирских благ довольствоваться самым малым, тем, без чего нельзя обойтись; во взаимоотношениях с людьми и в целом обществе добиваться справедливости и стоять на том, чтобы ни случилось; свое имя, свою честь оберегать от людского укора...

На эти столпы народной философии и опираются основные нравственные принципы и взгляды на жизнь Магомета Мамакаева. Но, надо отметить, в реальной жизни Мамакаеву не всегда удавалось следовать этим принципам. Связано это было, прежде всего, с его непоколебимой уверенностью в том, что партия коммунистов приведет народ к счастливой жизни.

Порой удивляет тот факт, что эта уверенность жила в нем даже после тринадцати лет каторги, куда он был заточен Советской властью по банальному навету энкавдэшников, и после пережитых там нечеловеческих страданий... С другой стороны, это говорит о том, как сильна была вера писателя в однажды выбранный путь и душевный порыв.

Философия и взгляды Магомета Мамакаева (вера в благие намерения пролетарской революции) особенно наглядно проявляются в романе «Мюрид революции».

Асланбек Шерипов, несмотря на юный возраст, был очень умным, смелым, готовым любой ценой отстаивать интересы народа, молодым кьонахом. Он был не только блестящим историком, философом, политиком, фольклористом, но и, вместе с тем, храбрым, талантливым воином и баьччем (предводителем народной бедноты).

Таким предстает перед нами Асланбек Шерипов и в романе Магомета Мамакаева. Однако этот образ, на наш взгляд, не совсем верно выстроен психологически, другими словами, он написан в публицистической манере, в ущерб художественности, осознанно следуя идеологическим канонам.

Во втором романе рассказывается о жизни знаменитого абрека Зелимхана. Если сравнить с А. Шериповым, погибшим в неполные 22 года, Зелимхан успел совершить множество героических поступков, в его жизни были яркие эпизоды, на которые стоило обратить внимание, притом не приукрашивая ничего. Поэтому роман читается легко и с большим интересом. И даже выдуманный автором фрагмент, когда революционер Бобров проводит агитационную работу с Зелимханом, находящимся вместе с ним в Грозненской тюрьме, не портит общей картины.

Оставаясь только в рамках национальной эстетики, не используя опыт мировой литературы, очень трудно создать крупные эпические произведения. Прежде всего потому, что в чеченском фольклоре нет примеров больших прозаических текстов.

Творчество Магомета Мамакаева следует традициям устного народного творчества чеченцев. В чеченской народной лирике мы находим образцы тонкой и точной передачи прекрасных человеческих чувств. Их главные достоинства: отказ от всякого рода вычурности, использование общеизвестной лексики, и умение передать самые сокровенные мысли (особенно связанные с любовными переживаниями), легкими намеками, иносказаниями...

Однако в девичьих любовных песнях нет таких ограничений, девушкам-горянкам народная эстетика разрешала прилюдно высказывать свои сокровенные чувства. Например:

Шина а дегІана цхьа духар дуйьхина,
 Беа когана ши мача юйьхина,
 Лам лекхча дуйьлуш, ломе ладоьГуш,
 Ин кІорге дуйьлуш, лаьтте ладоьГуш,
 Баккхийчийн орца даларна кхоьруш,
 Кегийчийн орца кхачарна кхоьруш,
 Дедда гІор вайша, дедда гІор вайша,
 Вайшиннан гІуллакх вайн юьртан къаноша
 Вайн дайшца-къаношца, мотт говза лебеш,
 ПаргІата дуйьцур ду, паргІата дуйьцур ду...

(Одев одну одежду на двоих,
 На четыре ноги обув одну пару,
 На гору взобравшись, к горе прислушиваясь,
 В ущелье спустившись, к земле прислушиваясь,
 Остерегаясь погони старших,
 Остерегаясь, чтобы погоня молодых не настигла,
 Сбежим мы, сбежим мы,
 Наши дела сельские старейшины
 С нашими родителями, умно проведя переговоры,
 Свободно разберут).

Так свободно говорить о любви юноша не мог, это считалось непристойным. Восприятие прекрасного у юноши и девушки, как небо и земля, несопоставимо различны в чеченской эстетике.

И потому любовная поэзия Магомета Мамакаева не выходит за рамки народных традиций.

Дяяла!
 Махьежа соь, яьлла цІе хилий,
 Кор кагдеш, чукхета кечделла ткъес хилий,
 Со вагош, вицвина, дІаяха йоллу хьо, –
 Ца оьшу сан дагІе ахь хІотто чевнан муо.
 Цкъа хьабжна, со вицвеш, хьо яьлла дІаяхчахь,
 Ас хІундо, дог догуш, дисинчу цу харшах?
 «Хаьржинарш» (1927–1967)

(Что ты!
 Не смотри на меня, как горящий огонь,
 Ломая окно, словно молния влетающая,
 Обожгла, забыла, а теперь уйти хочешь? –
 Не нужно на сердце моем оставлять шрам.
 Если, раз взглянув, меня забыв, ты уйдешь,
 Что должен делать я с обжигающим сердце шрамом?)

Особенно символично в этом плане стихотворение поэта «Роднику» («Шовдане»). Как чеченец, обладающий высоким чувством такта, для которого совесть и достоинство, прежде всего, являются мерилем нравственной ответственности, лирический герой Мамакаева не может лицом к лицу, глядя прямо в глаза, говорить о своих сокровенных чувствах с возлюбленной, поэтому он изливает их роднику – свидетелю их волнительных встреч.

Ас хуна гуо туйсу,
 И гаре сатуьйсуш;
 Алахь ахь соьга,
 Ца яйра и хуна?
 Схьа йийца ахь кьайлеш,
 И бац цуо левзина ког?
 Хьаьна хьо кегадеш,
 Цадийци цуо шен дог?
 Шен хаза к'айн куьйгаш,
 Хьоьца цуо дилирий?
 Шен деган кьайленаш
 Цуо хьоьга йийцирий?
 Хьо, шовда, ма сихло,
 Саз-латта ма айде...
 Ца яьккхи хьоьга цуо
 Шен дагахь волчун це?
 «Хаьржинарш» (1927–1967)

(Я хожу вокруг тебя,
 Мечтая о встрече с ней;
 Скажи-ка ты мне,
 Не видал ли ты ее?
 Расскажи мне ее секреты,
 Не здесь ли ступала ее нога?
 В ладони набирая воду,
 Не говорила, что у нее на сердце?
 Свои красивые белые ручки
 Полоскала ли она в твоей струе?
 О своих сердечных тайнах
 Она делилась с тобой?
 Ты, родник, не спеши,
 Не поднимай муть со дна...
 Не называла она тебе
 Имя того, кто у нее на сердце?)

Надо отметить, что ограничения чеченской эстетики, связанные с любовными переживаниями, в своих стихах легко «преодолели» поэты новой волны, так называемые «шестидесятники» (Сулаев Магомед, Сулейманов Ахмад, Дикаев Магомед, Гацаев Саид и др.), пришедшие в чеченскую литературу после Магомета Мамакаева. Мы не хотим сказать, что это «плохо» или «хорошо». Мы только утверждаем, что так было. Возможно, это было необходимо для успешного развития чеченской поэзии.

Важно отметить, что эти эстетические ограничения мало влияют, на наш

взгляд, на художественные возможности чеченской поэзии, что нельзя сказать о чеченской прозе. Яркий пример тому творчество Магомета Мамакаева. Оставаясь верным этим принципам, поэт создал немало высокохудожественных произведений. Более того, в творчестве Магомета Мамакаева нет ни одного незаконченного стихотворения или поэмы, непонятных читателю, подогнанных поэтом под определенный ритм или рифму. Поэтические произведения поэта не требуют особого переосмысления, они идеальны и по форме, и по содержанию. Все они нацелены для удовлетворения определенных эстетических чувств читателей. Поэтому поэт ясно выражает свои мысли, убежденный в их благотворном влиянии на умы и сердца людей. Считая своим священным долгом в трудную минуту прийти на помощь людям, Мамакаев создал стихотворение «Заветы Родины» («Даймехкан косташ»):

Хало тIехIюьгтинчохь стогаллех хьо валахь,
Хьайн мехкан сий ларо ахь хьайн дог кхоадахь,
Хьомечу хьан ненан юьхь-сибат ахь диццахь,
Ша – Даймохк кьинтIера бера бац, боху цуо.
«Хабржинарш» (1927–1967)

(Если в трудную минуту тебя покинет мужество,
И честь Отчизны отстоять ты сердце пожалеешь,
Родимой матери благородный лик забудешь,
Я – Родина – не прошу тебя, говорит он).

Как будто пытаюсь уберечь нас, чеченцев, от возможных напастей, чтобы служить нравственным ориентиром, написаны поэтом эти строки:

Шен ненан мотт халкьо,
Сий ойуш, Iалашбахь,
Цу халкьан паргIато
Цхьаммо а хьошур яц!

(Если свой (материнский) язык народ,
Прославляя, будет оберегать,
То свободу этого народа
Никто не сможет растоптать!)

Если так подумать, кажется, что ничего нет проще, как сохранить свободу нации – надо уберечь свой родной язык от исчезновения, ни с кем не нужно воевать, пытаюсь отделиться, чтобы создать независимое государство. Если мы сумеем сохранить язык и связанные с ним нравственно-этические ценности, у нас всегда будет шанс уцелеть, имея свое лицо на этой Земле. Мы понимаем, что над малыми народами, как никогда раньше, сегодня, в XXI-м веке, нависла угроза исчезновения. Когда Магомет Мамакаев писал эти строки, такой угрозы еще не существовало. Прозорливый поэт сквозь толщу лет сердцем и душой прочувствовал эту проблему.

Если Саид Бадуев является зачинателем чеченской прозы, то Магомета Мамакаева следует считать основоположником чеченской поэзии. В поэмах «Любовь Непсы» («Непсин безам», «Кровавые горы» (Ций хуьйдина лаьмнаш)), «Песнь бессмертных» («Майрачийн илли»), созданных в 20-е годы, опираясь на устно-поэтические традиции народа, состоялось становление философской и эстетической системы Магомета Мамакаева.

Перевод с чеченского Шаарани ДЖАМБЕКОВА

¹ Ахмадан Муса (Муса Ахмадов). Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 4. Философия и эстетика Магомета Мамакаева. – Грозный: Дош, 2012. – Сс. 379–385.

Литературная критика: современное состояние и перспективы развития

Недавно в редакции журнала «Вайнах» прошел круглый стол на тему «Состояние современной чеченской литературной критики и литературоведения и пути их развития». Гости редакции были: Муса Бексултанов – народный писатель ЧР, главный редактор журнала «СтелаГад», Исмаил Мунаев – кандидат филологических наук, фольклорист, Шарани Джамбеков – кандидат филологических наук, фольклорист, Субран Инаркаева – завкафедрой отечественной и мировой литературы ЧГУ, кандидат филологических наук, Аюб Джунаидов – писатель. А так же Роза Межиева – поэт, редактор отдела поэзии журнала «Вайнах» и Сулиман Мусаев – писатель, редактор отдела прозы журнала «Вайнах». Ведущий круглого стола Муса Ахмадов – народный писатель ЧР, главный редактор журнала «Вайнах».

Муса Ахмадов. Хочу сделать небольшую преамбулу. У нас литературная критика в последнее время, можно сказать, не развивается и мало кто следит за текущей критикой. И раньше были трудности развития этой отрасли литературы, но, повторяюсь, в последние годы состояние заметно ухудшилось. Наши патриархи литературной критики как-то отошли от этой работы, хотя иногда что-то пишут. К примеру, недавно мы опубликовали статью Казбека Гайтукаева о творчестве писателя и поэта Тауза Исаева.

Вместе с тем, как выясняется, у нас есть немало ученых-филологов, которые защищаются в целом и по литературоведению, и в частности по чеченской литературе. Но почему-то на страницах литературно-художественных журналов статьи этих авторов не появляются или появляются очень редко. Порой мы, писатели, их даже и не знаем, хотя, как позже становится известно, в своих кандидатских или докторских работах они «разбирают» творчество того или иного нашего автора. Если они пишут о нашей литературе, то мы должны знать их имена. Пусть не вся диссертационная работа, но хотя бы «выжимки» в виде небольших по объему литературно-критических статей, должны публиковаться в нашей печати. Я даже слышал, что несколько человек защищались по моему творчеству, но ни имена этих молодых ученых, ни само «исследование» – мне, к примеру, неведомы. Дело, собственно, не во мне, но, вместе с тем, людям интересно знать, чем занимается наша наука.

Хотелось бы, чтобы каждый из вас высказался по этому поводу. На ваш взгляд, в каком состоянии наше литературоведение и критика? Почему они в таком состоянии? Кто виноват и что делать? К примеру, удручающее положение литературно-критической мысли некоторые связывают с особенностью нашего менталитета, с психологией нашего писателя, который воспринимает только оды, а если наоборот – открытая вражда. Но мне кажется, что если присутствует доброжелательный анализ произведения с целью помочь писателю и если в целом разбор произведения несет конструктивный характер, то не может быть никакой речи ни об обидах, ни тем более о вражде. Дадим слово Мусе Бексултанову.

Муса Бексултанов. Я вообще, ни раньше, ни теперь, никогда не видел литературную критику в нашей республике. Сказать проще – ее у нас не было и нет. Критика особенно нужна, когда ты начинаешь писать, когда ты не знаешь, что ты пишешь и как у тебя это что-то получается. Стареющему человеку, как мне, со сложившимися взглядами, со своей темой, своим видением – уверен,

теперь никакая критика не поможет. Мне критик нужен был раньше, когда чертил, рисовал какие-то буквы, фразы, предложения. Сейчас же я никак не отойду от того, что я нашел и что ищу.

Критик должен хотя бы ответить на несколько вопросов: для чего автор взялся за эту тему, что он хочет сказать, какие средства он для этого использует, что он внес нового и как он отразил то, что хотел отразить... Именно – *как* отразил, а не *что*! Критику с подобным анализом я нигде не видел, не читал. Критик должен быть выше, образованнее с большим интеллектуалом, чем писатель.

Во всех странах мира этим занимается университетская профессура, специалисты, которые преподают эту самую литературу. Они пишут об авторах своей страны, проводя сравнительные анализы с произведениями других авторов.

У нас же подчас есть такие писатели и поэты, которые не читали и не читают авторов своего народа. Я в этом точно убедился, я это знаю, я это говорю не для того, чтобы просто говорить. Я во всем этом обвиняю наш университет и пединститут (*имеются в виду ЧГУ и ЧГПИ – А.С.*), которые преподают и изучают художественную литературу, по крайней мере, должны изучать. У какого нашего вуза, скажем, есть научный журнал, где публикуются литературно-критические статьи, исследования о языке...

Субран Инаркаева. Есть...

Шарани Джамбеков. Есть. Каждый год выходят подобные журналы...

Муса Бексултанов. Назовите мне тогда хотя бы одну статью за последние десять лет, которую все читали и в которой дается правдивая, объективная оценка состояния нашей литературы. Кто-то пишет, чтобы насолить другому, кто-то пишет, чтобы восхвалить своего родственника или близкого. Такими темпами, такими знаниями, с таким подходом к литературоведению нечего говорить о его развитии. Мы-то уж нашли свою стезю, многое прожили и пережили, мы уже старые люди, но кто поможет молодому человеку, который только-только начинает свой путь в литературе. Мне это очень больно. И это очень страшно. Вот что я хотел сказать в начале. Потом я дополню.

Муса Ахмадов. Как говорит Муса, для молодых, конечно, очень важно, чтобы умелая рука критика их направляла. Но и для нас, для тех, кто нашел свою художественную систему отображения действительности – а кто не нашел, тот, на мой взгляд, не состоялся как писатель... Так вот, нам тоже важно, чтобы произведение было растолковано читателям... Есть много людей, которые не понимают, имеют представления о художественной литературе более чем примитивные, думают, что художественный текст – это банальный пересказ чего-то. Не ведают о системах, методах, элементах, приемах художественного отображения, которые должны быть у каждого настоящего писателя. У нас же сейчас многие пишут по наитию, не разбираясь во всех этих тонкостях. При таком раскладе в лучшем случае получается публицистика, но никак не художественный текст. И здесь опять же требуется работа критика, который указывает на все это. В последние 10-15 лет у нас появилось огромное количество авторов, которые выказывают недовольство тем, что их не признают, сами себе устраивают всевозможные презентации, занимаются самопиаром... И читатель остается дезориентированным... Критика-то молчит... Аюб, что ты скажешь?

Аюб Джунаидов. Находясь в обществе именитых писателей, мне как-то трудно рассуждать на эту тему. Действительно, у нас с литературной критикой

дела обстоят не очень гладко, и зачастую, как сказал Муса (*Бексултанов – А. С.*), все сводится к приятельской комплиментарности или, наоборот, враждебности. Как мы знаем, каждый исторический период определяет свой метод литературного творчества – классицизм, романтизм, сентиментализм, реализм... То, что происходит в последнее время в России – я не могу понять, какой метод лежит в основе сегодняшней литературы...

Муса Ахмадов. Постмодернизм.

Аюб Джунаидов. Но, вместе с тем, какие цели и задачи стоят перед автором постмодернистского толка? Тебе, мне и еще немногим, может быть, это и понятно, но молодые-то спотыкаются об это... Много вопросов, которые остаются открытыми. И поэтому, мне кажется, надо было бы издать журнал просветительского характера или клуб какой-нибудь создать, где собираются литераторы и критики, наподобие «Прометейя» (*имеется в виду созданное в 1975 году чеченское литературное объединение «Пхьармат» («Прометей»*), куда входили молодые поэты, писатели и критики, пишущие на чеченском языке – А.С.)...

Без критики литературы нет. Наша критика была и есть очень несмелая. В нашей национальной среде критику своего произведения автор воспринимает как личное оскорбление...

Муса Ахмадов. Возвращаясь к словам Мусы (*Бексултанов – А.С.*) относительно того, что у нас нет острых литературно-критических статей. У нас есть, конечно, и резонансные статьи. К примеру, статья Гилани Индербаева и отклик на нее Лидии Довлеткиреевой...

Муса Бексултанов. Это не резонанс, это другое...

Муса Ахмадов. Ну, большего резонанса и не стоит ожидать. Это был самый большой резонанс...

С другой стороны, кого-то задевает, когда о ком-то пишут хорошо. Подобные претензии предъявлялись Зарине Алиевой, мол, она в своих статьях пишет в основном о трех писателях.

Критика – это необязательно разгромная статья. Критика – это и положительная оценка. Критика – это анализ, аналитика. Скажем, Лида (*Довлеткиреева – А.С.*) всю свою диссертацию пропустила через наш журнал, почти все главы из нее в виде отдельных статей публиковались в «Вайнахе». Первая же ее статья – «Экзистенциальные мотивы в чеченской литературе» – вызвала резонанс не только у нас. Эту статью сразу же перепечатал журнал «Дружба народов» – талантливый человек сразу привлекает внимание. Потом статьи Лиды регулярно публиковались и в республиканских, и в других российских изданиях. Но ей тоже вменялось в вину, что она пишет не обо всех. Мы же не можем заставлять человека писать обо всех – у каждого свои предпочтения. Пусть тот критик, который возмущается по поводу того, что кто-то остался вне поля зрения другого критика, сам пишет об этих писателях...

Шарани, по поводу того, что сказал Муса, по поводу наших вузов... Вроде бы, мы двигаемся и параллельно, и в одном направлении, но опять же мы, и писательское сообщество, и в целом широкий круг читателей, остаемся в неведении по поводу того, чем занимается наука. Нет статей, которые влияли бы на процесс становления нашей литературы. Что бы ты сказал?

Шарани Джамбеков. Бексултанов выдал мысль, над которой я тоже давно думал – мы мало читаем друг друга. Это я заметил еще 30-35 лет тому назад, работая в одной из республиканских газет – мы, сотрудники одной газеты, друг

друга не читали. Что это было? Боязнь подпасть под влияние другого или что-то еще? Неожиданно я обнаружил, что мне просто неинтересно читать своего коллегу, который находится рядом, кроме Акбиева, которого я всегда читал из-за оригинальной подачи материала. Я сейчас говорю о журналистике, но нечто подобное наблюдается и в художественной литературе.

Касаемо той проблемы, о которой мы сейчас говорим. На смену старой плеяды критиков и литературоведов не заступила новая. Причина? Тут много факторов... Трудная, тяжелая постсоветская жизнь, а в нашей республике и революционная смута, и две страшные войны, где даже думать не приходилось о том, чтобы читать книги и писать о них. Не последнюю роль в этом играет наше, в целом, неприятие критики как таковой. Некоторые категорически не принимают ее в свой адрес. И если какой-нибудь молодой человек решится дать неприятную для автора произведения оценку, то он немедленно попадает под огонь, и даже случается так, что коллеги и товарищи нашего писателя могут объединиться против начинающего критика...

Категорически, как только что сказал Муса Бексултанов, утверждать, что у нас критики нет и не было, я бы не стал. Были и есть оценки, суждения, попытки анализа... но не было и нет такого масштабного подхода в оценке состояния чеченской литературы, охватывающей, скажем, последние 50 лет, или 20, или даже последние 10 лет. Нет, как у Белинского, всеохватывающего «взгляда».

Отдельные классики, вроде бы, без внимания литературоведов не остались. Айдамиров, к примеру, весь уже изучен, не одна диссертация написана по его творчеству. Шейхи (*Арсанукаев – А.С.*) чуть меньше, Окуева «зацепили» в паре диссертаций...

Муса Бексултанов. Можно мне реплику... По поводу моих слов о том, что у нас нет литературной критики. Что я имею в виду? Как может человек проводить анализ литературного произведения, если он в целом не знает мировой литературы и не знает, что на данный момент в ней происходит? То, что я сказал нужно понимать так: у нас не было полноценной, добротной, разящей критики. Всегда были попытки... Мне бывает очень стыдно и неудобно, когда обо мне кто-то пишет хвалебную статью, а мне понятно, что этот человек не знает литературы. Мне хочется, чтобы человек, пишущий обо мне, был широко начитанным, чтобы у него в багаже была именно мировая литература. Мне не нужен камазист, который пишет обо мне положительные статьи. Мне нужен критик, который знает литературу в сто раз лучше, чем я. Когда мимо проходящий на минуту становится критиком – это отвратительно. Человек должен знать свое дело от и до.

Муса Ахмадов. К нам присоединился Исмаил Мунаев, и пока Исмаил будет входить в процесс, – Субран тебе слово.

Субран Инаркаева. Мне тоже очень сложно, сидя среди вас говорить какие-то вещи... Но, вот, если в общем эту проблему брать... Литература, литературоведение, литературная критика – я бы обозначила это все в целом и вместе. Литературная критика, ее сегодняшнее состояние, отражает состояние и самой национальной литературы на современном этапе ее развития.

Согласитесь, что эта проблема выходит далеко за рамки данного круглого стола. Как мне кажется, это большая государственная проблема. Отсюда многие другие проблемы, которые мы с вами сейчас переживаем, в том числе и социальные. Все это очень сильно взаимосвязано.

И потом, мы с вами должны помнить о том, что национальная литература сама по себе не может интенсивно развиваться и работать на перспективу, если мы

с вами не сотрудничаем с близлежащими регионами, то есть с национальными литературами наших соседей. Ну и, безусловно, мы должны иметь очень тесную связь с общероссийской литературой.

Академическая дисциплина, которой я сегодня занимаюсь – это современная русская литература. И тут я совершенно согласна с тем, что сказал Аюб. Что сегодня представляет русская литература? И вот то понятие – русский постмодернизм, который сейчас мы с вами проживаем... Здесь очень много бездуховных моментов, на мой взгляд.

Не так давно я участвовала в крупном совещании-семинаре в Москве. Был там академик из Молдавии, который говорил о чистоте литературного языка, о чистоте литературы и о том, что же сегодня читать нашим детям и что читать вообще. И на том самом совещании, я, абсолютно не стесняясь, заявила о том, что невозможно читать многие художественные тексты, которые сейчас российской литературной критикой, литературным сообществом России признаны одними из выдающихся. Их нельзя давать читать статистическому рядовому читателю. Во всяком случае, здесь, в Чеченской Республике, я бы не рекомендовала читать многие произведения, которые сейчас выходят в России и называются художественной литературой, претендует на определенный уровень... В этом смысле мы переживаем общие проблемы, которые свойственны общероссийскому литературному процессу. Это такие глубинные вещи. Сейчас, если мы затронем эти проблемы, то мы ни к чему так и не придем, будем очень и очень много говорить по этому поводу.

Возвращаясь к университетской деятельности. Я читаю в университете дисциплину «Теория литературы». Я всегда своим студентам говорила: мне важно, чтобы студент прочитал то или иное произведение и вывел свое собственное видение. Но очень часто, фактически сейчас это стало нормой, в студенческой аудитории совершенно никто не читает художественных текстов. И тут важно упомянуть о том, что из себя представляет университетская, вузовская система... Там очень много проблем. Та же балльно-рейтинговая система. Собственно говоря, это привело к тому, что составляется триста тестов для студента, но при этом не предусматривается чтение самого произведения. Понимаете, это губительная вещь!

Опять же, если мы говорим о литературе, о восприятии ее читателем – мы, как люди, профессионально занимающиеся литературой, безусловно, должны вести очень прямой, объективный разговор. Да, я свое мнение выражаю, но это мнение субъективно. Но, с другой стороны, исходя из литературных, литературоведческих законов, по которым создано это произведение, то я должна об этом сказать. Нравится мне это произведение, не нравится – это другой вопрос. Как созерцатель, как читатель я остаюсь при своем мнении, но, как профессионал, я должна оставаться объективной к этому произведению.

Я сейчас могу отойти от прямой темы, но, тем не менее, хочу сказать, что мне удастся, к великому счастью, или, не знаю, к сожалению, очень часто представлять именно нашу национальную литературу. И где бы я ни была, я пытаюсь донести то, о чем я говорю, профессионально. И нашу литературу воспринимают самым лучшим образом. И знаете, что обидно? Вот только что Шарани сказал, что мы исчерпали Абузара Айдамирова. Шарани, я не соглашусь с вами, мы не исчерпали своего видения Абузара Айдамирова. Мы не можем исчерпать видение какого-либо автора: сегодня мы его всего изучили и дальше – нет. Тогда бы мы, наверное, не имели бы сегодня Пушкина, да? Если сегодняшнее поколение не будет воспринимать Пушкина так, как оно воспринимает, и не скажет свое мнение, значит, Пушкин исчерпан. Но поскольку существует бесконечное восприятие истинно высокого художественного произведения, то, естественно, мы должны в этом направлении работать. Так вот, очень обидно бывает, когда за рубежами нашей республики не знают Абузара Айдамирова.

Очень-очень редко кто знает. Большею частью знают Германа Садулаева. И часто, после моего выступления, мне задают вопрос, не касающийся моего выступления: у вас есть выдающийся автор, Герман Садулаев, как вы к нему относитесь? И мне становится несколько обидно. Скажу – почему? То, что Садулаева считают выдающимся автором и при этом увязывают с нашим народом, мне очень приятно. Другое дело, что у нас есть авторы, живущие здесь, которые делают очень хорошую литературу, высокохудожественную и высокопрофессиональную литературу. И когда не знают этих истинных народных писателей, а говорят о Германе Садулаеве – мне бывает неприятно. Тем более, по поводу его творчества у меня есть свое мнение.

В одном из своих последних интервью писатель Виктор Астафьев произнес слова, которые меня сильно зацепили: для того, чтобы быть истинно русским писателем, надо всеми локтями вцепиться, влиться в русскую жизнь, и только после этого автор может называться русским писателем. Мне тоже кажется, что все-таки тот автор, который врезался локтями в нашу истинно национальную жизнь, написал об этом – вот только он может считаться национальным нашим автором. Да, отдаю должное способности Садулаева писать талантливо, но не считаю его чеченским автором. Безусловно, за пределами я об этом не говорю, мне бывает приятно, но для себя лично подчеркиваю специфику его творчества именно так.

Сегодняшнее состояние и литературной критики, и литературоведения, и в целом нашей художественной литературы увязаны с общими проблемами, которые переживает и наша республика, и вся наша страна. Наверно, мы и экономически, и политически, и граждански должны выйти на какие-то другие рубежи, чтобы зазвучать на должном уровне.

Муса Ахмадов. Субран придала нашей встрече глобальное звучание. Действительно, все в мире взаимосвязано. Но многое зависит конкретно от людей. Ты сказала по поводу наших соседей. Не знаю, может, то, что у нас литературоведение развито слабо, связано и с двумя войнами, может, и с чем-то другим. Но у соседей дела обстоят лучше. Скажем, у балкарцев выходят очень основательные труды о своих поэтах и писателях. О Кулиеве, Мечиеве... О фольклоре много пишут.

Мне кажется, что люди, которые взялись за эту область литературы, не должны снимать с себя личную ответственность.

Когда я читал книгу Кучуковой (Зухра Кучукова – балкарский ученый, доктор филологических наук, профессор КБГУ, известный литературовед, автор книги о ментальности балкарцев), я был приятно поражен – это был настолько высокий уровень анализа и исследования балкарской литературы, что прочитал ее на одном дыхании, как художественную прозу. Потом я принес эту книгу в редакцию, дал прочитать Лиде, и впоследствии Кучукова стала ее научным руководителем.

Наши литературоведы тоже должны ставить перед собой такие же цели, самоотверженно работать. Если взять русскую литературу XIX века, там был один, болеющий чахоткой, Белинский, и никакое государство его не поддерживало. Но он настолько отдавался своему делу, что создал целую науку, сам, один...

Субран Инаркаева. Мне кажется, что человек, который пишет о проблемах нашей литературы, пусть он будет один, но пусть его работа не останется на уровне нашей республики. Пусть он не будет вариться в собственном соку, потому что мы на самом деле живем в другом измерении...

Муса Ахмадов. Вы говорите о проблемах перевода, о проблемах недоступности для русскоговорящего или русскоязычного читателя текстов, написанных на чеченском языке... Но стремясь, чтобы нас все узнали, мы можем потерять язык. По поводу того же Садулаева. Есть четкое научное определение: чеченский писатель тот, который пишет на языке своего народа. И не мы это придумали. Еще в советское время была большая дискуссия по этой проблеме. На этой точке зрения стоял Нафи Джусойты и многие другие. Они говорили: автор должен писать на родном языке, развивать национальный язык. Садулаев развивает русский язык, а не чеченский...

Субран Инаркаева. Муса, да, я с вами согласна. Но я другое хотела сказать: если мы делаем анализ произведения, то он должен тянуть на мировой уровень, чтобы он зазвучал...

Муса Ахмадов. Если статья будет на уровне, ее заметят... Я приводил пример. Вот только некоторые пишут, но не владеют инструментарием, не имеют понятия о стиле и других художественных средствах. Получается – нравится, не нравится. Разве это критический разбор?

По поводу переводов. Нас переводят. Вот у Бексултанова две книги вышли на немецком языке. Меня перевели на французский и немецкие языки. Других перевели. Ну, выходят, ну и что из этого? Да, это признание писательского уровня, но литературоведы, критики за всем этим не успевают. Ты же говоришь, что наша литературная критика отражает общее состояние самой национальной литературы...

Субран Инаркаева. Я имею в виду ее техническое состояние, не в содержательном отношении, нет. Вы упомянули отдельных авторов... А с другой стороны, почему бы и нет? Ведь нет понятия преемственности. Вот есть вы. А кто дальше? Кто? Появятся? А ведь время-то идет. Вот эта разъединенность в литературе даст свои отрицательные плоды.

Исмаил Мунаев. Можно ремарку? Я согласен с Субран, вот только один момент... Я бы сказал, что в нашем варианте нет прямой зависимости состояния литературы от критики, и хорошо, что нет. Почему? Совершенно обоснованно говорит Муса Бексултанов – нет литературной критики, фактически нет, есть отдельные работы, но говорить о полноценной системной критике не приходится. Но, тем не менее у нас есть выдающаяся литература. Это связано с тем, что наши писатели не зависят от состояния критики, не подпитываются от нее самой, а заряжаются от великих произведений прошлого и современности. Я вижу очень мощное воздействие Маркеса, Булгакова и других писателей на творчество Мусы Ахмадова. То есть, понимаете, у наших писателей дополнительные крылья выросли именно благодаря тому, что есть общемировая литературная традиция.

В какой-то мере критика на русском языке у нас есть, да, слабая, порой посредственная, но есть. А вот на чеченском языке – абсолютный ноль. Кроме комплиментарных статей нескольких человек, нет ее! Вот в этом плане Бексултанов прав. И вы правы, Субран, в том, что это государственная проблема и задача. Вместе с тем, я даже в фантастическом романе не представил бы себе возможность в ближайшей перспективе изменения этого вопроса на государственном уровне.

Муса Бексултанов. Не государственное это дело.

Исмаил Мунаев. Я скажу, почему это государственное дело. Когда меня волей судьбы сделали заведующим сектором литературы и фольклора я был в страхе. Задумался: что делать? Быстренько, за считанные недели посмотрел, что сделано и пришел к выводу – ситуация страшная, плачевная. Выход? Надо было начать исследования по жанрам. Мы привлекли Литвиненко и других вузовских специалистов. У нас вышел сборник по чеченскому рассказу. Литвиненко написала в то время великолепнейшую статью о творчестве Мусы Бексултанова, где она его сравнила с современными французскими писателями. Для меня эта статья по сегодняшний день является ориентиром, и я хочу выступить перед студентами именно по научному творчеству Литвиненко.

Далее мы выпустили книгу по жанру романа. Готовилась книга по повести, но она так и не вышла. В принципе, мы сразу определились в ситуации. Тут стоит напомнить, что история литературы, как литературоведческая наука, признана относительно недавно. Все работы наших литературоведов из области истории литературы и имеют посредственное отношение к литературоведению вообще, кроме последних работы Лиды и нескольких человек. Так вот, что я хочу сказать? Когда мы начали изучать роман, выяснилось, что и по части истории литературы мы располагаем недостоверной информацией. Принято было считать, что первый чеченский роман написал Саид Бадиев. Неправда это, абсолютная неправда. Им была написана одна только глава будущего романа, да и та осталась незавершенной. Первый же чеченский роман написала Марьям Исаева – «Ирсан орам» («Корень счастья»). Об этом никто не говорит. Это первый чеченский роман, роман с пространством, временем, миром героев, конфликтами, проблемами и т.д. И притом роман этот был революционный, для того времени эпохальный роман. Историю национального чеченского романа надо начинать с Марьям Исаевой.

Если продолжать, другая веха в чеченской литературе, подчеркиваю – позже объясню «почему?» – именно в национальной чеченской литературе, это Шима Окуев. Следующий этап крупного эпического произведения – это Муса Ахмадов. Вот маяки! Есть четкие, ясные исследования? Нет! Видения даже нет!

Скажем, малая эпическая проза. У нас есть писатель мирового уровня! Не меньше! Писатель, являющийся национальной гордостью, такой же национальной гордостью, как Умар Димаев, Махмуд Эсамбаев. Вот такого уровня у нас писатель – Муса Бексултанов. Его проза на уровне поэзии. Есть у нас осмысление этого? Нет! И мы несчастны! Мы сами себя обкрадываем, потому что мы должным образом себя не представляем.

Есть другие имена? Да, есть! Литература наша, чеченская литература на национальном языке, развивается и великое это дело, что она развивается. Но в одном я поспорю с Мусой Ахмадовым, с моим другом, хочу ему заявить – чеченский народ двуязычен. Для нас совершенно обоснованно русский язык является вторым родным языком. И литература, написанная чеченцем на русском языке, так же национальна, если она отражает внутренние национальные переживания, национальные чувства, национальный мир, эпоху и т.д. Обкрадываем мы себя, придерживаясь позиции, что если не на чеченском языке, то это не чеченская литература. Да, обкрадываем. Если бы мы должным образом сумели оценить того же Саид-Бея Арсанова, он бы звучал не меньше Гамзатова и других национальных писателей. Почему я так говорю? Вспомним хотя бы один аспект из романа «Когда познается дружба» – это взаимодействие фольклора с литературой. Тогда, в советской литературе, после Лермонтова и Толстого, подобный эксперимент провел именно Саид-Бей Арсанов. Эпический фольклорный мотив – единство героя с конем – проходит через весь роман. После Арсанова к этому мотиву пришел Чингиз Айтматов в повести «Прощай, Гюльсары», потом – Баграт Шинкуба... Помните, как у него

конь плывет за своим героем. Повторяюсь, первым, кто после Лермонтова, великолепно образом проиллюстрировал этот мотив, является Саид-Бей Арсанов. К сожалению, мы должным образом это не осветили, не показали... Арсанов есть и остается национальным писателем, хотя он роман свой написал на русском языке.

Понимаете, сегодня, я считаю, у нас Ренессанс – Возрождение. Абсолютно в этом убежден. Самым ярким примером этого является то, что чеченский народ, наконец, усилиями Канты Ибрагимова, начинает возвращать имя академика Захарова. Это величайшее событие, которое мы и сегодня даже не можем до конца оценить. Его оценивают, кстати, за пределами много лучше и должным образом.

И в конце. Есть чеченская русскоязычная литература, есть чеченская национальная литература. Так же обстоят дела и в критике – есть критика и на чеченском языке, есть и на русском. Немного, но в более привилегированном положении находится чеченская литературная критика, что пишется на русском языке. В худшем положении, как и сам язык, находится чеченская литературная критика на чеченском языке. Но решение всех этих проблем – дело не одного человека, не двух, не трех. Наша задача – донести это до всех. Чтобы все это слышали, знали...

Прошу прощения, за то, что моя ремарка затянулась...

Муса Ахмадов. Кто-то добавит по теме?

Муса Бексулганов. Можно мне тоже ремарку? Нам всем должно быть безразлично, кто преподает национальную литературу в наших вузах. Знает ли этот человек национальную литературу, язык, фольклор? Знает ли он литературу вообще? У нас два вуза, которые выпускают филологов. Я не знаю имена тех, кто преподает национальную литературу в наших вузах. Мне кто-то про них рассказывает, называет их имена, но в литературной жизни я их не слышал. Это очень печально!

Субран Инаркаева. Но вот, Муса, вы сейчас о том, о чем мы говорили несколькими минутами ранее, и с чем вы не согласились. Это же проблема на государственном уровне... Если у детей нет интереса ни к национальной литературе, ни к национальному языку...

Муса Бексулганов. Надо сделать так, чтобы возник интерес... Задача преподавателя в том, чтобы дети прониклись любовью к литературе и языку.

Муса Ахмадов. Порой преподаватели мало чем отличаются от тех же детей.

Субран Инаркаева. Ну вот... Вы же понимаете о чем я? Это большая государственная проблема. Мы должны свое сознание поменять...

Муса Ахмадов. Не знаю, как сейчас обстоят дела в общеобразовательных школах, но в мою бытность учителя писали поурочные планы...

Шаарани Джамбеков. И сейчас пишут.

Муса Ахмадов. Почему бы вузовским преподавателям в конце года не издавать свои лекции? Пусть и малым тиражом, но обязательно издать, тем более там есть своя типография. Тогда получится учебное пособие. Ведь

до сих пор в университете нет учебного пособия по чеченской литературе, литературоведению...

Исмаил Мунаев. Пару слов о современной русской литературе. Не все ее аспекты, а касательно темы Чечни в сравнении с XIX веком и началом XX века. Нахожу, что она в страшно упадническом состоянии, наблюдаю обмельчание, отсутствие уважительного отношения к национальностям, отход от гуманистических идеалов Толстого и других классиков русской литературы. Но сегодня в произведениях целого ряда писателей наблюдается шовинистический, порой фашиствующий настрой, и они формируют сознание обывателя. Если мы хотим сохранить Россию как крепкое сплоченное государство... это проблема из проблем.

Субран Инаркаева. Да... Я не просто сказала, что это государственная проблема. Ведь видно, что многие вопросы даже в области литературы нужно решать на уровне государства. Взаимопроникновение культур должны быть у нас? Конечно! Иначе, как мы будем укреплять взаимоотношения? В основе всего того, о чем мы говорим, должны лежать принципы толерантности, взаимопроникновения культур, дружбы, уважения... Все эти вещи лежат на государственном уровне... Здесь очень много проблем – невозможно вычленишь одну и говорить только о ней.

Исмаил Мунаев. В 1997 году мне довелось два раза продолжительное время побывать в США. Я погрузился в эту среду, смотрел различные телепередачи – некоторые интересные моменты мне переводили, знакомился с программами обучения американских студентов. Значит, какие выводы я сделал? Америка, которая культурно санкционировала истребление индейцев, сегодня осознанно пришла, к необходимости возвращения к истокам, поискам истоков на уровне той же индейской культуры. Сегодня они пытаются во всем искать индейские традиции, и, как правило, положительные герои в кино или литературе имеют индейские корни. Сама система абсолютизма денег привела к тому, что два человека просто так, без сиюминутной выгоды или выгоды в перспективе и разговаривать не станут. Но сегодня они уже начали осознавать пагубность такого подхода. Тот же Голливуд, чуть ли не на государственном уровне начал снимать фильмы, где главной сюжетной мыслью является важнейшее человеческое качество – сопереживание.

В России, конечно, дело зашло не так далеко, но если то, что сегодня наблюдается в современной русской литературе, то, о чем говорили, продолжится еще лет на двадцать, то этого государства не будет, не будет той самой семьи народов... Эти проблемы есть и мы должны их видеть.

Субран Инаркаева. Есть очень хорошая кабардинская писательница, которая еще и наукой занимается – Мадина Хакуашева. Она пишет по-русски, и меня как читателя, как человека небезразличного к литературе потрясает то, что она пишет. Сейчас она у себя, в Кабардино-Балкарии, развернула большую кампанию за то, чтобы сохранить кабардинский язык. Поводом для этого послужил закон Г. Сафаралиева о статусе языка, который очень активно обсуждался в российский парламенте. Как мы помним, главный постулат этого закона – изучаем русский язык как родной. Получается, что мы переходим на новый рубеж: если мы изучаем русский язык как родной, куда девается уровень и статус нашего национального языка? Разве мы, как чеченцы, не должны, прежде всего, говорить на чеченском языке? К своему стыду должна признаться, что я не владею родным языком настолько, чтобы свободно излагать на ней свои мысли. У меня этого не получится, как у Мусы Ахмадова, Мусы Бексултанова,

Шарани, поскольку я уже давно привыкла мыслить по-русски. Раньше мне это казалось замечательно, а сейчас я думаю, что это большая трагедия. И мы не говорим о том, что ЮНЕСКО объявил о том, что северокавказские языки через энное количество лет могут исчезнуть, в том числе и чеченский...

Муса Ахмадов. Мы говорили и не перестаем об этом говорить...

Субран Инаркаева. Лишь только Северная Осетия и Татарстан заявили, что они не примут этот закон. Все остальные, получают, приняли.

Когда я спросила у Штеффи Хоттиваре-Юнгер – профессор Университета им. Гумбольдта из Германии: Штеффи, какой вам интерес заниматься нашими национальными литературами, за что вы мне платите деньги? Она с тоской в глазах мне сказала: «Ведь ваш язык в числе тех языков, который исчезнет. Через тридцать, сорок, пятьдесят лет человечество будет хотя бы знать, что был некий народ – чеченцы и была некая культура». Я ей не поверила, но я призадумалась.

Муса Ахмадов. Но мы двигаемся к этому. Сегодня среди начинающих или молодых, пишущих на чеченском языке, раза-два и обчелся. А вот на русском языке молодые пишут охотнее, притом пишут неплохие тексты. Я с ними встречаюсь, и когда говорю касательно чеченского языка, они внимательно, с уважением слушают, но чувствуется, что это для них это далекая музыка. К сожалению, они в полной мере не осознают важность этой проблемы.

Можно долго говорить про все эти проблемы. Давайте сейчас вернемся в круг нашей темы – критики. Роза, как человек долгое время возглавлявшая отдел публицистики, чтобы ты дополнила?

Роза Межиева. В принципе я со всеми согласна. Это такой путанный клубок проблем. Выходим от частного к общему и наоборот. Мне кажется, надо начинать со школ. Для чего в школах даются сочинения, изложения, диктанты? Развивать, собственно, мышление. Когда школы не практикуют или практикуют очень слабо вот такую форму развития мышления, выпускники поступающие в вузы совершенно не умеют размышлять, анализировать, понять идейный посыл конкретного произведения. Отсюда и нет той качественной критики, которой нам с вами хочется.

Муса Ахмадова. Сулиман, что думаешь ты?

Сулиман Мусаев. Сегодняшний разговор выявил две позиции. Одна – у нас совершенно нет критики. Вторая – критика есть, но ее мало. Я скорее придерживаюсь второй позиции.

Одна из причин отсутствия в должной мере литературной критики, хотя, мне кажется, она и не главная – это менталитет. Обычно в частных беседах все так и говорят: о, он (она) обидится, если напишешь не так. Другая причина – у нас очень слабая литература. В советские времена было как? В год Чечено-Ингушское книжное издательство выпускало пять-шесть книг, сегодня до семидесяти книг в год.

Пик чеченской литературы, на мой взгляд, пришелся на вторую половину 80-х годов XX века. Лучшую сегодняшнюю литературу пишут те же авторы, которые пришли в литературу в то время. Но, вместе с тем, если говорить о той литературе, которую сегодня выпускает наш Союз писателей – семьдесят книг в год – не все же это макулатура. Ну, если и не шедевры, то, по крайней мере, там наверняка есть произведения достойные внимания критики. Отсюда

вытекает и третья проблема – у нас никто ничего не читает. То есть, получается такой замкнутый круг.

Муса Ахмадов. Если кто желает, пожалуйста.

Исмаил Мунаев. Муса, если позволите, чуть-чуть, но собственно не о критике как таковой.

Последние семь-восемь лет я, будучи специалистом по русскому фольклору, по древнерусской литературе, методично перестраиваюсь на чеченский язык, веду лекции по чеченскому фольклору на чеченском языке. Уверяю вас, это достаточно сложно, особенно сложности я испытывал в самом начале, тем более я не люблю читать лекции по тексту – я вообще не могу и не привык, каждая моя лекция это абсолютная импровизация. Но я надеюсь, что мне удастся вовлечь студентов в прекрасный мир чеченского фольклора на своем родном языке. По крайней мере лекции мои посещают, и не из-за опаски, что я кому-то поставлю двойку, я никому никогда не ставил двоек...

Главная проблема, с которой я встречаюсь – это отсутствие терминов, отвлеченных понятий, категорий. Но потом я пришел к выводу, что для того, чтобы эти термины сформировались нужно коллективное усилие во времени не одного поколения. Каждый раз, когда я пишу статью на чеченском языке, для меня это невероятно сложно. И каждый раз все те же проблемы терминологического характера. Конечно, мы все не раз об этом говорили, это дело не одного человека. Это дело многих людей – это и философы, и литераторы, и переводчики, и языковеды и т.д. Да, понимаю, что многие термины, хотим мы того или не хотим, приходится и придется заимствовать. Но и свои термины мы должны продвигать. К примеру, слово *изс* (память), который уже крепко вошел в наш обиход – мне это нравится. Это к примеру привел, а там у нас их немало.

И еще, обращаетесь конкретно к тебе, Муса. Вы работаете в журнале, работаете над журналом, и у меня к вам предложение: давайте вы, скажем так, дадите задание анализа по конкретному произведению с последующим публикацией данной работы. Не ждать, пока принесут в редакцию, а самим инициировать. Можете давать задания на различные темы; поработать по жанрам – проблемы романа, повести, рассказа, драматургии, очерка... Вы и мы должны пользоваться возможностями вашего журнала, а у журнала большие возможности.

Муса Ахмадов. Баркал, Исмаил, мы постараемся прислушаться к вашему совету. Мы завершим нашу сегодняшнюю встречу. Раньше круглые столы у нас проходили регулярно, почаще. Сейчас, так получилось, что на целый год взяли паузу. Но вот, редакция купила новый диктофон (смех), и мы решили собраться в дружеской компании. Я изначально посоветовался с Мусой Бексултановым о теме разговора. И так как все проблемы невозможно обсудить на одной встрече, решили остановиться на литературной критике. Если бы у нас была та самая критика, о которой мечтаем, мы, быть может, не перескакивали на другие проблемы. Ну, разговор получился таким, каким он получился. Я благодарю всех вас, что нашли возможность приехать сегодня в редакцию. Надеюсь, очередная наша встреча не за горами. Дела реза хульда шуна!

Подготовил Саламбек АЛИЕВ

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Гилани Индербаев

Драматургия М.Ю.Лермонтова в русской критике

Драматургия М.Ю. Лермонтова, в отличие от его поэзии и прозы, не получила достаточно глубокого изучения и справедливой оценки в русской критике. Причину такого положения некоторые исследователи склонны видеть в «недостаточном» развитии драматургии поэта по сравнению с его поэзией и прозой. Существуют и другие точки зрения: драмы Лермонтова – «лишь теоретические опыты, возникшие на основе его исканий в области литературных жанров» (Б.Эйхенбаум). Еще при жизни поэта консервативная критика объявила его талант «протеистическим», собирательным, заключающим в себе отголоски различных влияний, отказывала ему в оригинальности.

В силу указанных здесь причин драмы Лермонтова с самого начала изучались преимущественно в двух аспектах: в поисках литературных источников и в установлении автобиографического элемента.

Представители советского описательного литературоведения (20-е годы XX в.) с педантичной аккуратностью выискивали и фиксировали в драмах Лермонтова «заимствования»: отдельные строки, случайные совпадения, тематические созвучия общего характера и т.д.

При таком подходе к творчеству поэта нетрудно было впасть в крайности и, как писал Белинский, «за буквой не видеть мысли и случайную внешность принимать за внутреннее сходство».

В 1920-е годы М.А. Яковлев, один из первых советских исследователей драматургии Лермонтова, рассмотрел ее в прямой зависимости от литературных источников. Так, например, сопоставляя текст драмы Лермонтова «Испанцы» с текстом трагедии Шиллера «Дон Карлос», исследователь отмечает «сходство» характеров героев, «совпадения» отдельных сцен, фраз и т.д.

В итоге М. Яковлев приходит к выводу о том, что «основным источником драмы Лермонтова «Испанцы» служила трагедия Шиллера «Дон Карлос»: «Отсюда списаны действующие лица и заимствованы главнейшие положения трагедии...»

С такой же тщательностью исследователь изучает и, на его взгляд, «эпизодические источники «Испанцев» Лермонтова: «Разбойники» Шиллера, драмы Лессинга «Натан Мудрый» и «Эмилия Галотти», драму Гюго «Эрнани», комедию Мольера «Тартюф» и роман Вальтера Скотта «Айвенго».

Таким образом, драмы Лермонтова Яковлевым характеризуются как «опыты», в которых поэт выступает лишь «достойным учеником Шиллера».

Лермонтов, чуткий к передовым веяниям времени, находил в творчестве Шиллера много близкого и созвучного своим романтическим идеалам. Только этим объясняется обращение его к драмам немецкого драматурга.

И в ранние годы Лермонтов не был подражателем. Он шел своим путем. Влияния со стороны, если они имели место, лишь способствовали пробуждению и развитию его вполне самостоятельной мысли. Искать в ранних драмах одно лишь влияние литературных источников и не видеть их внутреннее, чисто лермонтовское содержание – значило бы за деревьями не видеть леса.

К проблеме изучения драматургии Лермонтова с правильных позиций подошел критик С.Н. Дурьлин. Касаясь вопроса о влиянии и заимствованиях,

о которых так много говорилось в монографии М. Яковлева, он писал: «Лермонтов учился у Шиллера, но вовсе не хочет повторять Шиллера. У него свои темы, свои внутренние задачи, своя любовь и ненависть. Каждая его драма – как и его поэмы – больше или меньше, полнее или короче является его личной исповедью».

Путь, избранный М.Яковлевым, оказался бесперспективным. В последующие десятилетия исследователи драматургии Лермонтова сосредоточили свои усилия главным образом на выяснении ее связи с характером и содержанием творчества поэта, с его поэзией и прозой, кругом его излюбленных тем и мотивов, а также на определении ее места и значения в истории русской драматургии, русского театра.

Интерес к драматургическому жанру, как свидетельствует биографы поэта, возник у Лермонтова рано. В детстве он увлекался театром марионеток. В годы учебы в пансионе, а затем в университете Лермонтов посещал спектакли Московского театра, видел игру прославленных актеров того времени – Щепкина и Мочалова.

Многое писали о воздействии на юного Лермонтова Московского театра, актерского искусства Мочалова, о влиянии литературных источников. Влияние это, действительно, подтверждается и биографическими фактами, и наличием его следов в ранней драматургии поэта. Однако, следует твердо сказать, «материал» темы, идеи и мотивы для своих трагедий Лермонтов брал не со стороны, а черпал из запаса собственных наблюдений, личного жизненного опыта, небольшого, но достаточно насыщенного напряженным драматизмом.

Неверно было бы думать, что обращение Лермонтова к драматургии, как полагали некоторые исследователи, было вызвано «не внутренней потребностью», а «навеянным извне». В драматургии поэта, как и в его лирике, поэмах, ранней прозе, много острых, душевных конфликтов, трагических ситуаций. Этот факт позволяет предполагать, что драма, трагедия больше, чем другие жанры, соответствовали дарованию Лермонтова.

В. Белинский, впервые представляя русскому читателю Лермонтова как поэта, писал: «Лермонтов и в прозе является равным себе, как в стихах, и мы уверены, что, с большим развитием его художественной деятельности, он непременно дойдет до драмы. Наше предположение не произвольно: оно основывается сколько на полное драматического движения, заметного в повестях Лермонтова, столько же и на духе настоящего времени, особенно благоприятного соединению в одном лице всех форм поэзии...»

Белинский многие его стихи называл пьесами. Здесь нельзя думать, что критик «путал» жанры. Называя стихи поэта пьесами («Бородино», «Песнь про купца Калашникова...»), критик находил в них элементы, присущие драме: драматизм, действие, динамику сюжета, диалоги и т.д.

Все произведения Лермонтова проникнуты ярко выраженным личностным началом. Они представляют собой «цельный, замкнутый в самом себе мир» (Белинский). И герои поэта одни и те же. Они кочуют из произведения в произведение, из лирики в поэму, из поэмы в драматургию, из драматургии в прозу.

Темы, намеченные в юношеской лирике, находят свое отражение в ранних драмах, поэмах, в прозаических опытах. Географические границы, место действия (Россия, Кавказ, Испания) с точки зрения социально-нравственной проблематики для поэта не имеют существенного значения.

Преобладание лирического начала в творчестве Лермонтова сочетается с широтой интересов, богатством идей, силой и глубиной мысли. Произведения его, отражая личную судьбу автора, отражают русскую действительность того времени. «Великий поэт, говоря о себе самом, – писал Белинский о Лермонтове, – говорит об общем – о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество».

Драматическое наследие Лермонтова составляют всего пять пьес: «Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человек», «Маскарад», «Два брата». Все они написаны в период 1830-1836 годов. После 1837 года Лермонтов оставил драматический род сочинений.

Лермонтову не удалось осуществить многие из своих замыслов. Но то, что он оставил для русской литературы, дает право говорить о начале целого этапа в истории русской драматургии и театра.

Русский театр Чеченской Республики с большой честью носит имя М.Ю. Лермонтова. Оно было присвоено театру в грозном 1941 году. В советское время на сцене театра периодически шли постановки по пьесам великого поэта. Были осуществлены постановки по таким трагедиям, как «Испанцы», «Маскарад» и т.д.

Литература:

Белинский В. Избранное. М., 1954, с.187.

Дурылин С. Лермонтов и романтический театр. – В кн.: «Маскарад» Лермонтова. Сб. статей. М.-Л., 1941, с. 215.

Коровин В. Творческий путь Лермонтова. М., 1973, с. 125.

Серман И. Михаил Лермонтов. Жизнь в литературе. 1836-1841. М., 2003, с.88

Эйхенбаум Б. Статьи о Лермонтове. М. – Л., 1961, с.67.

Яковлев М.А. М.Ю. Лермонтов как драматург. Л. – М., 1924, с.91.

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Шамсуддин Макалов

М.Ю. Лермонтов и восприятие его стихотворения «Пророк»

Смерть Пушкина возвестила о приходе в русскую литературу XIX века нового гения. Это был М.Ю. Лермонтов, написавший стихотворение «Смерть поэта», выступил выразителем гнева народного, защитником народной славы и русской национальной культуры. Это смелая и обличительная поэзия, живое дыхание времени, голос патриота и гражданина. За смерть поэта он бросает вызов придворной клике. Поэту довелось жить в атмосфере глубокого отчаяния и всеобщего уныния, установившейся в России после поражения декабристов. Это было николаевское время, сформировавшее личность и творческий облик Лермонтова. Уже современники Лермонтова отмечали, что печать этих тяжелых лет легла на творческий облик поэта. Вот почему в поэзии Лермонтова звучит не только страстный протест против деспотии и рабства, призыв к свободе, но и разочарование, тоска, чувство одиночества. Он одинок, у него нет друзей. Некоторые считают это явилось вследствие его заносчивого характера, строптивого, беспокойного нрава. Как писал в свое время Е. Евтушенко в «Молитве перед поэмой»:

...Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
Своей презрительности яд,
И келью замкнутой души,
Где дышит, скрытая в тиши,
Не доброты твоей сестра –
лампада тайного добра.

Болезнь одиночества воспринимается им как приговор судьбы. Он ищет родную душу, но не может ее найти, хотя ложных друзей было достаточно:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной.

Его лирику можно рассматривать как «дневник души», живущей личными предчувствиями. И жизнь поэта была вечным скитанием и поиском родного тепла. Однако творчество помогло поэту сохранить веру в жизнь, увидеть в ней непреложные ценности.

В своей небольшой статье я не ставлю цель говорить о лирике Лермонтова в целом, а хочу лишь остановиться на одном из самых последних его стихотворений – «Пророк», написанном в последний год жизни. Лермонтов прожил короткую жизнь, подобно проблеску молнии в грозовом небе. Как известно, он был убит на дуэли. Смерть наступила вечером 15 июля 1841 года, в грозу, пронесшуюся над горой Машук, где он стрелялся со своим прежним товарищем Мартыновым, оскорбившим его неистребимой пошлостью. Поэт выстрелил в воздух – убийство человека не вышло с его нравственным обликом. Как писал С.Есенин: «Он как поэт и офицер был пулей друга успокоен...»

Стихотворение «Пророк» – поэтическое прощание и завещание Лермонтова. У Пушкина тоже есть стихотворение «Пророк», написанное в 1826 году. Лермонтов своим «Пророком» протянул связующую нить от поэзии Пушкина к своему творчеству. Оба они заложили основу того особого понимания искусства и миссии поэта, которое выделяет русскую литературу в ряду европейских

литератур. Каждый их них видит пророка только в истинном поэте. А что же они видели в поэте-пророке?

Безусловно «Пророк» Лермонтова сознательно продолжает пушкинского «Пророка». Даже последовательность библейских книг, вдохновивших поэтов, именно такова: книга Пророка Иеремии, на которую ориентирован лермонтовский «Пророк», следует за книгой пророком Исаяи, проповедника правды и беспощадного обличителя грехов, видение которого составляет основу стихотворения Пушкина. Более того, Лермонтов рисует своего Пророка в той ситуации, в которой закончил свое стихотворение Пушкин:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Пушкин считает, что миссия пророка прекрасна и страшна одновременно: «Глаголом жечь сердца людей».

А Лермонтов как бы продолжает это стихотворение:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока...

Но дальше все будет не так, как предполагал пушкинский пророк. «Почему?» – вот главный вопрос, который возникает при чтении «Пророка» Лермонтова. Что же произошло? Люди не поняли и не приняли пророка, потому что в их очах лишь «страницы злобы и порока»? Или же сам пророк оказался не способен исполнить великую миссию, возложенную на него? Но тогда стал бы Лермонтов гением русской литературы? Недаром Мережковский назвал его «поэтом сверхчеловечества». Он столкнулся с судом «черни тупой», которая не может и не хочет принимать слово Высшей истины. Погиб одинокий и непонятный. Лермонтов, презираемый и изгоняемый отовсюду – поэт-пророк, побиваемый камнями. Ведь сказано: «Нет пророка в своем отечестве».

Если Пушкину присуще уникальное чувство гармонии и равновесия, которое всегда позволяло ему сохранить «покой и волю» (Веленью Божию, о муза, будь послушна, Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспаривай глупца), не таков Лермонтов: страстная, мятущаяся душа Лермонтова не знает покоя. Его слово рождено из пламени и света. Показательна с этой точки зрения и рифма в «Пророке»: «Ученье – камня». Камня брошены в непризнанного пророка, но и он «дерзко» бросает «им в глаза железный стих».

Даже в риторике двух стихов явно чувствуется разница. У Пушкина «Пророк» звучит плавно, величаво, а у Лермонтова чувствуется напряженность и прерывистость звучания. Тем самым создается печальная и тоскливая интонация: «и вот в пустыне я живу», «как он угрюм, и худ и бледен». Да, лермонтовского пророка ждет печаль и тоска, и путь его создает как бы обратное движение по сравнению с пушкинским пророком. Тот из пустыни, преобразованный и вдохновленный Божественным словом, идет с надеждой к людям. Лермонтовский пророк, наоборот, вынужден посыпать пеплом главу и бежать опять в пустыню. И именно здесь, в пустыне, пророк Лермонтова, гонимый и презираемый толпой, знает счастье:

... И вот в пустыне я живу,
Как птица, даром Божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;

И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя...

Мы видим как одиночеству поэта в мире людей противостоит единение со всем мирозданием. Ему с его прозорливую душою, мир небесный, где звезда с звездой говорит, где звучит тихая песня ангела, был ближе, понятнее, чем мир земной, в котором душа его томится, желанием чудным полна, где жар души растрачен в пустыне. И этот радостный разговор со звездами спасает пророка от отчаяния, он, несмотря ни на что должен выполнить свою тяжелую миссию. Он найдет путь к сердцам людей и принесет им слово любви Божьей. Пророческое служение бывает разным, и путь у каждого пророка свой. Но главное для любого из них – хранить свято «завет предвечного» и нести его людям. И он очищает этим свое сердце наилучшим образом. Потому что внутренняя чистота гораздо важнее внешней. Потому что Всевышний обращает внимание не на одежду, а на сердце. Необходимо проявлять милосердие ко всем творениям Всевышнего: к людям, животным, растениям, если мы хотим вознаграждение в долине вечной жизни. Всевышний любит кающихся и любит очищающихся. Иначе говоря путь – познания истины похож на чистый, белый лист бумаги. И нельзя допустить появления даже маленького пятнышка на этой бумаге. Таков, мне кажется, основной лейтмотив стихотворения «Пророк».

Лермонтов нам дорог не только как «ночное светило русской поэзии», но и зато, что он любил Кавказ. Настоящее поэтическое вдохновение он получил именно здесь на Кавказе. У него много стихов о Кавказе, который стал для него вечной любовью. Он заплатил полную дань волшебной стране. «После Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов», – писал В.Г.Белинский. Его лучшие произведения связаны с Кавказом и населены яркими образами горцев (Бэла, Казбич, Мцыри, Беглец, Измаил-Бей и др.). Судьбой гордился его гордый Мцыри и плакал Демон от тоски. Первыми его поэмами были «Кавказский пленник» и «Черкесы», написанные в 1828 году, когда поэту было всего 14 лет. Затем «Кавказ» (1830), «Каллы» (1831), «Хаджи-Абрек» (1831) и другие. Поэтому творчество Лермонтова особенно дорого для нас. А стихотворение «Валерик» тесно связано с нашим краем, где автор по стечению обстоятельств был невольным участником этого сражения, когда он был прикомандирован к чеченскому отряду генерал-лейтенанта Галафеева.

Пребывание Лермонтована на Кавказе – одна из ярких страниц в истории нашего края. В нашей республике для увековечения памяти поэта есть улица, а так же театр его имени, напротив которого установлен и памятник поэту. Кроме того в селении Парабоч Шелковского района, где я недавно побывал, открыт литературный музей его имени. А на речке Валерик обещают установить памятную стеллу. В Грозном прошла международная научная лермонтовская конференция «Лермонтов – Россия – Кавказ: движение во времени», посвященная 200-летию со дня рождения поэта, руководителем оргкомитета, которого был спикер чеченского парламента Д. Абдурахманов. Среди гостей на конференции был даже доктор филологии из Пекинского педагогического университета Ли Чжэнжун, который занимается переводами произведений поэта на китайский язык.

О Лермонтове можно сказать: двести лет в вечность отлетело, но все живут бессмертные творенья. Поэтому любовь к нему новых поколений все возрастает. Круг людей, стремящихся глубже проникнуть в смысл произведений поэта, все расширяется. Хотя исследователями и биографами сказано немало, но все же в истории жизни и гибели Лермонтова до сих пор остается какая-то тайна.

Книжные новинки**М.Ю. Лермонтов. Избранное**

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2014 год годом культуры. И глубоко символично, что именно в этом году страна отметила двухсотлетие со дня рождения великого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Чеченская Республика внесла посильную лепту в этот парад торжеств: Союз писателей Чеченской Республики выпустил сборник избранных произведений талантливого поэта. Следует отметить, что сборник выпущен на чеченском языке. Эту сложную и кропотливую работу проделал известный чеченский писатель, литературный критик, главный редактор журнала «Орга» Эльбрус Минкаилов. В сборник вошли произведения М.Ю. Лермонтова, переведенные на чеченский язык в тридцатые годы прошлого столетия классиками чеченской литературы и ныне живущими мастерами слова. Над переводами гениальных произведений поэта трудились: М-С. Гадаев, А. Мамакаев, А. Сулейманов, М. Сулаев. На страницах сборника также можно встретить переводы А. Кусаева, Л. Абдуллаева, А. Ахматукаева, Х. Хатаева. Удивительно, что даже одна из самых наших молодых поэтесс Асет Халикова не удержалась от соблазна прикоснуться к поэзии М. Лермонтова и весьма удачно перевела на родной язык известное произведение «И скучно, и грустно, и некому руку подать ...». По объему книга невелика. Да и тираж у нее очень скромный - 1000 экземпляров. Однако ценность ее от этого не уменьшается. В сборнике собраны лучшие произведения великого поэта. Здесь есть проза и поэзия. В сборник также вошли любимая всеми поэма «Мцыри».

Аза Газиева

К нашим иллюстрациям**«Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ»**

Помимо поэтического и прозаического наследия Михаила Юрьевича Лермонтова, до наших дней дошла и живопись поэта, которая так же, как и самые значительные его литературные труды, в основном посвящена Кавказу. Но если как поэт и писатель Лермонтов приобрел прижизненную и посмертную славу, то не совсем просто обстояли дела с его рисунками и акварелью. Долгое время исследователи творчества поэта относились скептически к Лермонтову как к художнику. В своих оценках они делали упор на слабости живописной техники, на отсутствии у Лермонтова «достаточных знаний художественного ремесла» и, главное, придерживались неверной точки зрения, заключающейся в том, что дошедшие до нас рисунки, акварели и картины маслом «являются скорее баловством досугов» поэта и «не играют существенной роли в его биографии» (Врангель Н. Лермонтов-художник. — В кв.: Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч., т. 5. Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1913, с. 217.).

Мы не собираемся судить, насколько Лермонтов состоялся как художник, подвергать искусствоведческому анализу его картины. Но в полной мере согласимся со словами литературоведа Н. Белявского, который сказал о художественных работах поэта, что они «дышат тем же неукротимым жизненным темпераментом, экспрессивностью и эмоциональной напряженностью, что и его стихи. Они всегда значимы как своеобразный спутник творчества, как параллельный ассоциативный ряд, раскрывающий художественные устремления поэта».

Саламбек Алиев

На обложке номера представлены следующие работы: 1 стр. «Воспоминание о Кавказе», 2 стр. «Вид Пятигорска», 3 стр. «Военно-грузинская дорога», 4 стр. «Тифлис».

Сведения об авторах и переводчиках

Магомед Абдулаев (1974). Окончил Катыр-Юртовскую среднюю школу № 1 с отличием. В 1990 году поступил в тогда еще ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. Но окончил его позже в связи с известными военными событиями на территории ЧР. Работает с 16 лет. Первое рабочее место детский журнал «Стелалад» («Радуга»). Работал также в газете «Даймохк» (сначала корректором, позднее, специальным корреспондентом, а в послевоенные «нулевые» – редактором отдела политики и экономики), в газете «Васт». В те же годы совмещал основную работу в «Даймохке» с работой переводчика поэзии в журнале «Вайнах». В 2007 году был назначен 1-м заместителем главного редактора журнала «Стелалад», в настоящее время является заместителем главного редактора республиканской газеты «Даймохк». М.Абдулаев из династии поэтов, писателей, журналистов (сын известного народного поэта Чеченской Республики Лечи Абдулаева). Является членом Союза писателей России и Союза журналистов России. Пишет в разных жанрах литературы и журналистики на чеченском и русском языках, а также занимается переводами как с чеченского на русский, так и с русского на чеченский язык.

Лейла Кусаева (1985). Родилась в Гудермесе, Чечено-Ингушетия. В 2008 году окончила факультет химии и технологии биологически активных соединений Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М. Ломоносова. В настоящее время является ведущим специалистом-экспертом инспекции Гостехнадзора ЧР. Пишет стихи и рассказы со школьных лет. Впервые ее стихи были опубликованы в журнале «Вайнах» (№2, 2013).

Малика Гайсултанова (1961). Окончила Серноводский техникум в 1980 году, по специальности «бухгалтерский учет». Пишет стихи с детства. Публикуется в местной периодической печати.

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом известного в Чечено-Ингушетии литературного объединения «Прометей». Работал на разных должностях в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задуло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Шамсуддин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Гилани Индербаяев (1938). В 1964 году окончил историко-филологический факультет ЧИГПИ. Заслуженный учитель ЧР. Пишет литературно-критические статьи. Публикуется в республиканских СМИ с 1967 года. В 2007 году вышел сборник литературно-критических статей «Отражение времени».

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.